

ISSN 2949-1320

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧЬЯ  
НОВЫЕ ТРАЕКТОРИИ  
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Материалы VI международной научно-практической конференции

Калининград  
20—21 октября 2022 года

Том 6

Издательство  
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта  
2022

УДК 332.1:911.3  
ББК 65.9:65.04  
П781

*Рецензенты*

*Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., ст. преп. кафедры региональной политики и политической географии, Институт наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет  
*А. Г. Мнацаканян*, д-р экон. наук, профессор, директор Института отраслевой экономики и управления, Калининградский государственный технический университет

*Редакционная коллегия*

*Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., председатель организационного комитета конференции  
*А. Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, проф.  
*Е. А. Антипова*, д-р геогр. наук, проф.

П781 **Проблемы приграничья. Новые траектории международного сотрудничества** : материалы VI международной научно-практической конференции / отв. ред. А. А. Михайлова. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2022. — Т. 6. — 230 с.  
ISBN 978-5-9971-0734-5

Представлены материалы VI международной научно-практической конференции «Новые траектории международного сотрудничества» (21—22 октября 2022 г., Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта).

Рассматриваются теоретические, методические и прикладные аспекты исследований приграничных регионов различного территориального уровня. Предметом изучения стали актуальные социально-экономические, политические, социальные и экологические проблемы и перспективы их решения в современных нестабильных условиях.

Предназначен ученым и специалистам различных научных направлений, занимающимся региональными исследованиями, аспирантам и студентам. Конкретные рекомендации могут быть использованы в практике управления региональным развитием.

УДК 332.1:911.3  
ББК 65.9:65.04

ISBN 978-5-9971-0734-5

© БФУ им. И. Канта, 2022

IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY

## BORDERLAND ISSUES

NEW TRAJECTORIES OF INTERNATIONAL COOPERATION

Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference

Kaliningrad  
20—21 October 2022

Volume 6

Immanuel Kant Baltic Federal University Press  
2022

*Reviewers*

*Dr Nikolay V. Kaledin*, Associated professor, Senior Lecturer,  
Department of Regional Policy and Political Geography, Institute of Earth Sciences,  
St. Petersburg State University  
*Prof Albert G. Mnatsakanyan*, Head of Institute of industrial economics and management,  
Kaliningrad State Technical University

*Editorial council*

*Prof Gennady M. Fedorov*, the head of organizing committee of the conference;  
*Prof Alexander G. Druzhinin*;  
*Prof Ekaterina A. Antipova*

**Borderland Issues. New Trajectories of International Cooperation :**  
Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference / vol.  
ed. A. A. Mikhaylova. — Kaliningrad : Immanuel Kant Baltic Federal Uni-  
versity Press, 2022. — Vol. 6. — 230 p.

The Proceedings of the VI international scientific and practical conference «New Trajectories of International Cooperation» (October 20—21, 2022, Kaliningrad, I. Kant Baltic Federal University) are presented.

Theoretical, methodological and applied aspects of research in the border regions of different territorial levels are considered. Prominent economic, political, social, and environmental problems and the prospects for their solution in modern unstable conditions are in the focus of consideration.

The papers of the collection are intended for scholars and specialists in various research areas engaged in regional research, postgraduate, graduate, and undergraduate students. The policy and managerial recommendations presented can be used in managing regional development.

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i> (Г. М. Федоров) .....	10
<b><i>Теоретические вопросы географии</i></b>	
<i>Бочарников В. Н., Стеблянская А. Н., Сю Ц., Ван Ц.</i> «Ледовый шелковый путь» как условие построения экологической цивилизации .....	13
<i>Волошенко К. Ю., Лялина А. В., Фарафонова Ю. Ю., Новикова А. А.</i> Селективный подход к регулированию внутренней миграции в интересах обеспечения экономической безопасности региона .....	21
<i>Горочная В. В.</i> Диагностика самоорганизующихся процессов и самоорганизационного потенциала в регионах российского Причерноморья .....	27
<i>Дружинин А. Г.</i> Морская активность России в Причерноморье и на Балтике: новые условия и траектории .....	33
<i>Зверев Ю. М.</i> Новый миропорядок в Балтийском регионе .....	37
<i>Кузнецова О. В.</i> Развитие науки в регионах: актуальные проблемы оценки .....	43
<i>Меньших А. Ю., Коновалова А. В.</i> Российско-белорусское сотрудничество: результаты партнерства и новые вызовы развития .....	48
<i>Михайлов А. С.</i> Роль Черного моря в формировании международных научно-инновационных связей аква-территориальной макросистемы Причерноморья .....	53
<i>Михайлова А. А.</i> Цифровизация малого и среднего бизнеса в России: тренды и перспективы .....	63
<i>Романчук А. Ю., Баринова Г. М., Краснов Е. В., Гаева Д. В.</i> Экологический аудит как инструмент оптимизации регионального природопользования .....	74
<i>Румянцева Н. С., Коновалова А. В.</i> Торгово-экономические отношения России и Белоруссии в современных геоэкономических реалиях .....	79
<b><i>Географические проблемы развития приграничных регионов</i></b>	
<i>Антипова Е. А., Титов А. Н.</i> География и характер миграции населения Республики Беларусь (по материалам переписи населения 2019 года) .....	84
<i>Денисенко В. А.</i> Амурская область и Северо-Восток Китая: сферы взаимодействия и возможности сотрудничества .....	92
<i>Заика Ю. В.</i> Мониторинг показателей международной деятельности научных институтов как основа стратегического планирования организационного развития (на примере организаций Мурманской области) .....	96
<i>Катровский А. П.</i> Приграничные с Беларусью регионы России: вызовы социально-экономическому развитию .....	102
<i>Киреев А. А.</i> Проблемы приграничной политики России на границе с Китаем .....	108

Гнято Р. «Открытые Балканы» — реальный геополитический проект или покупка времени? .....	113
Федоров Г. М. Развитие балтийских субъектов РФ и диверсификация их внешне-торговых связей .....	122
Часовский В. И. Дифференциация и типология субъектов Северо-Западного федерального округа России по экономико-географическим факторам инвестиционной привлекательности .....	129

### **География Калининградской области**

Белов Н. С., Шаплыгина Т. В., Данченков А. Р., Волкова И. И. Оценка воздействия штормов 2022 года на Балтийскую косу (1-й км) .....	134
Зимовина Е. П. Ценностные ориентиры калининградской молодежи как факторы устойчивого развития .....	139
Зотов С. И., Волчев Е. Г. Природные и антропогенные факторы активности луговых клещей <i>Dermacentor reticulatus</i> (Fabricius, 1974) в Калининградской области .....	144
Новикова А. А. Реструктуризация внешнеторговых связей эксклавной Калининградской области .....	149

### **Проблемы социального развития современного села**

Федоров Г. М. Об актуальности внедрения социальных инноваций в сельской местности Калининградской области .....	153
Гуменюк И. С., Гуменюк Л. Г. Транспортно-географическая типология сельских населенных пунктов Калининградской области .....	160
Даньшин А. И. Периферийное положение как фактор примитивизации сельского хозяйства приграничных территорий .....	165
Кропинова Е. Г., Болтова Н. С. Ограниченные возможности для людей с ограниченными возможностями: проблемы и перспективы отдыха в сельской местности .....	169
Левченков А. В. Социальные инновации в сельской местности: потенциал развития для всех или для избранных? .....	175
Михайлова А. А. Полесский муниципальный округ Калининградской области как место для жизни .....	182
Швец А. Б. Новое содержание оседлости сельского населения в Крыму .....	192

### **Исследования молодых ученых**

Ажинов Д. Г., Лапинова Т. Е. Состояние патентной активности в странах Балтийского региона как показатель востребованности научно-технологической подсистемы .....	197
Бурнасов А. С. Вопросы развития газовой инфраструктуры Балтийского региона в 2022 году на примере ФРГ .....	203
Гасанов М. А. Проблемы и перспективы развития Ассоциации стран Юго-Восточной Азии .....	209

<i>Сабурина А. А.</i> Территориальная дифференциация сельского населения Калининградской области .....	214
<i>Тибекина Ю. Ю., Боровик Н. А.</i> Использование метода биоиндикации в изучении озонового загрязнения воздушного бассейна Калининградской области .....	221
<i>Хвалей Д. В.</i> Роль цифровых социальных инноваций в пространственном развитии сельской местности: на примере Полесского муниципального округа Калининградской области.....	225

## CONTENT

<i>Introduction</i> (G. M. Fedorov) .....	10
<b><i>Theoretical Issues of Geography</i></b>	
<i>Bocharnikov V.N., Steblyanskaya A.N., Xu Q., Wang Q.</i> «The Polar Silk Road» as a Condition for Building an Ecological Civilization .....	13
<i>Voloshenko K. Yu., Lialina A.V., Farafonova Yu. Yu., Novikova A.A.</i> Selective Internal Migration Policies for Regional Economic Security .....	21
<i>Gorochnaya V.V.</i> Diagnostics of Self-Organizing Processes and Self-Organizing Potential in The Regions of The Russian Black Sea Region .....	27
<i>Druzhinin A.G.</i> Russian Maritime Activity In The Black Sea Region And In The Baltic: New Conditions And Trajectories .....	33
<i>Zverev Yu.M.</i> New World Order In The Baltic Sea Region .....	37
<i>Kuznetsova O.V.</i> Development Of Science In The Regions: Actual Problems Of Evaluation .....	43
<i>Menshikh A. Yu., Konovalova A.V.</i> Russian-Belarusian Cooperation: Partnership Results And New Development Challenges .....	48
<i>Mikhaylov A.S.</i> Role Of The Black Sea In International Science And Innovation Networks Of The Aqua-Territorial Macrosystem Of The Black Sea Basin .....	53
<i>Mikhaylova A.A.</i> Digitalization Of Smes In Russia: Trends And Prospects .....	63
<i>Romanchuk A. Yu., Barinova G.M., Krasnov E.V., Gaeva D.V.</i> Environmental Audit As A Tool For Optimizing Regional Nature Management .....	74
<i>Rumyantseva N.S., Konovalova A.V.</i> Trade And Economic Relations Russia And Belarus In Modern Geo-Economic Realities .....	79
<b><i>Geographic problems of the border regions development</i></b>	
<i>Antipova E.A., Tsitou A.N.</i> Geography And Nature Of Population Migration Of The Republic Of Belarus (Based On The 2019 Census) .....	84
<i>Denisenko V.A.</i> Amur Region And Northeast China: Scope Of Engagement And Possibilities Of Cooperation .....	92
<i>Zaika Yu.V.</i> Monitoring Of Indicators On International Performance Of Scientific Institutions As A Basis For Strategic Planning Of Organizational Development (By The Example Of The Organizations Of Murmansk Region) .....	96
<i>Katrovsky A.P.</i> Russian Regions Bordering Belarus: Challenges To Socio-Economic Development .....	102
<i>Kireev A.A.</i> Problems Of Russia's Border Policy On The Border With China .....	108
<i>Gnjato R.</i> The Open Balkans — A Feasible Geopolitical Project Or Buying Time? .....	113
<i>Fedorov G.M.</i> Development Of The Baltic Regions Of The Russia And Diversification Of Their Foreign Trade Relations .....	122

<i>Chasovskii V. I.</i> Differentiation And Typology Of Subjects Of The North-Western Federal District Of Russia Economic And Geographical Factors Investment Attractiveness.....	129
---	-----

### ***Geography of the Kaliningrad region***

<i>Belov N. S., Shaplygina T. V., Danchenkov A. R., Volkova I. I.</i> Assessment Of The Impact Of 2022 Storms On The Baltic Spit (1 Km).....	134
<i>Zimovina E. P.</i> Values Of Kaliningrad Youth As Factors Of Sustainable Development	139
<i>Zotov S. I., Volchev E. G.</i> Natural And Anthropogenic Factors Of Activity Of Meadow Ticks <i>Dermacentor Reticulatus</i> (Fabricius, 1794) In Kaliningrad Region.....	144
<i>Novikova A. A.</i> Restructuring Of Foreign Trade Relations Of The Exclave Kaliningrad Region.....	149

### ***Modern problems of rural social development***

<i>Fedorov G. M.</i> On The Relevance Of Social Innovation Implementation In The Rural Areas Of The Kaliningrad Oblast.....	153
<i>Gumenyuk I. S., Gumenyuk L. G.</i> Transport And Geographical Typology Of Rural Settlements Of The Kaliningrad Region.....	160
<i>Danshin A. I.</i> Peripheral Factor Of Agricultural Primitivization In Border Areas.....	165
<i>Kropinova E. G., Boltova N. S.</i> Limited Opportunities For People With Disabilities: Problems And Prospects Of Recreation For The Disabled In Rural Areas.....	169
<i>Levchenkov A. V.</i> Social Innovations In Rural Areas: Development Potential For All Or A Select Few?.....	175
<i>Mikhaylova A. A.</i> Polessky Municipal District Of The Kaliningrad Region As A Place For Life.....	182
<i>Shvets A. B.</i> New Content Of Rural Settlement Population In Crimea.....	192

### ***Young Scholars' Research***

<i>Azhinov D. G., Lapshova T. E.</i> The State Of Patent Activity In The Baltic Region Countries As An Indicator Of The Demand For Scientific And Technological Subsystems.....	197
<i>Burnasov A. S.</i> Development Of The Natural Gas Infrastructure Of The Baltic Region In 2022 On The Example Of The Germany.....	203
<i>Gasarov M. A.</i> Problems And Development Prospects Of The Association Of Southeast Asian Nations.....	209
<i>Saburina A. A.</i> Territorial Differentiation Of The Rural Population Of The Kaliningrad Region.....	214
<i>Tibekina Yu. Yu., Borovik N. A.</i> Use Of The Bioindication Method In The Study Of Ozone Pollution In The Air Basin Of The Kaliningrad Region.....	221
<i>Hvaley D. V.</i> The Role Of Digital Social Innovations In Spatial Rural Development: On The Example Of Polessky Municipal District Of The Kaliningrad Region.....	225

## ВВЕДЕНИЕ

---

### ШЕСТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В САМОМ ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ: КАЛИНИНГРАД ПОДТВЕРЖДАЕТ СВОЮ РОЛЬ ВАЖНОЙ ПЛОЩАДКИ ОБСУЖДЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Все пять предыдущих осенних международных конференций, организованных Балтийским федеральным университетом и Калининградским отделением Русского географического общества, имели общий подзаголовок «Балтийский регион — регион сотрудничества». Но нынешняя, шестая по счету, конференция, больше не может так называться. Балтийский регион, недавно служивший примером международного сотрудничества, превратился в зону усиливающейся конфронтации. Резко сократились прежде разнообразные трансграничные связи, западные партнеры не только разрывают экономические отношения, но и прекратили сотрудничество в сфере науки, образования, спорта, культуры. Затруднены коммуникации Калининградской области с основной частью страны.

Важным направлением работы конференции 2022 г. стало обсуждение развития в меняющихся условиях экономики западных регионов Российской Федерации, возможностей как географической реструктуризации внешнеэкономических связей и развития новых направлений сотрудничества, так и совершенствования отраслевой структуры экономики и повышения экономической безопасности приграничных регионов России. Данный сборник статей содержит материалы конференции, в том числе специального научно-практического семинара по проблемам развития села и внедрению социальных инноваций в сельской местности.

В разделе «*Теоретические вопросы географии*» большое внимание уделено прибрежно-морской проблематике — геополитическим и геоэкономическим вопросам развития Балтийского и Черноморского регионов — стран и их частей, расположенных вокруг соответствующих морей. Ю. М. Зверев остановился на геополитических противоречиях на Балтике, В. В. Горочная и А. С. Михайлов — на проблемах Причерноморья, а А. Г. Дружинин — на новой ситуации в обоих этих макрорегионах.

Экономико-экологический характер имеют две коллективные статьи, сильно различающиеся объектами исследования. Это работа российско-китайского коллектива в составе В. Н. Бочарникова, А. Н. Стеблянской, Ц. Сю и Ц. Ван о «Ледовом шелковом пути» и статья А. Ю. Романчук, Г. М. Бариновой, Е. В. Краснова и Д. В. Гаевой об экологическом аудите в региональном природопользовании.

Российско-белорусское сотрудничество стало предметом рассмотрения в статьях А. Ю. Меньших, А. В. Коноваловой и Н. С. Румянцевой, А. В. Коноваловой.

О. В. Кузнецова исследовала вопросы оценки науки в регионах с обоснованием необходимости разработки региональной стратегии развития науки и ее увязки со стратегией пространственного развития страны.

А. А. Михайлова показала особенности цифровизации малого и среднего бизнеса в России.

К. Ю. Волошенко, А. В. Лялина, Ю. Ю. Фарафонова, А. А. Новикова увязали возможности селективной миграции с обеспечением экономической безопасности региона.

Раздел *«Географические проблемы развития приграничных регионов»* посвящен различным аспектам развития приграничных субъектов РФ, соседями которых являются разные страны, а также ситуации в граничащих с Россией странах.

Статьи В. И. Часовского и Г. М. Федорова имеют своими объектами соответственно Северо-Запад России и три ее балтийских региона (Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области).

Две работы посвящены Белоруссии (статья Е. А. Антиповой, А. Н. Титова) и российско-белорусскому пограничью (статья А. П. Катровского). Также две — российско-китайскому пограничью (статьи В. А. Денисенко и А. А. Киреева).

Ю. В. Заика рассказала о прошлых многочисленных проектах приграничного сотрудничества Мурманской области и их прекращении западными партнерами в 2022 г.

Р. Гнято из Республики Сербской, Босния и Герцоговина рассмотрел вопрос о смысле дискуссионного геополитического проекта «Открытые Балканы».

Раздел *«География Калининградской области»* включает две физико-географические статьи о разрушительном воздействии штормов 2022 г. на прикорневой участок Куршской косы, утративший значительную часть песчаного материала (авторы Н. С. Белов, Т. В. Шаплыгина, А. Р. Данченков, И. И. Волкова) и о возросшей в регионе активности луговых клещей (С. И. Зотов, Е. Г. Волчев).

И так же две статьи являются экономико-географическими: о ценностных ориентирах калининградской молодежи, выявленных в ходе социологических обследований (статья Е. П. Зимовиной), и о кардинальной географической реструктуризации внешнеторговых связей Калининградской области (публикация А. А. Новиковой).

Раздел *«Проблемы социального развития современного села»* включает обсуждение результатов исследований социального развития села на отдельном семинаре, проходившем в рамках конференции.

Пять статей посвящены социальным инновациям на селе — новым идеям, технологиям и стратегиям, которые инициируют изменения в организации труда и качестве жизни населения. Хорошими примерами социальных инноваций являются рассмотренные авторами программа «Восток» (предоставляет на конкурсной основе льготные кредиты предпринимателям, создающим новые рабочие места), организация некоммерческими организациями или отдельными активистами благоустройства сел, проведения местных праздников

и т. д. Инициативы реализуются и органами власти, и некоммерческими организациями, и самими жителями. Показана актуальность инициирования и внедрения социальных инноваций, которые могут различаться от места к месту вслед за территориальными различиями производства и жизнедеятельности на селе. Изучение ситуации в сельской местности области и ее различных частях должно способствовать лучшим решениям, перспективным формам социальных инноваций, чтобы полнее использовать этот немаловажный фактор развития калининградского села.

Г. М. Федоров охарактеризовал цели и направления исследований социальных инноваций в сельской местности Калининградской области. И. С. Гуменюк, Л. Г. Гуменюк проанализировали транспортную связность как фактор преодоления периферийности. Е. Г. Кропинова, Н. С. Болтова показали организацию отдыха на селе людей с ограниченными возможностями. А. В. Левченков осветил вопрос, предназначены ли социальные инновации на селе для всех сельских жителей или только для «избранных». А. А. Михайлова охарактеризовала результаты комплексного исследования сельской местности в Полесском муниципальном округе Калининградской области. Все перечисленные публикации выполнялись при поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-55-76003 «Социальные инновации и повышение ценности местности в сельских регионах».

В рамках семинара А. И. Даньшин обратил внимание на периферийность как фактор примитивизации сельскохозяйственного производства.

Статья А. Б. Швеца посвящена новому содержанию оседлости сельского населения в Крыму.

В разделе «Исследования молодых ученых» приведены семь статей, подготовленных калининградскими аспирантами-экономгеографами.

Три статьи по Калининградской области — Э. С. Галеевой о сельском туризме, А. А. Сабуриной о динамике сельского населения и Д. В. Хвалея о цифровых социальных инновациях — можно отнести к тематике семинара по селу.

Проблемам Балтийского региона посвящены две статьи. Д. Г. Ажинов и Т. Е. Лапшова осветили патентную деятельность, С. А. Бурнасов рассмотрел газовую инфраструктуру.

М. А. Гасанов остановился на функционировании Ассоциации Юго-Восточной Азии.

Ю. Ю. Тибекина и Н. А. Боровик ознакомили с оценкой озонового загрязнения Калининградской области.

Следует отметить практическую направленность всех статей сборника, их актуальность и в ряде случаев наличие интересных теоретических обобщений.

Проведение очередной, седьмой международной географической конференции в Калининграде уже запланировано на осень 2023 г.

*Профессор Г. М. Федоров,  
председатель оргкомитета конференции*

УДК 502.335, 332.145

**В. Н. Бочарников<sup>1</sup>, А. Н. Стеблянская<sup>2</sup>, Ц. Сю<sup>3, 4</sup>, Ц. Ван<sup>5, 6</sup>**

<sup>1</sup> Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Россия)

<sup>2</sup> Институт экономики и управления, Харбинский инженерный университет (Харбин, Китай)

<sup>3</sup> Университет китайской академии наук, Пекин, Китай

<sup>4</sup> Национальный институт инноваций и стратегии развития Китайской академии наук, Пекин, Китай

<sup>5</sup> Российский университет транспорта (РУТ МИИТ), Москва, Россия

<sup>6</sup> Цзилиньский железнодорожный институт транспорта, Цзилинь, Китай

### **«ЛЕДОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» КАК УСЛОВИЕ ПОСТРОЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

*Аннотация. Рассматривается необходимость развития экологической цивилизации и как один из ее элементов обсуждается проект строительства «Ледового шелкового пути». Показаны векторы и возможность научного и экологического взаимодействия между Россией и Китаем. Арктика богата природными ресурсами, и это тот самый магнит, притягивающий интересы к региону, ведь по сути — это огромная резервная территория для будущего развития экологической цивилизации. «Ледовый шелковый путь» можно рассмотреть как глобальный проект «новой Северной цивилизации» и возрождения Гипербореи. Безусловно, один из основных факторов, обосновывающих возрастающие интересы Китая в успешном построении «Ледового шелкового пути», — это климатические изменения, но здесь также преследуется одна из главных задач сохранения экологического баланса. Китай видит три основных ресурса для построения экологической цивилизации вдоль «Ледового шелкового пути»: материальная возобновляемая энергия (солнечная энергия и другие виды); наследование и культурные ресурсы истории; интеллектуальные ресурсы. Возможность взаимодействия в этом направлении между Россией и Китаем представляется перспективной для двух сторон. В настоящее время Россия, если она хочет быть вновь великой империей, должна приложить усилия для развития Арктики, которая стала центром стратегических, ресурсных, социальных и экономических интересов многих стран.*

*Abstract. The paper discusses the need for the development of ecological civilization and discusses the construction project of “The Polar Silk Road” as one of its elements. The vectors and the possibility of scientific and environmental interaction between Russia and China are shown. The Arctic is rich in natural resources, which is the magnet that attracts interests to the region, because it is a huge reserve territory for the future development of ecological civilization. “The Polar Silk Road” can be considered as a global project of the «new Northern civilization» and the revival of Hyperborea. Of course, one of the main*

*factors justifying China's growing interest in successfully constructing the "Polar Silk Road" is climate change, but one of the main tasks of preserving the ecological balance is also pursued here. China sees three primary resources for building ecological civilization along "The Polar Silk Road": material renewable energy (solar energy and other types); inheritance and cultural resources of history; intellectual resources. The possibility of cooperation in this direction between Russia and China is promising for both sides. If Russia wants to be a Great Empire again, it must make efforts to develop the Arctic, which has become the center of many countries' strategic, resource, social and economic interests.*

**Ключевые слова:** Россия, Китай, Арктика, «Ледяной шелковый путь», экологическая цивилизация, экологическая экономика

**Keywords:** Russia, China, Arctic, Polar Silk Road, ecological civilization, ecological economy

Самые большие инновации в коэволюции человеческого общества и природы были найдены в контактной зоне суши и океана. Расцвет морской цивилизации был неслучайным драйвером технологического развития человечества в текущий период, океан отступает, и люди видят свое будущее в осваиваемых ото льда регионах [1]. Будущее человечества в новой экологической культуре, где доминирует стремление к достижению лучших точек соприкосновения при сохранении имеющегося природного и культурного наследия [2].

Россия — арктическая страна не на словах, а на деле, постигшая суровые ценности северной цивилизации. Арктика — единственный и уникальный мировой регион на планете, единый в физико-географическом отношении, но кардинально отличающийся по своим геополитическим, культурным и экономическим условиям тех стран, которые включают в свои границы северные приполярные области планеты, фактически сохранившие наиболее высокую степень естественного состояния природы. Прежде всего наличием богатых природных ресурсов, как и незаселенными территориями, Арктика обязана беспрецедентному росту своей значимости к концу XX в. [3].

Китай видит будущее развитие всей планеты на базе реализации глобального суперпроекта «Пояс и путь». Возрождение древней культуры и истории, экономическое развитие и достижение социального благополучия — вот те идеи, которые призваны объединить районы бывших великих цивилизаций прошлого. Шелковый путь знаменует начало восхода солнца человеческой цивилизации над восточным горизонтом. Восемь лет миновало с тех пор, когда председатель КНР Си Цзиньпин впервые упомянул идею создания экономического пояса Шелкового пути. За эти годы об идее Нового шелкового пути, которую называют инициативой «Пояс и путь» узнали и заговорили во многих странах. Мир стремится к общечеловеческой цивилизации, которая является «локально оптимальной», но за счет целого. И Шелковый путь может стать базой для новой модели цивилизации [4].

Китай и Россия имеют многие десятилетия сотрудничества при нередком сохранении коренной разницы в своих интересах и намерениях. В последнее время остро стоит вопрос нового политического будущего и построения многополярного мира. Один из основных факторов, обосновывающих возрастающие интересы Китая в «арктическом» стремлении, — это глобальные климатические изменения и международные договоренности о сокращении их негативного воздействия [5].

Климатические изменения влияют на Китай, и использование арктических ресурсов и морских путей непосредственно отражается на экономике, энергетике, промышленности и многих других сферах КНР. Поэтому, по мнению КНР, Пекин реализует свое право на участие в развитии и сохранении экологической среды и в этом регионе. Китай предлагает и осуществляет активное сотрудничество в рамках инициативы «Пояс и путь» путем организации и развития идей «Арктического шелкового пути» [6]. Общая суть проекта заключается в налаживании взаимосвязей между странами Евразии и создании инфраструктуры, принципиальная идея — в создании торгового коридора для прямых поставок товаров на льготных условиях [7].

В мае 2015 г. Россия и Китай подписали Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути». В Китайской Народной Республике 20 июня 2017 г. была опубликована Концепция сотрудничества на море в рамках инициативы «Пояс и путь», в которой сформулированы основные принципы и предложены действия по строительству, торговле и развитию «Морского шелкового пути XXI века» [8]. Но не все сводится только к экономическим проектам и торговле.

С 1986 г. Китайская коммунистическая партия (КПК) получила в преемственность идею советского времени об экологической цивилизации, и ее принципы успешно были рассмотрены и практически осуществлены на территории Китая [9]. В 2006 г. профессор Пан опубликовал статью под названием «О социалистической экологической цивилизации» во влиятельном журнале по экологическим вопросам в Китае. В этой статье, опираясь на систематический обзор социалистической теории, в частности экосоциализма, Он ввел понятие «социалистическая экологическая цивилизация».

Согласно Пану, «экологическая цивилизация относится к сумме материальных и духовных достижений, достигнутых людьми в соответствии с принципом гармоничного развития человечества, природы и общества» [10, р. 12]. Это относится к культурной и этической морфологии с фундаментальными целями гармоничного сосуществования, добродетельного круга, всестороннего развития и устойчивого процветания между человеком и природой, человеком и человеком, человеком и обществом. Поднебесная постоянно делает акцент на глобальное потепление, в связи с которым происходит таяние льдов, что, в свою очередь, окажет непосредственное влияние (в большей степени негативное) на климат и экологию Китая (например, произойдет

повышение уровня Мирового океана, что произведет отрицательное воздействие на береговую линию). Участвовать в строительстве экологической цивилизации и экологической экономики по-китайски — значит строить с наименьшим потреблением энергии, не разрушая природную среду. По мнению профессора Пана, пространственное распределение вдоль пути показывает характеристики непрерывности, а внутренние торговые связи между странами тесны. Путь демонстрирует концентрационную структуру и структуру полностью связанного сосуществования [10].

Новый качественный этап в строительстве «экологической цивилизации» в Китае объявил Си Цзиньпин [11]. В 2021 г. в Кунмине Си Цзиньпин предложил присоединиться миру к идее построения экологической цивилизации. В декабре 2022 г. в Монреале представлен специальный доклад на эту тему на Конвенции о биологическом разнообразии в Канаде. Россия в Арктике обладает пространственно-экологическим потенциалом планетарного значения, реально защищающим освоенную человеком территорию от негативных последствий всех видов загрязнений, предотвращающего деструктивный круговорот органического вещества и потери биологического разнообразия [6].

Китайцы убеждены, что при построении «Ледового шелкового пути» следует учитывать экологические факторы. В настоящее время во всем мире продолжается потепление, при этом наиболее быстрые темпы роста демонстрирует температура Северной полярной области. Китайской Народной Республикой 26 января 2018 г. была опубликована Белая книга об арктической политике страны. Три основных ресурса для построения экологической цивилизации вдоль ледового шелкового пути [3]:

- 1) материальная возобновляемая энергия (солнечная энергия и т. д.);
- 2) наследование и культурные ресурсы истории;
- 3) интеллектуальные ресурсы.

Ван Вулинь, Ци Гун Цзяо и Линь Чжэнь провели сложное исследование, касающееся инициативы «Ледяной шелковый путь» и осуществленное с целью оценки возможности для развития торговли стран вдоль маршрута, что может ускорить трансграничный поток экономических элементов и способствовать устойчивому развитию глобальной торговли. Ледяной шелковый путь имеет неизмеримую экономическую и экологическую ценность. В будущем он станет одним из основных маршрутов доставки товаров с Востока на Запад и назад. Масштаб развития проектов, в которых участвует Китай вдоль водного пути и в Арктике, постоянно расширяется. Исследования показывают, что у «Ледового шелкового пути» есть все перспективы стать экономическим и цивилизационным поясом [12].

Пекин нацелен на сотрудничество в регионе с разными странами. Например, он инвестирует в инфраструктурные проекты в Исландии и Гренландии. И все же самым близким из арктических товарищей для Китая остается Россия. В первую очередь как важный источник энергоресурсов, а также воз-

возможность в итоге освоить более короткий торговый путь в Европу. Предполагается, что Арктический регион станет еще одним важным направлением экспорта энергоносителей в современном мире, помогая сбалансировать структуру энергоснабжения в мире [13]. Однако если посмотреть с другой стороны, то благодаря таянию льдов откроется круглогодичный беспрепятственный доступ к «Ледовому шелковому пути», а это дает возможность коммерческого использования морской магистрали, что весьма выгодно для китайской стороны, так как 90% ее перевозок осуществляется морем [3].

Однако пока, несмотря на тесное экономическое, политическое и военное взаимодействие соседей, китайские инвестиции не поступали в российские северные порты, а страны не проводили в регионе совместных военных учений. Китайская сторона вложилась только в проект «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2». В то же время и на исследования в Арктике Китай пока не тратит таких средств, как, например, на научные изыскания в Антарктике, куда в экспедицию уже отправился первый китайский ледокол [5]. Это актуальная наука, поскольку, по данным мониторинга парниковых газов в атмосфере, ведущегося в Росгидромете, уровень концентрации  $\text{CO}_2$  в северных широтах на российских фоновых станциях постоянно растет (в среднем 2,26 млн в год) и в 2019 г. достиг очередного максимума. Неудивительно, что происходящие изменения в природной среде Арктики вызывают озабоченность у мирового сообщества [6].

Арктика богата природными ресурсами. И это огромная резервная территория для будущего развития экологической цивилизации. Ледовый шелковый путь можно рассмотреть как глобальный проект «новой Северной цивилизации» — Гипербореи, который может стать объединяющей идеей для народов всего мира [14]. Главное, чтобы построение «Ледового шелкового пути» шло по пути зеленого развития. КНР активно занимается собственными исследованиями в области «зеленой экономики» с 1972 г., когда премьер Чжоу направил делегатов для участия в экологической конференции, проходившей в Стокгольме [15]. В настоящее время Китай является реализатором идей ООН, связанных с экологическими инициативами и устойчивым развитием, которые очень созвучны китайским политическим девизам — китайским мечтам. Развитие «Ледового шелкового пути» — знаковое событие в великой трансформации человеческой цивилизации [16].

Хозяйственная деятельность в Арктике непрерывно растет, но при этом не имеется простой и понятной системы определения исходного уровня, некой базовой точки для фиксации и мониторинга непрерывно происходящих изменений естественной природной среды. На большей части этой территории зонально преобладают экстенсивно-промысловые типы освоения с крупными районами высокой степени антропогенной нарушенности вследствие очагового воздействия добывающей минеральные ресурсы и углеводороды промышленности. Нефте- и газодобыча и поставки данной сырьевой продук-

ции за рубежом оказывают благоприятное воздействие на экологическую безопасность многих стран Европы и Азии, но при этом адекватно не учитываются масштабы антропогенной трансформации природных ландшафтов и экосистем и последствия геохимического и теплового загрязнения в малонаселенных и относительно малонарушенных районах Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока России [13].

*Эта работа была поддержана Фондом фундаментальных исследований для Центральные университетов (Харбинский инженерный университет) (GK2090260229, GK2090260236), проектом Фонда естественных наук провинции Хэйлунцзян (LHG2021009) и проектом Министерства науки и технологий Китая (DL2021180001L).*

### Список литературы

1. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2014.
2. Costanza R., Liu S. Ecosystem Services and Environmental Governance: Comparing China and the U. S. // *Asia & Pacific Policy Studies Journal*. 2014. № 1 (1). P. 160—170.
3. Михайличенко К.М. Проект «Ледовый Шелковый путь» в рамках инициативы «Один пояс и один путь» как реализация интересов России и Китая в Арктическом регионе // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2019. Т. 21, № 2. С. 333—345. doi: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-333-345.
4. Салимбаева П.А. Анализ экологических рисков в ходе строительства нового шелкового пути // *Вестник КазЭУ*. 2017. URL: <https://articlekz.com/article/20144> (дата обращения: 12.10.2022).
5. Ледяное сотрудничество. Где разошлись интересы России и Китая // *РИА Новости*. 2021. URL: <https://ria.ru/20210705/sotrudnichestvo-1739995255.html?ysclid=199fyuvfcm860665393> (дата обращения: 13.10.2022).
6. Куделькин Н.С. Арктика и глобальное потепление: адаптация к изменению климата и охрана окружающей среды // *Юридические исследования*. 2022. № 1. URL: [https://nbpublish.com/library\\_read\\_article.php?id=37049](https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37049) (дата обращения: 12.10.2022). doi: 10.25136/2409-7136.2022.1.37049.
7. *China Publishes Arctic Policy, Eyeing Vision of «Polar Silk Road»*. XINHUANET. 26.01.2018. URL: [http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c\\_136926357.htm](http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c_136926357.htm) (дата обращения: 05.10.2022).
8. 赵隆. 共建“冰上丝绸之路”的背景、制约因素与可行路径[J]. 俄罗斯东欧中亚研究, 2018 = Чжао Лун. Предпосылки, ограничения и возможные пути совместного строительства «Ледяного шелкового пути» // *Российские исследования по Восточной Европе и Центральной Азии*. 2018. Вып. 2. С. 106—120.
9. 走向建设生态文明新时代[J]. 周仕凭. 环境教育 = Чжоу Шиин. К построению новой эры экологической цивилизации // *Экологическое образование*. 2012. № 11 (на китайском языке).
10. Pan Y. On socialist ecological civilization // *Green Leaf*. 2006. № 10. P. 10—18.
11. Vasiev M., Bi K., Denisov A., Bocharnikov V. How Coronavirus Pandemics (COVID-19) Influences Chinese Economic Sustainability // *Foresight and STI Governance*. 2020. № 14 (2). P. 7—22. doi: 10.17323/2500-2597.2020.2.7.22.

12. 王武林, 龚姣, 林珍. “冰上丝绸之路”沿线国家贸易网络结构特征分析[J]. 热带地理, 2021, 41 (06): 1199—1208 = Ван Вулин, Гун Цзяо, Линь Чжэнь. Анализ структурных характеристик торговой сети стран, расположенных вдоль «Ледяного шелкового пути» // Тропическая география. 2021. №41 (06). P. 1199—1208. doi: 10.13284/j.cnki.rddl.003396 (на китайском языке).

13. *Steblyanskaya A., Xu Q., Razmanova S., Steblyanskiy N., Denisov A.* China and Russia Energy Strategy Development: Arctic LNG // *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2021. №11(4). P. 450—460. doi: <https://doi.org/10.32479/ijeep.11316>.

14. *Лескова Н.* Куда подевалась Гиперборея? // Чудеса и приключения. 2010. №8. С. 2—4.

15. 生态文明建设的十年足迹[J]. 潘家华. 时事报告. 2012.10 = Пан Цзяхуа. Десятилетний след строительства экологической цивилизации // Отчет о текущих событиях. 2012. №10 (на китайском языке).

16. 关于煤矿生态文明建设的思考[J]. 丁小泉. 煤炭经济研究. 2008.04 = Дин Сяоцюань. Мысли о строительстве экологической цивилизации // Исследование угольной экономики. 2008. №4 (на китайском языке).

### Об авторах

*Владимир Николаевич Бочарников*, доктор биологических наук, профессор, Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия.

E-mail: [vbocharnikov@mail.ru](mailto:vbocharnikov@mail.ru)

ORCID: 0000-0002-6574-7864

*Алина Николаевна Стеблянская*, PhD, доцент, Институт экономики и управления, Харбинский инженерный университет, Харбин, Китай.

E-mail: [alina\\_steblyanskaya@hrbeu.edu.cn](mailto:alina_steblyanskaya@hrbeu.edu.cn)

ORCID: 0000-0002-1995-4651

*Цингчао Сю*, PhD, доцент, Университет китайской академии наук; исследователь, Национальный институт инноваций и стратегии развития Китайской академии наук, Пекин, Китай.

E-mail: [xuqingchao@ucas.ac.cn](mailto:xuqingchao@ucas.ac.cn)

ORCID: 0000-0002-5731-0056

*Цань Ван*, аспирант, Российский университет транспорта (РУТ МИИТ), Москва, Россия; преподаватель, Цзилиньский железнодорожный институт, Цзилинь, Китай.

E-mail: [409563899@qq.com](mailto:409563899@qq.com)

ORCID: 0000-0002-3084-8497

### The authors

*Vladimir N. Bocharnikov*, D. Sc., Professor, Pacific Geographical Institute Far-East Branch, Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

E-mail: [vbocharnikov@mail.ru](mailto:vbocharnikov@mail.ru)

ORCID: 0000-0002-6574-7864

*Dr Alina N. Steblyanskaya*, Associate Professor, School of Economics and Management, Harbin Engineering University, Harbin, China.

E-mail: [alina\\_steblyanskaya@hrbeu.edu.cn](mailto:alina_steblyanskaya@hrbeu.edu.cn)

ORCID: 0000-0002-1995-4651

*Dr Qingchao Xu*, Associate professor, University of Chinese Academy of Sciences; Research fellow, China Institute for Innovation and Development Strategy, Chinese Academy of Sciences, Beijing, China.

E-mail: [xuqingchao@ucas.ac.cn](mailto:xuqingchao@ucas.ac.cn)

ORCID: 0000-0002-5731-0056

*Qian Wang*, PhD student, Russian University of Transport, Moscow, Russia; Teacher, Jilin Railway Vocational College, Jilin, China.

E-mail: [409563899@qq.com](mailto:409563899@qq.com)

ORCID: 0000-0002-3084-8497

**К. Ю. Волошенко<sup>1</sup>, А. В. Лялина<sup>1</sup>, Ю. Ю. Фарафонова<sup>1</sup>, А. А. Новикова<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

<sup>2</sup>Калининградский государственный технический университет (Калининград, Россия)

## **СЕЛЕКТИВНЫЙ ПОДХОД К РЕГУЛИРОВАНИЮ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ В ИНТЕРЕСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА**

*Аннотация. Возможности развития регионов России в сложных геополитических и геоэкономических условиях напрямую зависят от их способности противостоять внешним и внутренним угрозам, то есть от обеспечения экономической безопасности. Для миграционно привлекательных регионов дополнительные риски потери устойчивости связаны с притоком рабочей силы, мало востребованной на рынке труда. Поэтому актуальным представляется развитие селективного подхода к регулированию внутренней миграции.*

*Abstract. In the harsh geopolitical and geo-economic environment, the development of Russian regions largely depends on their ability to withstand external and internal threats, that is, to ensure their economic security. Regions attractive to migrants face additional stability risks associated with the influx of workforce not in demand in host labour market. This ensures the relevance of formulation of selective internal migration policies.*

**Ключевые слова:** внутренняя миграция, экономическая безопасность, селекция, механизмы регулирования, Калининградская область

**Keywords:** internal migration, economic security, selection, migration regulation, Kaliningrad region

Обоснование применения селективного подхода к регулированию внутренней миграции на уровне региона основано на двух ключевых положениях. Во-первых, на необходимости снижения вызовов и угроз экономической безопасности, продуцируемых сохранением высокого миграционного прироста, а также использования возможностей притока новых специалистов в регион. Во-вторых, на представлении о селективной функции миграции, доказывающей подверженность миграционного потока селективности.

Внутренняя миграция может иметь как потенциалформирующее, так и потенциалразрушающее [1] влияние на экономическую безопасность. Для миграционно привлекательных регионов, с одной стороны, за счет миграционного прироста возможно значительное улучшение социально-демографической обстановки — отмечается приток дополнительной рабочей силы, обес-

печивается рост внутреннего спроса, развивается социальная инфраструктура, сфера образования, растет предпринимательская активность. С другой стороны, усиливаются диспропорции на рынке труда, растет социальная напряженность, давление на цены и тарифы, в целом формируется зависимость региона от внешних трудовых ресурсов. Поэтому миграция создает как угрозы экономической безопасности, так и возможности для ее обеспечения, особенно по остродефицитным профессиям или в условиях невысокого научно-технологического уровня производств.

В зависимости от сложившегося уровня экономической безопасности региона потенциалформирующее и потенциалразрушающее воздействие миграции будет различно как по степени влияния, так и возможным последствиям. Для Калининградской области, находящейся в зоне умеренного риска, а по отдельным показателям и близкой к зоне значительного риска безопасности [2], современная миграционная ситуация оказывает скорее потенциалразрушающее влияние. Одна из причин заключается в профессионально-квалификационной и возрастной структуре прибывающих из регионов России мигрантов, которая не в полной мере соответствует экономическим потребностям региона. Это определяет необходимость в регулировании миграционного потока в интересах развития региона и укрепления его безопасности.

Теоретические подходы к миграционному регулированию исходят из тех функций, которые выполняет миграция: а) способствовать селекции миграционного потока; б) стимулировать перераспределение населения; в) повышать пространственную подвижность населения [3]. Селективная функция миграции заключается в изменении качественного состава населения разных территорий, что связано с неравномерным участием в миграции различных социально-демографических групп [3]. Л. Л. Рыбаковский заключает, что основное свойство селекции состоит в избирательности, т. е. «выборе отдельных элементов одной общей совокупности и их привнесении в другую» [3, с. 58]. Таким образом, в результате формируется специфическая общность мигрантов в ходе их избирательности, в том числе со стороны территории вселения посредством реализации политики по привлечению кадров.

По отношению к российским регионам селекция миграционного потока, на наш взгляд, заключается в привлечении по определенным критериям и с использованием конкретных механизмов лиц, профессиональный и квалификационный состав которых наиболее востребован на рынке труда, а для остальных — в обеспечение наилучших условий по их адаптации [4].

Селекция миграционного потока на уровне региона возможна при соблюдении следующих обязательных условий и требований.

1. Отсутствие ограничений (дискриминации) по выбору региона и свободному перемещению как конституционно закрепленному праву для граждан РФ.

2. Применение механизмов и мер поддержки по привлечению специалистов, в наибольшей степени соответствующих профессиональным факторам притяжения в регион.

3. Адаптационные меры и механизмы для целевой группы как наиболее востребованных специалистов из числа мигрантов, так и менее востребованных в интересах использования их трудового потенциала и комфортного проживания.

4. Селективность учитывает ориентацию на конкретные профессиональные группы (медики, учителя, ИКТ-специалисты, инженерные специальности и др.).

5. Отбор мигрантов на основе индивидуальных оценок или рыночного спроса с признанием равенства всех граждан (и местных, и вновь прибывших).

6. Повышение информированности мигрантов о территории потенциального вселения в интересах сокращения последующих разочарований, негативных ассоциаций и сложностей адаптации.

Такой подход не противоречит критическим взглядам [5; 6] в отношении возможностей реализации селективных мер на региональном уровне, так как не предполагает прямого внешнего или административного управления поведением мигрантов. Наоборот, селективный подход позволяет включить в миграционный поток востребованных в регионе специалистов профессионально-квалификационного состава и способствует эффективной адаптации мигрантов на рынке труда.

Обобщая существующие механизмы и меры регулирования миграции [7; 8], селективный подход преимущественно включает те из них, которые связаны с общими широко распространенными социально-экономическими факторами притяжения мигрантов — прежде всего это уровень оплаты труда и обеспеченность жильем, а также механизмы по созданию благоприятных условий для переезда и проживания. В то же время именно этот подход в наибольшей степени фокусируется на факторах миграции профессионального характера, зачастую имеющих под собой нематериальную составляющую.

Могут быть выделены следующие группы механизмов.

*Экономические* (компенсация затрат, субсидии, выплаты и др.) включают условия по льготной ипотеке, получению служебного жилья и компенсации оплаты найма жилого помещения, услуг ЖКХ, единовременные выплаты, стипендии, компенсации затрат на обучение и повышение квалификации. Для регионального и локального уровней наибольшее значение имеют устанавливаемые размеры компенсации на обустройство, а также выплаты и дополнительные стипендии обучающимся по договорам целевого найма.

*Институциональные* (институты релокации и условия для переезда) предполагают формирование соответствующей среды для мигрантов, в то числе информационные ресурсы, сервисы, профессиональные сети. Для регионального и локального уровней первостепенное значение имеет развитие механизмов по удержанию обучающейся молодежи, а на уровне организаций — программы карьерного роста.

*Инфраструктурные* (привлекательная среда и условия проживания) охватывают развитие транспортной, промышленной и жилой инфраструктуры,

поддержку бизнес-климата, предполагают инвестирование в оснащение рабочих мест. Все меры могут быть предусмотрены на федеральном, региональном и локальном уровнях.

*Социальные* (условия для специалистов и членов их семей) включают меры регионального и локального уровня в части помощи трудоустройства членов семьи, обучения, услуги по переезду (например, помощь в поиске и продаже жилья), медицинское и социальное обеспечение. На локальном уровне особое внимание уделяются формированию привлекательной субкультуры.

*Организационно-административные* предполагают меры пространственного регулирования (определение приоритетных регионов-доноров и регионов-реципиентов), а также меры, направленные на совершенствование образовательных программ подготовки кадров в части их обязательной ротации, целевого трудоустройства и распределения выпускников.

### Выводы и рекомендации

Реализуемая во многих странах, и в России в частности, политика стимулирования внутренней миграции и селекции миграционного потока до сих пор остается в значительной степени слабо обоснованной с научной точки зрения. Разработки теории факторов миграции и теории экономической безопасности позволяют определить основные условия и требования к реализации селективного подхода применительно к внутренней миграции без широко критикуемых ограничений на свободу перемещения населения.

Набор предлагаемых сегодня механизмов и мер селекции миграционного потока на внутристрановом уровне в российской и зарубежной практике отвечает современным представлениям об общих факторах миграции населения, но недостаточно учитывает профессиональную специфику факторов миграции представителей различных отраслей и секторов экономики. Учет факторов профессионального характера в разработке селективного подхода к регулированию миграционного потока позволит повысить эффективность самой миграции и снизить вызовы и угрозы экономической безопасности регионов вселения.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-27-20064, <https://rscf.ru/project/22-27-20064>.*

### Список литературы

1. Цветков В. А., Дудин М. Н., Лясников Н. В. Аналитические подходы и методы оценки экономической безопасности региона // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 1. С. 1—12. doi: 10.17059/2019-1-1.
2. Волошенко К. Ю. Экономическая безопасность приграничного региона : монография. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021.
3. Рыбаковский Л. Л. Функции и последствия миграционных процессов // Социологические исследования. 2017. №10. С. 56—63. doi: 10.7868/S0132162517100063.

4. Волошенко К. Ю., Лялина А. В. Привлекательность Калининградской области: факторы притяжения и причины разочарования мигрантов из регионов России // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 102—128. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-6.

5. Деминцева Е. Б., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. М. : Центр стратегических разработок, 2018.

6. Lim D. Selecting Immigrants By Skill: A Case Of Wrongful Discrimination? // Social Theory and Practice. 2017. №43 (2). P. 369—396. doi: <http://www.jstor.org/stable/26381167>.

7. Лялина А. В. Международная трудовая миграция как фактор формирования региональных рынков труда в Центре и на Северо-Западе России : дис. ... канд. геогр. наук. Калининград, 2018.

### **Об авторах**

*Ксения Юрьевна Волошенко*, кандидат экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: [KVoloshenko@kantiana.ru](mailto:KVoloshenko@kantiana.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

*Анна Валентиновна Лялина*, кандидат географических наук, научный сотрудник Центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: [anuta-mazova@mail.ru](mailto:anuta-mazova@mail.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

*Юлия Юрьевна Фарафонова*, старший преподаватель научно-образовательного кластера «Институт управления и территориального развития», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: [ifarafonova@kantiana.ru](mailto:ifarafonova@kantiana.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5996-1557>

*Анна Александровна Новикова*, старший преподаватель, соискатель, Калининградский государственный технический университет, Калининград, Россия.

E-mail: [anna.novikova@klgtu.ru](mailto:anna.novikova@klgtu.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0374-6337>

### **The authors**

*Dr Ksenia Yu. Voloshenko*, Director, Center for Socio-Economic Research of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: [KVoloshenko@kantiana.ru](mailto:KVoloshenko@kantiana.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

*Dr Anna V. Lialina*, Research fellow, Center for Socio-Economic Research of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: [anuta-mazova@mail.ru](mailto:anuta-mazova@mail.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

*Yulia Yu. Farafonova*, Senior Lecturer, Management and Territory Development Institute of Educational and Research Cluster, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ifarafonova@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5996-1557>

*Anna A. Novikova*, Senior Lecturer, Institute of Industrial Economics and Management, Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: anna.novikova@klgtu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0374-6337>

**В. В. Горочная**

Академия психологии и педагогики Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

## **ДИАГНОСТИКА САМООРГАНИЗУЮЩИХСЯ ПРОЦЕССОВ И САМООРГАНИЗАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

*Аннотация. На основе изучения широкого перечня эмпирических источников проводится инвентаризация текущего состояния самоорганизующихся процессов и структур в регионах российского Причерноморья. В ходе количественного статистического и качественного анализа данные сопоставляются с общими трендами динамики кластерной самоорганизации за последние два десятилетия. Выявлено как влияние долгосрочных трендов, так и последствия геоэкономической турбулентности в системе «Россия — Запад». Идентифицирована тенденция к «выравниванию» самоорганизационного потенциала субъектов Азово-Черноморского региона.*

*Annotation. Basing on the study of a wide list of empirical sources, the article provides an inventory of the current state of self-organizing processes and structures in the Russian Black Sea region. The quantitative statistical and qualitative analysis allowed to compare the data with the general trends in the dynamics of self-organizing clustering over the past two decades. The study reveals both the influence of long-term trends and the current consequences of geo-economic turbulence in the 'Russia-West' system. The research identified the tendency to 'equalize' the self-organizing potential of the subjects of the Azov-Black Sea region.*

**Ключевые слова:** самоорганизация, экономические кластеры, Российское Причерноморье, геоэкономическая турбулентность

**Keywords:** self-organization, economic clusters, Russian Black Sea region, geo-economic turbulence

Российское Причерноморье является стратегически важным ареалом, контактной зоной внешнего взаимодействия, а также сосредоточением рисков как экономического, так и внеэкономического характера [1]. Изучение специфики тех процессов, которые протекают в причерноморских регионах, составляет основу для дальнейшего прогнозирования и моделирования самоорганизации, а также целенаправленной разработки управленческого инструментария по обеспечению экономической безопасности, организации эффективного импортозамещения.

Сами приморские регионы имеют либо изначально высокий потенциал к кластерной самоорганизации, либо тенденции к таковой, инициированные геоэкономическими изменениями после 2014 г. [2; 3]. Отчасти данное обстоятельство объясняется талассоаттрактивностью, повышенными темпами экономического и инновационного развития приморской зоны и ее крупных городских центров как контактных узлов, быстрее нарабатывающих опыт внешнего взаимодействия; экспортоориентированностью, предполагающей концентрацию организационного потенциала и дополнительные возможности для сотрудничества, которые должны восполняться в санкционных условиях при смене режимов трансграничной кластеризации [4; 5]. Дополнительным интерграционным потенциалом обладает само морехозяйство [4; 6], а также профильная для южных регионов России агросфера [7], во многом «сросшаяся» с сектором морских грузоперевозок и портовой логистики [2; 3; 5]. В настоящее время в связи с новой волной геоэкономической турбулентности и повышенными рисками необходимо провести новый мониторинг самоорганизующихся процессов в сопоставлении с данными предыдущих исследований [2; 3; 6].

Для решения поставленной задачи проведем инвентаризацию кластеров, сформировавшихся в экономике Ростовской области, Краснодарского края, Республики Крым и г. Севастополя за последние два года, а также формирующихся в настоящее время. Осуществим количественную и качественную фиксацию в отраслевом и региональном срезе, а также выстроим динамические ряды в сопоставлении с предшествующими временными периодами формирования кластеров. Выберем двухлетние интервалы построения динамических рядов в связи с тем, что сам цикл формирования кластера, как правило, выходит за пределы одного года (начиная от бизнес-инициативы и заканчивая формированием институциональных структур) и в редких случаях превышает двухлетний период. В качестве эмпирических источников используются материалы, собранные автором на основе анализа официальных сайтов и информационных порталов региональных административных структур, предприятий и их объединений, центров инновационного и кластерного развития регионов, а также СМИ. Учтены статистические данные предшествующих исследований [2; 3; 5; 6; 8].

По итогам текущего мониторинга самоорганизации в региональном срезе было выявлено, что если по объему уже реализованных кластерных инициатив существенно выделяются Ростовская область и Республика Крым, то потенциал самоорганизующихся процессов на данный момент распределяется более равномерно (рис. 1). В динамике обнаруживается, что основная «волна» кластеризации пришлась на 2014—2015 гг., однако затронула не все черноморские регионы России. Отмеченное относительное «выравнивание» приходится уже на период 2020—2021 гг. (рис. 2).

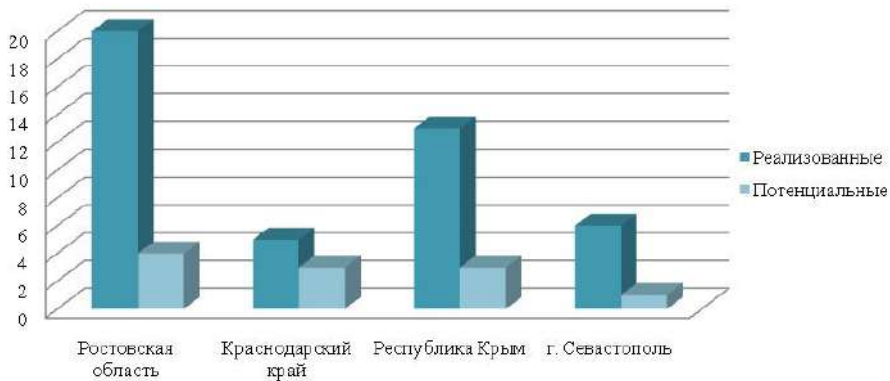


Рис. 1. Количественное распределение реализованных и потенциальных кластерных инициатив по регионам

*Источник:* составлено автором на основе данных официальных сайтов и информационных порталов региональных административных структур, предприятий и их объединений, центров инновационного и кластерного развития регионов, СМИ.

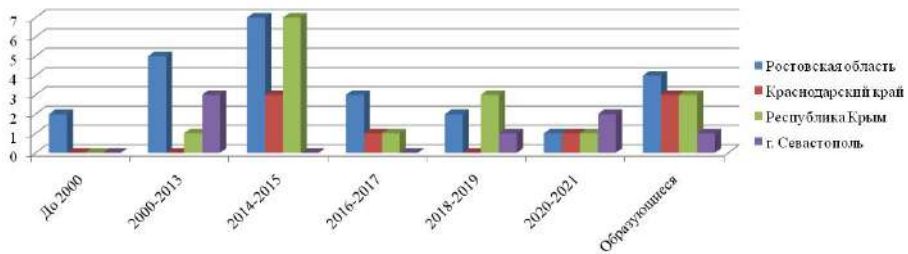


Рис. 2. Динамика кластеризации по регионам

*Источник:* составлено автором на основе данных официальных сайтов и информационных порталов региональных административных структур, предприятий и их объединений, центров инновационного и кластерного развития регионов, СМИ.

В отраслевом отношении центром сосредоточения кластерной самоорганизации стали профильные для субъектов Азово-Черноморского региона сферы АПК и машиностроения (включая как сельскохозяйственное, так и наукоемкое, и энергетическое); в данный процесс включились и отрасли морской экономики. Существенную гибкость и адаптивность к кластерному формату проявила туристическая отрасль, также составляющая профильную специализацию. Периодически импульсы к самоорганизации охватывают легкую промышленность и IT-отрасль; лишь эпизодически проявляются в логистике, химической промышленности и медицине. Среди перспективных потенциальных сфер самоорганизации выражено проявлена тенденция к повышению

ному значению культурных и креативных индустрий. Намечается не только новое поколение культурных кластеров, но также новый импульс инициативы в машиностроении и легкой промышленности (рис. 3).

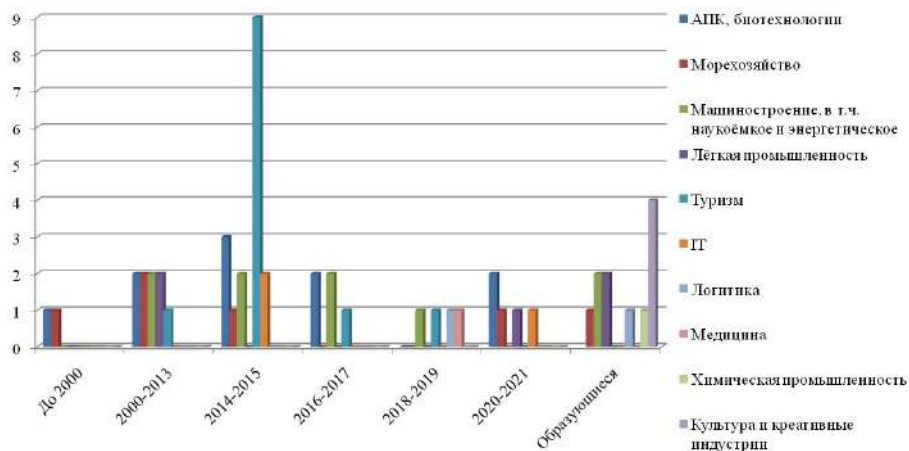


Рис. 3. Динамика кластеризации по отраслям

*Источник:* составлено автором на основе данных официальных сайтов и информационных порталов региональных административных структур, предприятий и их объединений, центров инновационного и кластерного развития регионов, СМИ.

Отмеченные тенденции отражают как пеструю картину кластеризации в России в целом, так и региональную специфику. Ростовская область как регион наиболее ранней кластеризации демонстрирует тенденцию к постепенному вовлечению в самоорганизующиеся процессы отраслей по принципу от наиболее базовых и профильных к менее значимым. Краснодарский край хотя и не тяготеет к реализации кластерной модели самоорганизации бизнеса, однако относительно синхронно (но в меньших масштабах) вовлекается в данный процесс. Временной лаг в Республике Крым и особенно в г. Севастополе обусловлен институциональными изменениями при встраивании в российскую социально-экономическую систему.

Тенденция к «выравниванию» числа реализованных и намечающихся инициатив за последние годы связана с тем, что в регионах ранней кластеризации процесс уже прошел по основным профильным отраслям и индуцирует самоорганизацию в смежных секторах, а также перекидывается в новые, еще не затронутые кластеризацией сферы, поэтому количество новых проектов сокращается. На фоне такого тренда в регионах, изначально не склонных к кластерному сценарию, возрастает интерес к таковому, а в уже успевших встроиться в общероссийское поле появляются новые институциональные возможности. Отчасти «выравнивание» может быть и следствием перерас-

пределения самой организационной массы и бизнес-элит между регионами, что приводит к распространению опыта кластерной самоорганизации (в особенности — из Ростовской области в Краснодарский край). Отдельные тенденции являются следствием общегосударственной политики (прежде всего инициирование кластеризации культурных и креативных индустрий в русле реконструкции и строительства новых культурных и рекреационных объектов в приморской зоне). В качестве перспектив самоорганизующихся тенденций видятся в первую очередь повышение отраслевого разнообразия кластерных инициатив, образование новых проектов в результате диверсификации (в том числе взаимопроникновение базовых и относительно новых для регионов отраслей, развитие кластеров на базе образовательных центров и ядер «морской» и «приморской» экономики). Возможен новый импульс к кластеризации машиностроения в связи с обеспечением потребности в импортозамещении.

*Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).*

#### Список литературы

1. Дружинин А. Г., Вольхин Д. А. Интеграционный потенциал морехозяйственной активности в современном Причерноморье: факторы формирования, особенности и приоритеты реализации // Научная мысль Кавказа. 2021. №4 (108). С. 5—16.
2. Горочная В. В. Кластерообразование и инновационная безопасность в регионах западного порубежья России: инвентаризация и основные тренды развития // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2019. №3 (59). С. 11.
3. Михайлов А. С., Горочная В. В., Михайлова А. А. и др. Кластеры приморских регионов европейской части России // Географический вестник = Geographical bulletin. 2020. №4 (55). С. 81—96.
4. Вольхин Д. А., Горочная В. В. Инновации и морское хозяйство во внешнеэкономической активности регионов российского Причерноморья // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании-2020. Интеллект в цифровом мире: влияние, управление, развитие : матер. Пятой междунар. науч. конф., Ростов-на-Дону, 19—21 ноября 2020 г. Ростов н/Д ; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2020. Т. 2, ч. 2 (2). С. 67—76.
5. Горочная В. В. Трансграничная кластеризация в черноморском регионе как фактор экономической безопасности Юга России // Балтийский регион — регион сотрудничества-2018: проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества вдоль Западного порубежья России : матер. междунар. науч. конф. / под ред. Г. М. Федорова, Л. А. Жиндарева, А. Г. Дружинина, Т. Пальмовского. Калининград, 2018. С. 74—84.
6. Горочная В. В., Вольхин Д. А. Комплексообразование и кластеризация российского морехозяйства: мониторинг и перспективы развития опорных баз интеграции деловой среды // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2021. Т. 7 (73), №3. С. 13—32.

7. Гонтарь Н. В., Горочная В. В. Кластеры в системе экономического и инновационного развития АПК в Ростовской области и Краснодарском крае // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2020. №2. С. 21—37.

8. Кирильчук С. П., Чернявая А. Л. Анализ кластерного развития в республике Крым и бенчмаркинг инновационного развития кластера сельского зеленого туризма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2019. Т. 5 (71), №1. С. 46—53.

#### *Об авторе*

*Василиса Валерьевна Горочная*, кандидат экономических наук, специалист по учебно-методической работе, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: [tunduk@hotmail.com](mailto:tunduk@hotmail.com)

ORCID: 0000-0001-6493-8864

#### *The author*

*Dr Vasilisa V. Gorochnaya*, Specialist on educational and methodic work, Academy of Psychology and Educational Sciences, South Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

E-mail: [tunduk@hotmail.com](mailto:tunduk@hotmail.com)

ORCID: 0000-0001-6493-8864

**А. Г. Дружинин**<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup>Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

<sup>2</sup>Институт географии РАН (Москва, Россия)

## **МОРСКАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИИ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И НА БАЛТИКЕ: НОВЫЕ УСЛОВИЯ И ТРАЕКТОРИИ**

*Аннотация. Статья посвящена оценке воздействия современной геополитической ситуации на условия и траектории морской активности России в Причерноморье и на Балтике. Показано, что в контексте превращения Причерноморья в ареал острого геополитического противостояния, осуществляемого в том числе геоэкономическими методами, основной акцент должен быть сделан на дальнейшем еще более полном и эффективном использовании «фактора моря» в опережающем социально-экономическом развитии российских приморских территорий, на наращивании между ними трансакваториальных связей, на аква-территориальном кластеро- и комплексообразовании.*

*Annotation. The article is devoted to assessing the impact of the current geopolitical situation on the conditions and trajectories of Russia's maritime activity in the Black Sea region and the Baltic. It is shown that in the conditions of the transformation of the Black Sea region into an area of acute geopolitical confrontation, carried out, among other things, by geo-economic methods, the main emphasis should be placed on further even more complete and effective use of the "sea factor" in the advancing socio-economic development of the Russian coastal territories, on building up trans-equatorial ties between them, on the aqua-territorial cluster- and complex formation.*

**Ключевые слова:** Причерноморье, Балтийский регион, геополитика, геоэкономика, Россия, морехозяйственный комплекс, приморские регионы

**Keywords:** Black Sea region, Baltic region, geopolitics, geo-economics, Russia, marine economic complex, coastal regions

**Введение.** Присущее практически всему постсоветскому периоду инкорпорирование России в глобальную (выстраиваемую Западом) архитектуру миропорядка сопровождалось «морской» трансграничной регионализацией, активно проявляющейся в первую очередь на западном порубежье нашей страны [1—3]. Наиболее явно и полноформатно процесс этот имел место на Балтике [4; 5]. С некоторым запаздыванием, аспектно, с элементами регресса (спровоцированного возрастающим геополитическим противостоянием) контуры аква-территориальной целостности формировались и в Причерноморье [6—8]. С февраля 2022 г. (когда геостратегический конфликт России и кол-

лективного Запада стал не только явным, но и предельно масштабным) процесс переформатирования черноморского и балтийского позиционирования России обрел необратимый характер, требующий в том числе переосмысления подходов в области общественно-географического анализа.

**Морская активность России в радикально видоизменившихся геоэкономических и геополитических условиях.** Очередной цикл «поворота» России к морю начался в начале 2000-х гг. и базовые его причины (интеграция в мирохозяйственные процессы с акцентом на экспортоориентированный минерально-сырьевой и аграрно-промышленный сектор, а также необходимость обеспечения военно-стратегических интересов страны в Мировом океане) в целом сохраняют свое действие и в современных условиях. Проявились наряду с этим и новые обстоятельства, с одной стороны, лимитирующие морскую активность Российской Федерации, с другой — иницирующие как ее коррекцию, так и общую поступательную динамику. Западные санкции, породив риски спада в базовых секторах морской экономики (портовый грузооборот в экспортно-импортных операциях, морские трубопроводы, проекты нефте-и газодобычи на шельфе), четче высветили потребность в последовательном «импортозамещении» в морских технологиях (включая добычу ресурсов и судостроение) и логистике. Геоэкономическая турбулентность усилила финансово-инвестиционные дефициты. Геополитическое противостояние мотивировало дальнейшее наращивание «морской компоненты» силовых структур, включая и общую концентрацию российской военной активности на побережьях, оконтуривающих фактические и потенциальные театры боевых действий.

**Новые факторы и векторы «морской» регионализации на западном порубежье России.** Текущая геополитическая ситуация проецируется на весь порубежный российский «морской» регионогенез (в Арктике, на Каспии, в акватории Японского моря и др.). Наиболее ощутимые, опережающие общий тренд изменения тем не менее присущи именно Причерноморью и Балтике, где наблюдается:

— проявление геополитического «разлома» былой (и ранее являвшейся неустойчивой, асимметричной) акваториальной социально-экономической целостности, сопровождаемого как практическим «выдавливанием» России из сферы превалирующих трансграничных трансакваториальных интеграционных процессов, так и появлением в контуре каждой из акваторий фактически двух «взаимонаслаивающихся», сосуществующих морских региональных макроструктур (в одной из которых российское присутствие, благодаря позиции западных «партнеров», минимизировано);

— более четкое обособление собственно «российского сегмента» как на Балтике, так и в Причерноморье (в последнем случае вмещающего и признанные Россией Абхазию и ДНР) как относительно автономной, самодостаточной аква-территориальной структуры;

— «миграция» геополитических сфер влияния и иных политико-географических рубежей (на Балтике связанная с перспективой вступления в НАТО Швеции и Финляндии, в Причерноморье — с гипотетически возможным выходом ВС РФ на границу Приднестровья).

**Причерноморье в контексте общественно-географического анализа: современные приоритеты.** Новая геополитическая реальность обуславливает превращение как в целом Причерноморья и Балтики, так и собственно российских их сегментов в приоритетный объект не только узконаправленного политико- и военно-географического анализа, но и общественно-географических исследований в целом.

Фокусируясь на Причерноморье (макрорегионе с наиболее всеобъемлющими и сложными трансформационными процессами), необходимым в этой связи видится прежде всего смещение стратегических акцентов (для России) с бывшего «черноморского сотрудничества» как абсолютного позитива и самоценности — на укрепление и обустройство собственно Российского Причерноморья (приморских территорий в российской юрисдикции), в том числе на основе полноформатного использования в его пространственном развитии «фактора моря» (включающего и собственно трансчерноморские взаимодействия, фундамент которых все последние годы устойчиво составляют связи России и Турции). Соответственно, требуют обоснования границы Российского Причерноморья (как полосы или ареала, где для хозяйственной и селитебной систем существенно влияние «морского фактора»), а также анализ его видоизменяющейся (в том числе под влиянием геополитических факторов) пространственной структуры. Приоритетной задачей является и оценка нового позиционирования (положения, роли, места) приморских территорий России в Причерноморье. Выявляя и структурируя присущие Причерноморью регионоформирующие социально-экономические взаимодействия, следует идентифицировать при этом пять уровней (контуров, относительно самостоятельных аспектов) транспонтийской интеграции: 1) кластеризация и комплексообразование в рамках конкретного отдельного субъекта РФ; 2) те же интеграционные процессы на межрегиональном (два и более приморских субъекта РФ) уровне; 3) то же + интеграционные процессы с признанными РФ государствами, а также де-факто подконтрольными России территориями; 4) взаимодействия приморских территорий России с хозяйственными системами непосредственно причерноморских государств; 5) взаимодействие Российского Причерноморья с со всеми странами так называемого Большого Причерноморья, а также со значимыми для России (ее причерноморско-приазовских территорий) партнерами Большого Средиземноморья.

**Заключение.** Новая геополитическая ситуация лишь повышает для России, для ее пространственного развития роль «фактора моря», равно как и инициирует дальнейшее устойчивое «присутствие» (хозяйственное и военно-политическое) нашей страны в оконтуривающих ее морских акваториях. Последние, в данном контексте, выступают в качестве значимого объекта полимасштабного общественно-географического анализа, призванного синте-

зировать подходы социально-экономической географии Мирового океана, политической географии, лимнологии, исследований трансграничных регионов и проблемного страноведения.

*Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).*

### **Список литературы**

1. Асмус Р. Евро-атлантическое Причерноморье // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5, №3. С.66—77.
2. Добрански С. Формирование Черноморского сообщества // Полис. Политические исследования. 2013. №1. С. 177—181.
3. Дружинин А.Г. Евразийские векторы морехозяйственной активности России: общественно-географические проекции // География и природные ресурсы. 2020. №2. С. 5—14.
4. Клемешев А.П., Корнеевец В.С., Пальмовский Т. и др. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №4. С. 7—28
5. Приморские зоны России на Балтике: факторы, особенности, перспективы и стратегии трансграничной кластеризации. М. : ИНФРА-М, 2018.
6. Язькова А.А. Большой Черноморский регион: проблемы и перспективы развития // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России. М. : Ин-т Европы РАН, 2016. С. 7—19.
7. Дружинин А.Г. Российское Причерноморье в современной Евразии: геополитические и морехозяйственные факторы региональной динамики // Научная мысль Кавказа. 2020. №3 (103). С. 5—15.
8. Дружинин А.Г., Вольхин Д.А. Интеграционный потенциал морехозяйственной активности в современном Причерноморье: факторы формирования, особенности и приоритеты реализации // Научная мысль Кавказа. 2021. №4. С. 5—16.

### **Об авторе**

*Александр Георгиевич Дружинин*, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону; ведущий научный сотрудник Института географии РАН, Москва, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1642-6335

SCOPUS: 7005628550

### **The author**

*Prof Alexander G. Druzhinin*, Director of the North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Rostov-on-Don; Leading Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: alexdru9@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1642-6335

SCOPUS: 7005628550

**Ю. М. Зверев**

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)*

### **НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ**

*Аннотация. Рассматриваются становление, состояние и перспективы развития нового мирового порядка в Балтийском регионе. Сделан вывод, что оформляется новая геополитическая конфигурация «все против России» (в экономической сфере — через ЕС, в военно-политической — через НАТО). В то же время Балтийское море благодаря российскому присутствию на его берегах и тому значению, которое отводится Балтике в новой Морской доктрине России, все же не превратится в «натовское озеро».*

*Annotation. The article examines the formation, state and prospects for the development of a new world order in the Baltic region. It is concluded that a new geopolitical configuration "all against Russia" is being formed (in the economic sphere — through the EU, in the military-political sphere — through NATO). At the same time, the Baltic Sea, thanks to the Russian presence on its shores and the importance assigned to the Baltic in the new Russian Maritime Doctrine, will not turn into a "NATO lake".*

**Ключевые слова:** Балтийский регион, Россия, ЕС, НАТО геополитика, новый миропорядок

**Keywords:** Baltic region, Russia, EU, NATO, geopolitics, new world order

Геополитическая ситуация в Балтийском регионе в решающей степени определялась и определяется мировой геополитической ситуацией, прежде всего отношениями между такими акторами, как США, НАТО, Евросоюз (коллективный Запад), с одной стороны, и СССР/Россия — с другой.

В годы холодной войны Балтийский регион был местом противостояния двух военно-политических блоков с разными идеологиями и системами ценностей — НАТО и Организации Варшавского договора (ОВД). В НАТО из стран Балтийского региона, если рассматривать его расширенно [1, с. 18], входили тогда Норвегия, Дания и ФРГ, в ОВД — СССР, ПНР и ГДР. Швеция официально придерживалась политики «свобода от союзов в мирное время с целью обеспечения нейтралитета в случае войны» [2, с. 80], но на практике поддерживала неофициальные отношения с НАТО, в частности в области разведки [3]. Нейтральная Финляндия, в свою очередь, вела более сбалансированную внешнюю политику, по отношению к которой на Западе использо-

вался термин «финляндизация». При этом — в негативном контексте — утверждалось, что политика Финляндии при номинальном сохранении суверенитета подчинена политике СССР [3].

Регион был расколот не только в военно-политическом, но и в экономическом отношении. В Норвегии, Дании, ФРГ, Швеции и Финляндии господствовала рыночная экономика, в СССР, ПНР и ГДР — социалистическая плановая. ФРГ и Дания входили в Европейское сообщество (ЕС), СССР, ГДР и ПНР — в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ).

После окончания холодной войны геополитическая ситуация радикально изменилась. В октябре 1990 г. объединилась Германия (а фактически ГДР была поглощена ФРГ). В следующем году сначала прекратили существование СЭВ (в июне) и ОВД (в июле), затем СССР признал независимость Литвы, Латвии и Эстонии (6 сентября), 26 декабря 1991 г. распался и сам Советский Союз.

Однако появившаяся возможность построить Балтийский регион без разделительных линий использована, к сожалению, не была. Коллективный Запад воспользовался распадом СССР и ослаблением России в переходный от социализма к рынку период для усиления своего влияния.

Во-первых, расширился Европейский союз (ЕС), в который вступили Швеция и Финляндия (1995), а затем Польша, Литва, Латвия и Эстония (2004). Расширение Евросоюза за счет бывших социалистических стран региона создало проблемы для транзита между основной частью России и эксклавной Калининградской областью [4, с. 183—192]. Сами же эти страны (а также Швеция) вошли в число наиболее антироссийски настроенных стран ЕС и сыграли негативную роль в развитии отношений России и ЕС от попыток налаживания тесного всестороннего партнерства к конфронтации. Но главную роль в кризисе российско-европейских отношений, особенно после государственного переворота на Украине в 2014 г. и введения против России масштабных экономических санкций, сыграли натоцентрическая модель европейской безопасности и политика расширения евроатлантических институтов на Восток [5, с. 121]. Так Балтийский регион оказался разделен в экономическом плане сначала на «все и Россия», а потом и «все против России».

Еще более негативную роль в расколе Балтийского региона сыграло и играет расширение НАТО. После объединения Германии частью НАТО стала бывшая ГДР. В дальнейшем, несмотря на данные СССР обещания не расширять НАТО на Восток [6], в Североатлантический альянс были приняты сначала Польша (12 марта 1999 г.), а затем и страны Прибалтики (29 марта 2004 г.). Началось освоение США и НАТО нового ТВД, которое активизировалось после инспирированного коллективным Западом во главе с США государственного переворота на Украине (см. подробнее: [7]). Новый виток наращивания сил США и НАТО в Балтийском регионе произошел после начала российской специальной военной операции (СВО) на Украине в феврале 2022 г. [8; 9].

Значительно возросла в Балтийском регионе активность США. До этого после окончания холодной войны американцы делали упор на усиление свое-

го влияния, а не физического присутствия [10, с. 58]. С 2014 г. США значительно усилили свое военное присутствие в Польше и Прибалтике [11], активизировали военно-политическое сотрудничество с указанными государствами, а также со Швецией и Финляндией с целью вовлечения этих нейтральных государств НАТО.

И в этом американцы преуспели. Будущее вступление в НАТО прежде нейтральных Финляндии и Швеции существенно меняет военно-политическую ситуацию на Балтике. Эти государства активизировали военно-политическое сотрудничество с Североатлантическим альянсом и США еще в 1990-х гг. [3], а 18 мая 2022 г. подали заявки на вступление в НАТО. Страны Североатлантического альянса 29 июня 2022 г. официально пригласили Финляндию и Швецию вступить в НАТО. Министры иностранных дел Финляндии и Швеции и послы 30 стран НАТО 5 июля 2022 г. подписали протоколы о вступлении двух северных стран в Североатлантический альянс. После подписания протоколы должны быть одобрены всеми странами — членами НАТО в соответствии с их национальным законодательством. По состоянию на 29 июля 2020 г. протоколы ратифицировали 20 из 30 стран НАТО [12]. Затормозить вступление Финляндии и Швеции в Альянс может Турция, правительство которой заявило, что не направит в парламент документ о членстве Финляндии и Швеции в НАТО, если не увидит выполнения мадридского меморандума<sup>1</sup> [13]. Тем не менее мы полагаем, что в итоге Финляндия и Швеция все же вступят в Североатлантический альянс, членами которого после этого станут все государства, расположенные на берегах Балтийского моря, кроме России. Тем самым завершится оформление новой геополитической конфигурации «все против России» (в экономической сфере, как указывалось выше, через ЕС, в военно-политической — через НАТО).

Таким образом, новый мировой порядок, который складывается в Балтийском регионе, будет кардинально отличаться как от существовавшего в годы холодной войны, так и от ситуации в начале нынешнего века, когда сохранялись надежды на развитие взаимовыгодного партнерства между Россией и ЕС и на то, что расширение НАТО не затронет государства Прибалтики (и тем более нейтральные Финляндию и Швецию). Влияние НАТО в Балтийском регионе усилится, а российско-финская граница станет самым длинным участком линии противостояния России и НАТО. Повысится и уязвимость эксклавной Калининградской области, морские пути в которую теперь будут под угрозой со стороны НАТО и против которой может быть открыт потенциальный «северный фронт» со стороны Швеции.

---

<sup>1</sup> Меморандум о безопасности был подписан министрами иностранных дел Турции, Финляндии и Швеции 28 июня 2022 г. накануне саммита НАТО в Мадриде. В нем Швеция и Финляндия обещали сотрудничать с Турцией в борьбе против запрещенной Анкарой Рабочей партии Курдистана (РКП) и ее союзников, а также согласились снять эмбарго на поставки оружия в Турцию, которое было введено в 2019 г. в ответ на ее военное вмешательство в Сирии.

В то же время утверждение, что Балтийское море превратится в «натовское озеро» [14], кажется все же преувеличением, поскольку у России есть и останутся морские порты на Балтике и военно-морские базы в Балтийске и Кронштадте. Балтийские проливы в новой Морской доктрине России отнесены к числу важных районов (зон) обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане, и Доктрина предусматривает развитие сил (войск) и системы базирования Балтийского флота, его способности гарантированно обеспечить защиту национальных интересов Российской Федерации в Балтийском море [15, с. 6, 28].

В новых геополитических условиях, складывающихся на Балтике, Россия будет вынуждена принять военно-технические меры по парированию возросшей военной угрозы. По мнению российских экспертов, можно предполагать, что на Северо-Западе России «появятся дополнительные части сухопутных войск, силы и средства ВКС и ПВО, ракетное оружие, будет усилен Балтийский флот» [14]. В условиях вступления в НАТО Швеции и Финляндии, как заявил зампреда Совета РФ Д. А. Медведев, «ни о каком безъядерном статусе Балтики речь идти уже не сможет» [16], то есть в регионе будет развернуто российское ядерное оружие.

Особое внимание должно и будет уделяться обеспечению как экономической, так и военной безопасности эксклавной Калининградской области, значение которой как стратегического и военного форпоста России на Балтике возрастает, но и степень уязвимости которой перед внешними вызовами и угрозами также увеличивается. В частности, Морская доктрина ставит задачу обеспечения транспортной доступности Калининградской области за счет функционирования паромной линии в направлении морских портов Усть-Луга и Санкт-Петербурга [15, с. 28].

Таким образом, Балтийский регион из потенциального «моря мира», к сожалению, превратился в одну из главных зон конфронтации России и коллективного Запада, потенциальную «пороховую бочку Европы» по аналогии с Балканами начала прошлого века. Новый антироссийский миропорядок, сложившийся здесь, является отражением общего конфликтного характера отношений России, отстаивающей свой суверенитет и независимость в принятии решений, с коллективным Западом во главе с США, которые, наоборот, стремятся превратить Россию в слабую, зависимую страну или даже расчленить ее, чтобы господствовать в Евразии и мире. Поэтому и кардинально измениться этот миропорядок может только в том случае, если коллективный Запад осознает вредность, прежде всего для самого себя, проводимой им антироссийской политики военного давления и экономических санкций и попытается выстроить с Россией нормальные отношения. Но пока надежды на это невелики. И поэтому конфронтация в Балтийском регионе (и не только), к сожалению, будет продолжаться.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РНФ №22-27-00289 «Обоснование реструктуризации международных связей и мер обеспечения военно-политической безопасности российских регионов на Балтике в условиях углубления геополитических противоречий».*

## Список литературы

1. Клемешев А. П., Корнеевец В. С., Пальмовский Т. и др. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №4. С. 7—28.
2. Воронов К. В. Швеция во Второй мировой и холодной войнах: другая история // Международная жизнь. 2020. №9. С. 72—83.
3. Зверев Ю. «Проамериканское неприсоединение»: Швеция и Финляндия наращивают военное сотрудничество с США // Евразия. Эксперт. 2018. 4 июня. URL: <https://eurasia.expert/proamerikanskoe-neprisoedinenie-shvetsiya-i-finlyandiya-narashchivayut-voennoe-sotrudnichestvo-s-ssh/> (дата обращения: 31.07.2022).
4. Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеевец В. С. Россия на Балтике: 1990—2012 годы : монография. 2-е изд., доп. и перераб. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013.
5. Данилов Д. А. Политические отношения Россия — ЕС: Эволюция и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2021. №2. С. 121—138.
6. Ахтырко А. «Они дали СССР обещание не расширять НАТО» // Газета.ру. 2022. 12 февр. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/02/19/14554111.shtml> (дата обращения: 31.07.2022).
7. Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Минимальный ответ на возрастающие угрозы: почему проведены учения «Запад-2021»? : экспертный доклад. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2021.
8. Зверев Ю. Ставка на конфронтацию: США и НАТО наращивают военный потенциал в Восточной Европе // Евразия. Эксперт. 2022. 28 апр. URL: <https://eurasia.expert/ssh-i-nato-narashchivayut-voennoy-potentsial-v-vostochnoy-evrope/> (дата обращения: 31.07.2022).
9. Зверев Ю. Наращивание сил НАТО и США в Европе: риски и последствия для России и Белоруссии // Евразия. Эксперт. 2022. 26 июля. URL: <https://eurasia.expert/ssh-i-nato-narashchivayut-voennoy-potentsial-v-vostochnoy-evrope/> (дата обращения: 31.07.2022).
10. Грибанова Г. И., Косов Ю. В. Политика НАТО на Балтике — цели и приоритеты // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №1. С. 56—72.
11. Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Безопасность в восточной Балтике: К военным учениям России и Беларуси «Щит Союза — 2019» : экспертный доклад. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019.
12. Montenegro becomes 20<sup>th</sup> member to ratify Finland's Nato accession // Yle. 29.07.2022. URL: <https://yle.fi/news/3-12556074> (дата обращения: 31.07.2022).
13. В Турции назвали условие ратификации членства Швеции и Финляндии в НАТО // РИА Новости. 27.07.2022. URL: <https://ria.ru/20220727/nato-1805264321.html> (дата обращения: 31.07.2022).
14. Суоми в НАТО — Балтийский регион превращается в натовское «озеро» // Фонтанка. 2022. 12 мая. URL: <https://www.fontanka.ru/2022/05/12/71326211/> (дата обращения: 31.07.2022).
15. Морская доктрина Российской Федерации. Утверждена указом Президента Российской Федерации 31 июля 2022 г. №512 // Президент Российской Федерации. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/xBBH7DL0RicfddWPoI32UekiLMTAycW.pdf> (дата обращения: 31.07.2022).

16. *Балтика* может потерять безъядерный статус, заявил Медведев // РИА Новости. 14.04.2022. URL: <https://ria.ru/20220414/baltika-1783465933.html> (дата обращения: 31.07.2022).

*Об авторе*

*Юрий Михайлович Зверев*, кандидат географических наук, доцент, доцент Образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития», главный специалист Центра геополитических исследований Балтийского региона Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: [YZverev@kantiana.ru](mailto:YZverev@kantiana.ru)  
ORCID: 0000-0002-5048-7481

*The author*

*Dr Yury M. Zverev*, Associate Professor, Educational and Scientific Cluster “Institute of Management and Territorial Development”; Senior Researcher, Center for Geopolitical Studies of the Baltic Region, Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

E-mail: [YZverev@kantiana.ru](mailto:YZverev@kantiana.ru)  
ORCID: 0000-0002-5048-7481

**О. В. Кузнецова**

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН (Москва, Россия)

## **РАЗВИТИЕ НАУКИ В РЕГИОНАХ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ**

*Аннотация. В настоящее время федеральные органы власти ведут разработку рейтинга научно-технологического развития регионов России. В статье объясняются причины возникновения интереса к такому рейтингу, обсуждаются цели, задачи, проблемы его составления. Предлагаются возможные направления научно-технологической политики региональных органов власти, говорится о необходимости разработки региональной стратегии развития науки и встраивания ее в стратегию пространственного развития страны.*

*Annotation. Currently, federal authorities are developing a rating of scientific and technological development of Russian regions. The article explains the reasons for the interest in such a rating, discusses the goals, objectives, and problems of its compilation. Possible directions of scientific and technological policy of regional authorities are proposed, it is said that it is necessary to develop a regional strategy for the development of science and embed it into the strategy of spatial development of the country.*

**Ключевые слова:** научно-технологическое развитие, инновационное развитие, полномочия региональных властей, обмен лучшими практиками, стратегии

**Keywords:** scientific and technological development, innovative development, powers of regional authorities, exchange of best practices, strategies

Одной из общепризнанных российских проблем научно-технологического развития (НТР) является низкий уровень коммерциализации (внедрения в практику) результатов научных исследований. Среди причин такой ситуации — особенности разграничения полномочий между федеральными и региональными органами власти. Государственное регулирование и финансирование науки и высшего образования осуществляется преимущественно федеральными органами власти, тогда как создание условий для социально-экономического развития регионов — сфера ведения прежде всего органов власти самих регионов. В итоге ответственность за связь науки и производства оказывается размытой. Эту проблему, ставшую особенно актуальной в 2022 г. в связи с необходимостью ускоренного импортозамещения высокотехнологичных товаров в условиях новых антироссийских санкций, федеральные власти стали постепенно решать. В конце 2020 г. при формировании комиссий Государственного совета РФ была создана комиссия по направлению «Наука», годом позже

заметным событием стало проведение совместного заседания Госсовета и Совета при президенте по науке и образованию. По его итогам был подписан обширный перечень поручений президента РФ, одним из которых стало поручение обеспечить формирование национального рейтинга научно-технологического развития субъектов РФ. В настоящее время работа по подготовке и обсуждению такого рейтинга ведется Госсоветом совместно с Минобрнауки России, ее планируется завершить к концу 2022 г. Близкие исследования проводились и в Российской академии наук [1].

Подчеркнем, что речь идет именно о научно-технологическом (а в РАН только научном) развитии регионов, а не инновационном. По инновационному развитию регионов существует обширный пласт научных исследований (обобщенных в [2]), разрабатываются получившие известность рейтинги регионов [3]. Однако важно помнить, что инновационная деятельность предприятия далеко не всегда предполагает внедрение новых научных разработок и высоких технологий, поэтому инновационное и научно-технологическое развитие — близкие по сути явления, но отнюдь не тождественные. Научно-технологическое развитие — более широкое понятие, нежели научное развитие, поскольку подразумевает анализ состояния не только науки, но и производства, экспорта высокотехнологичной продукции. Вместе с тем наличие в регионе высокотехнологичных производств — одно из условий развития науки, поэтому подходы к оценке инновационного развития близки к подходам к оценке НТР (или научно-технического/технологического потенциала). Опыт оценки НТР есть в научной литературе [4—8], однако он не решил всех возникающих в этой сфере проблем.

Одним из возникающих дискуссионных вопросов при разработке рейтинга НТР регионов является его целесообразность, поскольку, как уже было сказано выше, научно-технологическая политика находится в сфере ведения преимущественно федеральных властей, к тому же научно-технологический потенциал формируется на протяжении очень длительного периода времени. На наш взгляд, такой рейтинг имеет смысл, но при его составлении оценка качества работы региональных властей в научно-технологической сфере должна осуществляться отдельно, исходя из их возможностей участвовать в НТР (табл. 1).

Таблица 1

**Оценка научно-технологического развития регионов**

Цель	Формирование объективной картины межрегиональных различий	Оценка качества работы региональных властей в сфере НТР
Практическая применимость	Для выбора пространственных приоритетов федеральной политики. Для разработки стратегий развития на региональном уровне	Расширение оценки эффективности деятельности региональных органов власти. Создание платформы для обмена лучшими практиками

Окончание табл. 1

Цель	Формирование объективной картины межрегиональных различий	Оценка качества работы региональных властей в сфере НТР
Существующие аналоги	Рейтинги инвестиционной привлекательности регионов («Эксперт РА» и др.)	Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ
Основные проблемы оценки	Как не спровоцировать некорректными показателями формирование негативных действий и трендов	Определить, что включает в себя научно-технологическая политика региональных властей в условиях ограниченных их полномочий и средств

Определение корректных показателей для оценки НТР регионов — отдельная крупная задача, в данной статье остановимся на вопросе поиска возможных направлений влияния региональных властей на НТР регионов. Несмотря на ограниченность полномочий властей на местах, можно предложить несколько таких направлений (табл. 2). Особенно обратим внимание на значимость развития детского образования по техническим и естественно-научным направлениям, которое является необходимой основой для дальнейшего получения высшего образования. Школьным образованием, дополнительным образованием детей занимаются именно власти на местах (региональные и муниципальные). Собственно оценка деятельности региональных властей может основываться на сочетании количественных/статистических показателей (например, в части бюджетных расходов на науку) и качественных/балльных оценок (наличие/отсутствие тех или иных мер).

Таблица 2

**Возможные направления научно-технологической политики органов власти субъектов РФ**

Направление	Возможные действия региональных властей
Формирование программной основы научно-технологической политики	Разработка закона субъекта РФ о научно-технологической деятельности / политике в субъекте РФ. Разработка государственной программы субъекта РФ в области НТР (во взаимосвязи с государственной программой Российской Федерации «Научно-технологическое развитие РФ»)
Встраивание научно-технологической политики в инвестиционную	Обусловленность государственной поддержки инвестиций внедрением новых технологий — дифференциация масштабов существующей поддержки инвесторов (налоговых льгот, субсидирования процентных ставок по кредитам и др.) в зависимости от степени технологичности создаваемых производств товаров и услуг); разработка специальных мер поддержки инвесторов в высокотехнологичных отраслях. Создание инфраструктуры для внедрения в практику результатов научных разработок (технопарков, технико-внедренческих ОЭЗ и др.) и/или продвижение соответствующих решений на федеральном уровне

Направление	Возможные действия региональных властей
Вклад в подготовку и привлечение кадров	Развитие школьного образования, дополнительного образования детей технического и естественно-научного образования профиля, «Кванториумов», обеспечение доступности такого дополнительного образования для широкого круга школьников. Работа по привлечению в экономику региона талантливых выпускников вузов, особенно жителей региона, уехавших учиться в ведущие вузы других регионов. Жилищные программы для работающих в науке, высшем образовании или высокотехнологичных отраслях, особенно для молодежи. Программы повышения качества городской среды, ориентированные на привлечение кадров в научно-технологическую сферу
Информационная и финансовая поддержка научно-технологического развития	Организация взаимодействия между всеми заинтересованными участниками НТР в регионе: научно-исследовательскими организациями независимо от формы собственности, вузами, бизнес-сообществом, институтами развития, органами местного самоуправления. (Со)финансирование из региональных бюджетов научных исследований и разработок (в разных форматах). Содействие предприятиям региона в продвижении на рынке их высокотехнологичной продукции

В заключение отметим, что при всей важности проведения оценок НТР развития регионов за такого рода оценками должны последовать дальнейшие шаги в становлении государственной политики:

— совершенствование научно-технологической политики собственно региональных органов власти на основе изучения и распространения лучших практик в этой сфере;

— разработка региональной стратегии развития науки (стратегии развития науки в региональном разрезе) на основе выявленных различий в особенностях и потенциале НТР регионов (такая стратегия может разрабатываться как документ Российской академии наук);

— встраивание региональной стратегии развития науки в новую Стратегию пространственного развития России, разработка которой предстоит в ближайшие годы.

#### Список литературы

1. Кузнецова О. В. Методические подходы к оценке научной активности регионов // Федерализм. 2022. Т. 27, № 1. С. 61—65.

2. Бабурин В. Л., Земцов С. П. Теоретические и методические подходы к экономико-географическим исследованиям инновационных процессов // Теоретические и методические подходы в экономической и социальной географии: сб. ст. М.: Географический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019. С. 6—45.

3. *Абашкин В.Л., Абдрахманова Г.И., Бредихин С.В. и др.* Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 7 / под ред. Л.М. Гохберга. М. : НИУ ВШЭ, 2021.

4. *Гулин К.А., Мазилев Е.А., Кузьмин И.В. и др.* Проблемы и направления развития научно-технологического потенциала территорий. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2017.

5. *Дмитриева М.Л., Юрковская Г.И., Ерыгин Ю.В.* Оценка научно-технологического развития региона: анализ подходов и концепций // ЦИТИСЭ. 2019. №5 (22). С. 252—261.

6. *Задумкин К.А., Кондаков И.А.* Научно-технический потенциал региона: оценка состояния и перспективы развития. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2010.

7. *Золотухина А.В.* Оценка научно-технического потенциала регионов России: отечественная практика и международные рекомендации // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2012. №4. С. 97—108.

8. *Нетребин Ю.Ю., Улякина Н.А., Вершинин И.В., Бурдакова А.Е.* Научно-технический и инновационный потенциал региона: сравнение современных подходов к оценке // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 1, №10. С. 107—116.

### ***Об авторе***

*Ольга Владимировна Кузнецова*, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН, Москва, Россия.

E-mail: kouznetsova\_olga@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4341-0934

### ***The author***

*Prof Olga V. Kuznetsova*, Chief researcher, Federal Research Center Computer Science and Control of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: kouznetsova\_olga@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4341-0934

**А. Ю. Меньших, А. В. Коновалова**

*Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия)*

### **РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: РЕЗУЛЬТАТЫ ПАРТНЕРСТВА И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЯ**

*Аннотация. Российско-белорусское сотрудничество играет значительную роль в интеграционных связях как в рамках СНГ, так и в нынешней геополитической обстановке. В данной статье рассматривается сущность союза России и Республики Беларусь, история формирования и факторы образования Союзного государства, основные направления и достижения в сотрудничестве и их перспективы развития в рамках подписания 28 интеграционных программ.*

*Annotation. Russian-Belarusian cooperation plays a significant role in integration relations within both the CIS and in the current geopolitical situation. This article discusses the essence of the Union of Russia and the Republic of Belarus, the history of the formation and factors of the formation of the Union State, the main directions and achievements in cooperation and their prospects for development within the framework of the signing of 28 integration programs.*

**Ключевые слова:** Союзное государство, Россия, Республика Беларусь, сотрудничество, интеграция

**Keywords:** Union State, Russia, Republic of Belarus, cooperation, integration

Союзное государство — это надгосударственное образование России и Республики Беларусь. В сферу ответственности Союзного государства входят оборона и безопасность, внешняя политика, таможенные дела, бюджетные, денежно-кредитные и налоговые системы, культурно-гуманитарные вопросы, энергетика, транспорт и связь. Каждая страна сохраняет свою независимость, суверенитет, национальное устройство, территориальную целостность, Конституцию, государственный флаг, герб [5].

Началом Союзного государства принято считать 2 апреля 1997 г., когда президенты двух стран А. Г. Лукашенко и Б. Н. Ельцин, выражая волю своих народов, подписали Договор о Союзе России и Республики Беларусь.

В основе образования союзного государства лежит целый ряд факторов:

— политические, научные, торгово-экономические и культурно-гуманитарные связи, образованные во времена Советского Союза;

— единое геополитическое пространство (нефтегазопроводная система, транспортные коридоры, комплексная система безопасности и т. д.);

- исторические и культурные связи между народами двух государств;
- многолетние экономические проблемы, начавшиеся задолго до образования Союза в Республике Беларусь;
- расширение своих территорий и приток рабочей силы за счет граждан Белоруссии в России;
- использование России в качестве первого места военной стратегии на западе [1].

Сегодня Россия и Республика Беларусь осуществляют тесное политическое, научное, экономическое, культурное и военное сотрудничество. Правовую базу Союзного государства составляют более 220 договоров и соглашений.

*Торгово-экономическое сотрудничество.* Республика Беларусь — важнейший торговый партнер Российской Федерации, она занимает четвертое место по объему товарооборота между Россией и странами мира, первое место среди стран СНГ.

В свою очередь, Российская Федерация остается основным торгово-экономическим партнером Белоруссии, ее доля в товарообороте республики остается на уровне 50 %.

В Белоруссии действуют более 2 тыс. совместных предприятий с долей средств из России.

Россия — основной партнер Белоруссии в нефтегазовой сфере. Через Белоруссию осуществляется регулярная транспортировка и перевозка нефти, газа, угля.

Россия и Белоруссия участвуют в реализации крупных финансовых проектов. Один из них — Белорусская АЭС.

В настоящее время в связи с нынешней геополитической обстановкой и введением санкций, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь (Белстат), в первом полугодии 2022 г. продолжилась тенденция роста торгово-экономического сотрудничества России и Белоруссии, где товарооборот двух стран достиг 19,9 млрд долл. (+10,5%), российский экспорт — 9 млрд долл. (+5,7%), белорусский импорт — 7,1 млрд долл. (+17,4%).

*Научно-образовательное сотрудничество.* Со школами Российской Федерации сотрудничают более 30 общеобразовательных школ и отделов образования Белоруссии.

Практически все высшие учебные заведения Республики Беларусь сотрудничают с российскими вузами в рамках соглашений и совместных научных договоров и программ. Например, сотрудничество между Национальным исследовательским центром «Курчатовский институт» и Национальной академией наук (НАН) Беларуси, в результате которого реализуется многочисленное число совместных мероприятий в области ядерных исследований, атомной энергетики, материаловедения, технологий геномики и медицины.

В Могилеве действует Белорусско-российский университет — крупнейший научно-образовательный центр, объединяющий университет, лицей, архитектурно-строительный колледж, институт повышения квалификации и переподготовки кадров.

В целях создания условий для академического движения студентов и преподавательского состава вузов России и Белоруссии был образован Союзный научно-образовательный центр — Университет интеграции.

Ученые из России и Белоруссии активно работают в Международной ассоциации академий наук (МАН).

*Военное и военно-техническое сотрудничество.* Целью военного сотрудничества России и Белоруссии было и есть обеспечение военной безопасности Союзного государства, направленное на поддержание необходимого военного потенциала, качественную подготовку вооруженных сил, планирование и организацию совместных мероприятий по противодействию военной угрозе и ликвидации агрессии на общем оборонном пространстве.

Сотрудничество в военно-технической области между странами сейчас активно развивается. Россия — основной партнер по поставкам продукции военного назначения, деталей, а также ремонту и совершенствованию вооружения и военной техники в Вооруженные силы Республики Беларусь.

Военно-промышленный комплекс РФ сотрудничает с белорусскими заводами и конструкторскими бюро по более 1,5 тыс. видам военной техники.

*Кредитно-финансовое сотрудничество* заключается в сотрудничестве между Центральным банком Российской Федерации и Национальным банком Республики Беларусь, управлении и контроле финансового сектора страны, размещении белорусских государственных облигаций на российском рынке, предоставлении российских кредитов Беларуси (Россия — основной кредитор белорусской экономики).

*Культурно-гуманитарное сотрудничество.* Развитие отношений происходит через программы сотрудничества между образовательными, научными, культурными, спортивными, общественными организациями двух стран, а также в рамках международных и региональных программ. Регулярно проводятся дни культуры, гастролы известных коллективов и артистов, театральные, музыкальные и спортивные мероприятия, часто финансируемые из бюджета Союзного государства.

В белорусских и российских городах 2 апреля проходят ежегодные культурно-массовые мероприятия, посвященные Дню единения народов России и Белоруссии. Также Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске» до сих пор является ежегодным мероприятием России и Республики Беларусь.

За вклад в развитие литературы, искусства, а также в области науки и техники талантливые белорусы и россияне награждаются премиями Союзного государства [2].

Между Россией и Белоруссией действуют упрощенные условия совместного проезда по внутренним документам без прохождения пограничного и таможенного контроля. Граждане 90 дней имеют право находиться на территории другой страны без регистрации.

Посольство России действует в Минске, Генеральное консульство — в Бресте.

Посольство Белоруссии расположено в Москве, но также имеет отделения в Санкт-Петербурге, Казани, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Калининграде, Уфе, Красноярске, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Смоленске, Хабаровске. Консульства находятся в Тюмени, Краснодаре, Мурманске.

Российская Федерация и Республика Беларусь — члены следующих интеграций: Организация Объединенных Наций (ООН), Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Содружество Независимых Государств (СНГ), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Хотя развитие Союзного государства является медленным и длительным процессом, в особенности из-за таких причин, как отсутствие единой валюты, сильные бюрократические барьеры, несформированная единая законодательная база, проблема государственной собственности и ее мест в экономической политике и т. д., в 2021 г. интеграция значительно ускорилась, во многом из-за внешнего политического давления [3].

В ноябре 2021 г. президентами В. В. Путиным и А. Г. Лукашенко был подписан Декрет Союзного государства «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021—2023 гг.», утверждающий 28 интеграционных программ и, кроме того, Военную доктрину и Концепцию миграционной политики.

Программы включают в себя развитие следующих отраслей: газ, нефть, электроэнергетика, транспорт, финансы, налоги, госзакупки, потребительские рынки, связь и информационные технологии.

Уже известно, что появится новый консультационный орган — Комитет Союзного государства по налоговым вопросам, парламент создаст общую «дорожную карту», будет отменен роуминг на общей территории, а тарифы на воздушные и железнодорожные перевозки станут едиными. Также ведутся работы по созданию символики Союзного государства [4].

### Список литературы

1. *Союзное государство России и Белоруссии. История создания и цели государства* // РИА Новости. 2022. URL: <https://ria.ru/20101003/281848650> (дата обращения: 25.08.2022).
2. *Двусторонние отношения* // Политические процессы простыми словами. 2022. URL: <https://belarus.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/> (дата обращения: 12.08.2022).
3. *Куракина С. И., Баршова О. А.* К 20-летию создания Союзного государства России и Беларуси: итоги, проблемы и перспективы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 47. С. 137—159.
4. *Интеграция России и Белоруссии в рамках Союзного государства* // Политические процессы простыми словами. 2022. URL: <https://asafov.ru/soyuznoe-gosudarstvo#4> (дата обращения: 10.08.2022).
5. *Меньших А. Ю., Шестернин В. В., Коновалова А. В.* Союз России и Республики Беларусь как модель реинтеграции постсоветского пространства: проблемы и перспективы // Гужинские чтения: наследие и современность : матер. I Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар : КубГУ, 2021. С. 117—121.

***Об авторах***

*Анастасия Юрьевна Меньших*, студент, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

E-mail: menshikh17anastasia@yandex.ru

*Анна Витальевна Коновалова*, старший преподаватель, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

E-mail: konovalovann18@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3443-1728

***The authors***

*Anastasia Yu. Menshikh*, student, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

E-mail: menshikh17anastasia@yandex.ru

*Anna V. Konovalova*, senior lecturer, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

E-mail: konovalovann18@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3443-1728

**А. С. Михайлов**

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

**РОЛЬ ЧЕРНОГО МОРЯ В ФОРМИРОВАНИИ  
МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНО-ИННОВАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ  
АКВА-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ МАКРОСИСТЕМЫ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

*Аннотация. Морские бассейны по всему миру выступают пространствами трансакваториальных связей, играя столь же значительную роль в определении вектора международных взаимодействий государства, что и традиционное приграничье. Наличие единой морской акватории с ее объединяющей контактной функцией создает предпосылки к формированию сотрудничества на взаимовыгодных условиях, в том числе в сфере науки, технологий и инноваций. Однако помимо «моря надежд» морские бассейны нередко становятся очагами напряженности. В данной статье представлен анализ динамики межгосударственных научно-инновационных связей в контексте аква-территориальной макросистемы Причерноморья. На основе использования метода пространственной наукометрии были изучены кооперационные связи стран бассейна Черного моря и единство базы используемых знаний — интенсивность обмена информацией (знаниями). Результаты исследования показали, что смена геополитической обстановки находит отражение в изменении структуры научно-инновационных связей между странами. Россия и Турция — два полюса влияния, проявляют сближение во взаимодействиях. Вместе с тем на протяжении рассматриваемого периода Черноморский бассейн остается в центре внимания стран, не входящих в регион Причерноморья.*

*Annotation. Sea basins all over the world act as spaces of transaquatorial ties, playing the same significant role in determining the vector of international interactions of the state as the traditional border areas. The presence of a single water body with its unifying contact function creates prerequisites for the formation of cooperation on mutually beneficial terms, including in the sphere of science, technology and innovation (STI). However, in addition to the “sea of hope”, sea basins often become hotbeds of tension. This article presents an analysis of the dynamics of interstate STI relations in the context of the aqua-territorial macrosystem of the Black Sea region. Using the method of spatial scientometrics, we have analyzed the cooperative ties of the Black Sea basin countries and the unity of the knowledge base used — the intensity of knowledge exchange was studied. The research results showed that the change in the geopolitical landscape is reflected in the change of STI links between the countries. Russia and Turkey, the two poles of influence, show rapprochement in interactions. At the same time, during the period under consideration, the Black Sea basin remains the focus of attention of countries outside the Black Sea region.*

**Ключевые слова:** география знания, международные связи, Причерноморье, морской бассейн, сотрудничество, наукометрический анализ, морской рост

**Keywords:** geography of knowledge, international relations, Black Sea region, maritime basin, cooperation, scientometric analysis, blue growth

## **Введение и постановка вопроса**

Аква-территориальные макросистемы и трансакваториальные связи — одно из активно развивающихся направлений исследований современной общественной географии [1; 2]. Приморский фактор оказывает определяющее влияние на развитие как прилегающих территорий, так и государства в целом. Сложные комбинации в реализации функций контактности и барьерности границ (см. [3]) приобретают особый серьезный характер при рассмотрении взаимодействия стран в границах единого морского бассейна.

Единая акватория морских бассейнов, ограничиваемая естественными границами, создает предпосылки к формированию институциональных межгосударственных объединений, интенсификации кооперационно-интеграционных процессов и постановке единых макрорегиональных стратегических ориентиров (в первую очередь экологических в соответствии с международными целями устойчивого развития). Ярким примером в контексте России может служить регион Балтийского моря, где на протяжении многих лет реализуются совместные инициативы трансакваториального характера [4].

Выступая в качестве единого объединяющего пространства, морские бассейны в то же время могут выступать очагами напряженности или прямой конфронтации между странами. Так, например, можно наблюдать длительные непростые взаимоотношения стран в Южно-Китайском морском бассейне [5]. Множественность соседства как отличительная черта трансакваториальных связей представляет особую сложность в определении единого вектора развития и сотрудничества.

Особый интерес для России в данном ключе представляет бассейн Черного моря, являющийся местом пересечения геостратегических интересов целого ряда государств, в первую очередь России, Турции, Украины, Грузии и стран Европейского союза (Болгарии и Румынии). Диспропорция в их социально-экономическом развитии и разность внешнеполитических векторов, с одной стороны, увеличивает общий конфликтогенный потенциал аква-территориальной макросистемы, а с другой — создает благоприятную основу для развития двусторонних связей в рамках стратегических партнерств в определенных сферах, в том числе науки, технологий и инноваций.

В результате значительной взаимозависимости стран Причерноморья, многообразных в своем социально-культурном и экономическом устройстве, в регионе происходит постоянное переформатирование партнерских взаимоотношений с сохранением баланса интересов всех геополитических акторов [6]. Как отмечают А. Э. Кулешов и А. С. Кудря [7], каждая из стран имеет свои приоритеты в реализации международной политики, из-за чего нередко возникают разногласия в различных сферах деятельности. Более того, Черноморский аква-регион — это «нервный узел» Большого Средиземноморья [8], подпадающий под сферу интересов широкого круга стран (в первую очередь стран — членов ЕС, США и Великобритании).

Данная статья направлена на изучение динамики межгосударственных научно-инновационных связей в контексте аква-территориальной макросистемы Причерноморья с целью выявления закономерностей в формировании кооперационных связей стран бассейна Черного моря и интенсивности обмена информацией в рамках использования наработок друг друга.

### Методология исследования

Источником данных выступила международная реферативная база Scopus, в которой представлены научные публикации, аффилированные с организациями стран Черноморского бассейна и посвященные его изучению. В основу статьи легла гипотеза о том, что важность Черного моря для развития выходящих к нему стран будет значимым фактором образования сети международных научных связей в макрорегионе.

Область исследования охватила шесть стран Причерноморья, непосредственно выходящих к Черному морю: Россию, Украину, Турцию, Грузию, Болгарию и Румынию. Абхазия исключена из исследования из-за недоступности самостоятельных данных (отнесены к Грузии). Также учтены соседние страны без выхода к морю: Армения, Азербайджан, Белоруссия, Венгрия, Греция, Иран, Ирак, Казахстан, Молдова, ОАЭ, Польша, Сербия, Словакия, Северная Македония, Сирия.

Период изучения охватил 22 года, разделенных на три временных отрезка: с 2000 по 2008 г., с 2009 по 2013 г., с 2014 по 2021 г. Отдельно рассмотрены имеющиеся неполные данные за 2022 г. (по состоянию на 1 октября). Выделение временных периодов соотносится со знаковыми внешнеполитическими событиями с участием наиболее крупных стран Причерноморья — России и Украины. Эти события, несомненно, оказывали влияние на общую динамику образования и угасания кооперационных связей в рамках морского бассейна. На период 2008—2009 гг. приходились российско-украинский газовый конфликт и повышение геополитической напряженности после военного столкновения Грузии, Южной Осетии и Республики Абхазия (2008). Политические события 2014 г. привели к смене власти в Украине, присоединению полуострова Крым к России и отнесению последней к категории «военный противник» в украинской военной доктрине 2015 г. Февральские события 2022 г. стали новым витком в развитии российско-украинского противостояния, оказав глубокое трансформационное влияние на всю аква-территориальную макросистему Причерноморья, что еще предстоит осмыслить.

Дизайн исследования включал два этапа. Первый этап сопряжен со сбором первичных наукометрических данных. Сначала был сформирован тематический запрос по результатам научных исследований, проиндексированных в 2000—2022 гг. и посвященных изучению Черного моря. Строгий поиск словосочетания «Black Sea» проводился в названии, абстракте и ключевых словах. В исследование вошли все типы документов: статья, глава книги, книга, обзор, материал конференции, заметка, краткий обзор и др. Фильтры по от-

раслям знания не применялись. Далее генеральная совокупность научных публикаций была ограничена выборкой по странам Причерноморья на основе указанных аффилиаций авторов.

Итоговая строка поиска сформирована следующим образом:

TITLE-ABS-KEY ("Black Sea") AND (LIMIT-TO (PUBYEAR, 2022) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2021) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2020) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2019) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2018) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2017) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2016) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2015) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2014) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2013) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2012) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2011) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2010) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2009) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2008) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2007) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2006) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2005) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2004) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2003) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2002) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2001) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2000)) AND (LIMIT-TO (AFFILCOUNTRY, "Turkey") OR LIMIT-TO (AFFILCOUNTRY, "Russian Federation") OR LIMIT-TO (AFFILCOUNTRY, "Ukraine") OR LIMIT-TO (AFFILCOUNTRY, "Romania") OR LIMIT-TO (AFFILCOUNTRY, "Bulgaria") OR LIMIT-TO (AFFILCOUNTRY, "Georgia"))

Второй этап включал анализ и визуализацию данных в VOSviewer. Для выявления научно-инновационных связей проведен анализ совместной подготовки научных публикаций авторами из стран макрорегиона и соседних им стран. Сеть соавторства построена с использованием фракционного счета и взвешена по количеству документов. Также использован индикатор библиографической связи, что позволило оценить, насколько часто каждая из стран использует научные достижения стран-соседей по морскому бассейну в отношении изучения Черного моря.

### **Результаты исследования**

Общее количество проиндексированных в Scopus документов, в названии, ключевых словах или абстракте которых встречалось словосочетание «Черное море», составило 19,7 тыс. единиц. Наиболее ранний документ датируется 1847 г. и посвящен описанию железных доковых ворот, построенных господами Ренни для русского правительства и воздвигнутых в Севастополе на Черном море [9]. С 2000 по 2022 г. было опубликовано 16,5 тыс. работ по данной тематике, что составило свыше 84 % от общего количества в базе. Из них 70 %, или 11,7 тыс., научных публикаций аффилировано с авторами из стран Причерноморья. Это свидетельствует о высоком внутреннем интересе к черноморским исследованиям со стороны стран морского бассейна. При этом доля в 30 %, приходящаяся на другие страны (в первую очередь США, Германию, Великобританию, Францию, Италию), свидетельствует о значимости данного макрорегиона для международной исследовательской повестки.

Рисунок 1 отражает изменение количества научных публикаций, посвященных Черному морю, по годам.

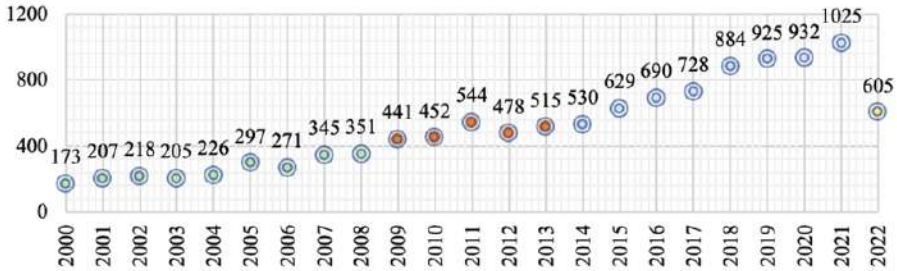


Рис. 1. Динамика научных публикаций по черноморской тематике, опубликованных авторами из стран Причерноморья в журналах их базы Scopus

Источник: составлено на основе данных Scopus.

Примечание: данные за 2022 г. неполные.

В разрезе временных периодов отметим, что 19,6% проанализированных публикаций приходится на 2000—2008 гг., 20,8% — на 2009—2013 гг., 54,3% — на 2014—2021 гг. и 5,2% — на январь — октябрь 2022 г. При этом анализ среднегодовых значений за каждый период показывает прирост общего количества публикаций в год: в 2000—2008 гг. это 255 ед., в 2009—2013 гг. — 486 ед., в 2014—2021 гг. — 793 ед. Таким образом, наблюдается активизация исследований Черного моря, что не в последнюю очередь связано с усилением геополитической напряженности вокруг этого макрорегиона. Косвенным подтверждением данному тезису является распределение публикаций по отраслям знания: в топ-5 кроме естественно-научных дисциплин вошли и социальные науки (табл.).

**Топ-5 отраслей знания по количеству публикаций по черноморской тематике, опубликованных авторами из стран Причерноморья в журналах базы Scopus, 2000—2022 гг.**

Отрасль знания	Публикации, ед.	Доля от общего количества, %
Науки о Земле	3996	34,2
Сельскохозяйственные и биологические науки	3881	33,3
Науки об окружающей среде	3134	26,9
Социальные науки	1452	12,4
Инжиниринг	1158	9,9

Источник: составлено на основе данных Scopus.

Следует отметить диспропорции вклада причерноморских стран в совокупное количество публикаций. Лидерами здесь выступают Турция (38,5%) и Россия (31,5%). На втором месте — Украина (13,6%) и Румыния (12,2%), третье место — у Болгарии (8,4%). Грузия с 2,0% публикаций уступает США, Германии, Великобритании, Франции и Италии.

Рисунок 2 отражает трансформацию научной сети соавторства стран Причерноморья и их соседей в изучении Черного моря по временным периодам.

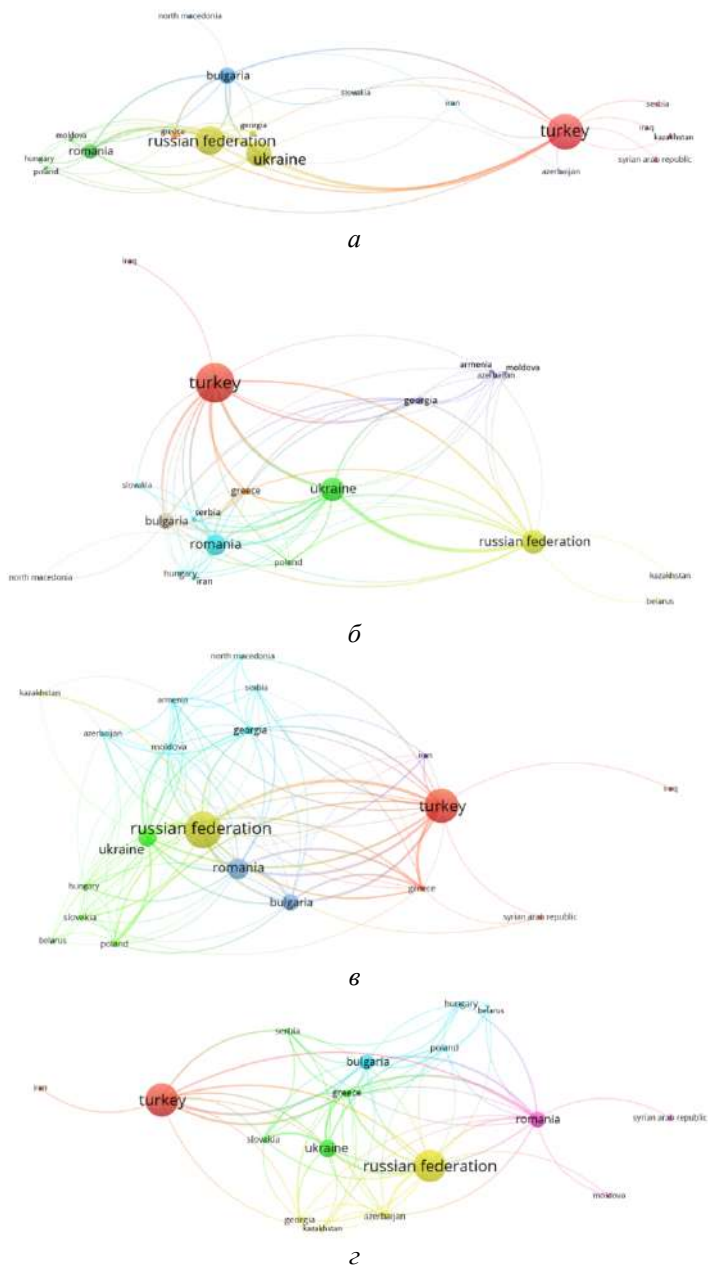


Рис. 2. Сеть научного соавторства по изучению Черного моря в аква-территориальной макросистеме Причерноморья, 2000—2022 гг.:  
 а — 2000—2008 гг. (18 стран); б — 2009—2013 гг. (19 стран);  
 в — 2014—2021 гг. (20 стран); з — 2022 г. (17 стран)

Источник: составлено на основе данных Scopus при помощи инструмента VosViewer.  
 Примечание: учтены страны Черноморского бассейна и их страны-соседи.

Основными сетеобразующими центрами на протяжении 2000—2022 гг. выступали Турция и Россия. Однако научная сеть соавторства в макрорегионе претерпела сильную реконфигурацию. Заметно изменение положения Украины. До 2008 г. страна тяготела к России и составляла с ней единый научный кластер. В 2009—2013 гг. наблюдалось ослабление российско-украинских связей по исследованию Черного моря на фоне укрепления турецко-украинских отношений и образование вокруг Украины нового научного кластера с постепенным включением авторов из Польши, а в 2014—2021 гг. — Словакии, Венгрии, Белоруссии. В 2022 г. научное сотрудничество украинских авторов сместилось в сторону таких соседних стран, как Греция, Словакия, Сербия.

Рисунок 3 отражает библиографические связи, сложившиеся между странами макрорегиона и их соседями при изучении Черного моря.

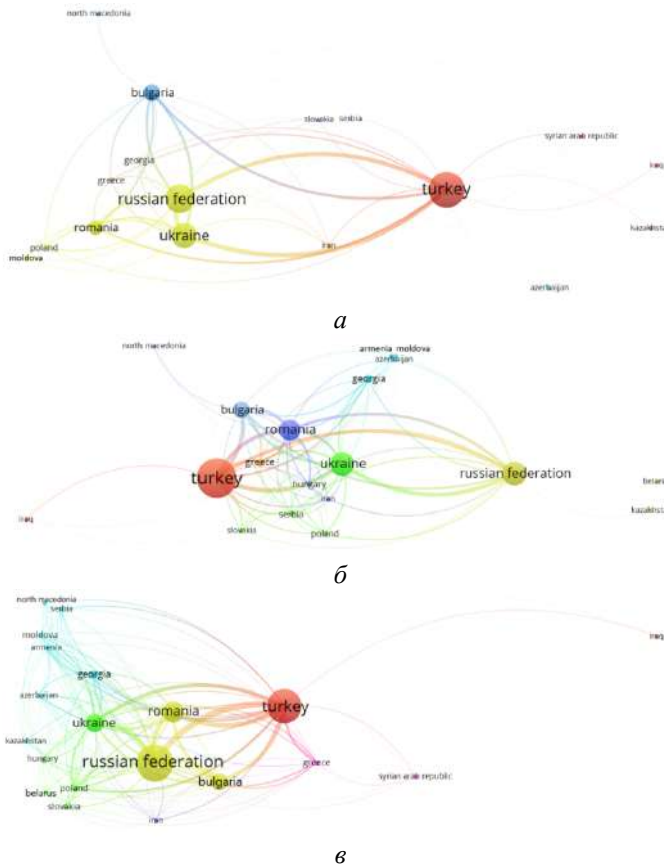
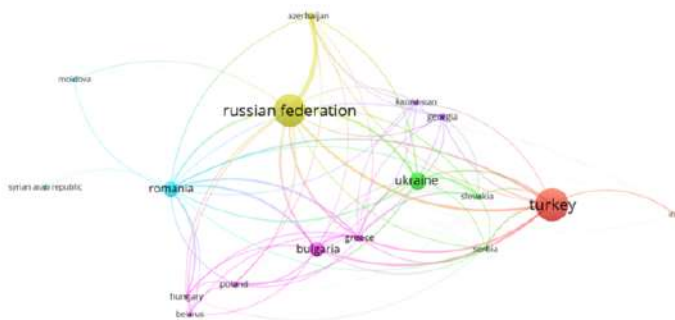


Рис. 3. Библиографические связи в изучении Черного моря в аква-территориальной макросистеме Причерноморья, 2000—2022 гг.:

а — 2000—2008 гг. (18 стран); б — 2009—2013 гг. (19 стран);

в — 2014—2021 гг. (20 стран); г — 2022 г. (17 стран)

(начало, окончание на с. 60)



2

Рис. 3. Библиографические связи в изучении Черного моря в аква-территориальной макросистеме Причерноморья, 2000—2022 гг.:  
а — 2000—2008 гг. (18 стран); б — 2009—2013 гг. (19 стран);  
в — 2014—2021 гг. (20 стран); г — 2022 г. (17 стран)  
(окончание, начало на с. 59)

*Источник:* составлено на основе данных Scopus с использованием инструмента VosViewer.

*Примечание:* учтены страны Черноморского бассейна и их страны-соседи.

До 2009 г. сложились три основных кластера базы научного знания по изучению Черного моря: российский (наиболее многочисленный), турецкий и болгарский. В 2009—2013 гг. произошло разукрупнение данных кластеров с дополнительным выделением украинского, грузинского, румынского. В 2014—2021 гг. усилилось научное влияние России, что привело к повышению тесноты связей страны с двумя другими государствами морского бассейна — Румынией и Болгарией — и вхождению их в единый кластер. Также произошло сближение российской и турецкой баз знаний, которые стали более активно опираться на одни и те же исследования.

## Выводы

Морские бассейны образуют сложные аква-территориальные макросистемы, действующие в естественных границах единой акватории и развивающиеся под влиянием «фактора моря» [10]. Расположение в рамках единого макрорегиона создает предпосылки к образованию трансакваториальных связей, в том числе в рамках сотрудничества в научно-инновационной сфере. Образование центр-периферической структуры связей в данных процессах является естественным процессом, где смена ареала влияния каждого из полюсов изменчива в условиях сложившейся геополитической и социально-экономической обстановки.

Черноморский бассейн в XXI в. выступает одним из макрорегионов с наиболее активно трансформирующейся архитектурой международных отноше-

ний. Присутствие двух полюсов роста — России и Турции, а также весомых региональных игроков — Украины, Грузии и стран — членов ЕС характеризует высокий потенциал Причерноморья, но вместе с тем обуславливает и нестабильность формирующихся связей.

В рамках данного исследования был применен метод пространственной наукометрии для изучения изменения структуры научно-инновационных связей в аква-территориальной макросистеме Причерноморья. В статье был проанализирован массив из 16,5 тыс. результатов научных исследований по тематике Черного моря, опубликованных в рецензируемых изданиях, входящих в международную реферативную базу Scopus.

По итогам проведенной оценки были получены следующие результаты: во-первых, наблюдается положительная динамика числа исследований по тематике Черного моря, в первую очередь по таким направлениям, как науки о Земле, сельскохозяйственные и биологические науки, науки об окружающей среде. Во-вторых, полюсами роста ожидаемо выступили Россия и Турция, а центрами второго порядка — Украина и Румыния. Вместе с тем вовлеченность США, Германии, Великобритании, Франции и Италии выше, чем у таких черноморских стран, как Болгария и Грузия. В-третьих, несмотря на возросшую после 2008 г. роль Турции в качестве крупного игрока трансакваториальных взаимодействий со странами Причерноморья, Россия сохранила статус лидера, а также нарастила взаимодействия с Турцией. В-четвертых, в последние годы наметилось сближение используемой научно-исследовательской базы знаний в пределах всего макрорегиона, что в будущем позволит обеспечить реализацию комплексных научно-инновационных проектов в Черном море.

*Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).*

#### **Список литературы**

1. Дружинин А. Г. Приморская зона России как общественно-географический феномен: подходы к концептуализации и делимитации // Балтийский регион. 2016. №2 (8). С. 85—100. doi: 10.5922/2074-9848-2016-2-5.
2. Дружинин А. Г., Горочная В. В., Гонтарь Н. В. и др. Трансграничные кластеры в приморских зонах Европейской части России: инвентаризация, типологизация, идентификация факторов и перспектив развития // Балтийский регион. 2017. №4 (9). С. 29—44. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-2.
3. Колосов В. А., Зотова М. В., Себенцов А. Б. Барьерная функция российских границ // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2016. №5. С. 8—20.
4. Сухина Т. С. Экологические проблемы современности и экономика: взаимодействие России и ЕС в области экологии // Проблемы современной экономики. 2016. №3 (59). С. 186—188.
5. Коротич С. А. АРФ и спор в Южно-Китайском море: испытание на прочность // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. №1 (24). С. 150—161.

6. Черная Л. В., Кулешова Л. В., Малик М. А. Геополитические процессы в Причерноморье: исторические аспекты и региональная безопасность // Причерноморье. История, политика, культура. Сер. В: Международные отношения. 2018. №25 (8). С. 16—28.

7. Кулешов А. Э., Кудря А. С. Особенности международных отношений в Причерноморье и перспективы их развития // Причерноморье. История, политика, культура. 2018. №25. С. 70—80.

8. Ирхин А. А., Москаленко О. А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991—2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2021. №3 (21). С. 498—516. doi: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516.

9. *Mr. Shears* Description of the iron dock-gates, constructed by Messrs. Rennie, for the Russian government, and erected at Sevastopol, on the Black Sea // Journal of the Franklin Institute. 1847. №4 (13). P. 278—279. doi: 10.1016/0016-0032(47)90084-7.

10. Кузнецова Т. Ю., Михайлов А. С. Приморское положение как фактор развития городов стран Балтийского региона // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2019. №4. С. 35—41.

#### ***Об авторе***

*Андрей Сергеевич Михайлов*, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: [mikhailov.andrey@yahoo.com](mailto:mikhailov.andrey@yahoo.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5155-2628>

#### ***The author***

*Dr Andrey A. Mikhaylov*, Senior Research Fellow, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

E-mail: [mikhailov.andrey@yahoo.com](mailto:mikhailov.andrey@yahoo.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5155-2628>

**А. А. Михайлова**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В РОССИИ:  
ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Аннотация. Цифровая трансформация — важнейшая задача, стоящая перед экономикой многих стран мира, в том числе России. Она предполагает качественные преобразования во всех отраслях за счет цифровизации производственных, организационных и других процессов и бизнес-моделей. Это актуально для компаний разного размера и сектора экономики. Однако между ними существуют значимые различия по уровню цифровой зрелости. Цель данного исследования — оценка места малых и средних предприятий (МСП) в цифровом пространстве России путем определения цифрового разрыва между ними и крупным бизнесом. Гипотеза исследования заключалась в том, что МСП, для которых характерна более высокая, чем для крупных предприятий, гибкость бизнес-процессов и бизнес-моделей, будут более открыты для внедрения цифровых инноваций, а следовательно, смогут выступить локомотивом для процесса цифровизации российской экономики. В ходе исследования оценивались пять основных критериев цифровизации компаний: обеспеченность информационно-коммуникационной инфраструктурой и ее качество; цифровые компетенции человеческих ресурсов; интеграция в цифровые экосистемы; широта использования цифровых технологий в коммерческих целях; обеспечение информационной безопасности. Объект исследования — предприятия с количеством работающих в списочной численности организаций до 250 человек, с выделением четырех групп: а) до 50, б) 51—100, в) 101—200 и г) 201—250. Результаты исследования показали, что, несмотря на активные темпы цифровизации, дополнительно стимулируемые пандемией коронавируса, МСП в России по-прежнему меньше вовлечены в цифровые процессы, чем крупный бизнес, особенно это заметно для компаний с численностью сотрудников до 50 человек. Наименее востребованы среди МСП такие сложные дорогостоящие цифровые технологии, как аддитивные технологии, цифровые двойники, робототехника, искусственный интеллект и др., а также меньше наблюдается внедрения технологий в сфере информационной безопасности.*

*Annotation. Digital transformation is the major objective facing the economies of many countries of the world, including being a national priority for Russia. It involves qualitative transformations in all industries through the digitalization by companies of their production, organizational and other processes and business models. This is true for companies of different sizes and sectors of the economy. However, there are significant differences between them in terms of their level of digital maturity and involvement in the digital economy. The purpose of this study is to assess the place of small and medium-sized enterprises (SMEs) in the digital space of Russia by determining the digital divide between them and big business. The hypothesis of the study was that SMEs, which are characterized*

*by a higher flexibility of business processes and business models than large ones, will be more open to the introduction of digital innovations, and, therefore, will be able to act as a locomotive for the process of digitalization of the Russian economy. In the course of the study, five main criteria for the digitalization of companies' activities were evaluated: their provision with information and communication infrastructure and its quality; digital competencies of human resources; integration into digital ecosystems; the breadth of the use of digital technologies for commercial purposes; ensuring information security. The study used data from federal statistical survey for 2020. The object of study were companies with the number of employees on the payroll of organizations up to 250 people, with the allocation of four groups: a) up to 50, b) 51–100, c) 101–200, and d) 201–250 employees. The results of the study showed that despite the active pace of digitalization, which was additionally stimulated by the coronavirus pandemic, SMEs in Russia are still less involved in digital processes than large businesses, especially notable for companies with up to 50 employees. The least demanded among SMEs are such complex expensive digital technologies as additive technologies, digital twins, robotics, artificial intelligence, etc., and there is also less implementation of technologies in the field of information security.*

**Ключевые слова:** цифровизация, цифровая экономика, цифровой разрыв, цифровая зрелость

**Keywords:** digitalization, digital economy, digital divide, digital maturity

## Введение

Цифровизация как яркий тренд современного мира затрагивает все социальные процессы, в том числе и экономику. Широкое внедрение новых цифровых технологий в организационные и производственные процессы, расширение и упрощение каналов связи, растущая доступность широкополосного Интернета и мобильных технологий для значительного числа пользователей по всему миру создали основу для трансформации устоявшихся бизнес-моделей и способов ведения бизнеса.

Пандемия COVID-19 внесла значительный вклад в этот процесс, сделав более востребованным быстрый переход в цифровой мир. Исследование в Индонезии показало высокую роль цифровых технологий для роста предпринимательских компетенций как важного фактора выживания компаний в условиях пандемического кризиса [1]. Этот вывод подтверждается результатами, полученными из Китая [2], показавшими эффективность цифровизации как инструмента антикризисного управления, в том числе за счет изменения методов управления и способов создания добавленной стоимости. В меняющейся среде компании все чаще следуют одной из двух цифровых стратегий: оцифровывают свой бизнес или становятся по-настоящему цифровыми и выходят на глобальные рынки. В то же время компании, ориентированные на интернационализацию, более активно используют информационные технологии и уделяют внимание вопросам кибербезопасности [3].

Цифровая зрелость компаний в значительной степени зависит от их размера, отрасли и местоположения. Важно изучить цифровые практики малого и среднего бизнеса (МСП) как наиболее распространенной формы организа-

ции бизнеса, в которую вовлечено значительное количество человеческих ресурсов [4]. Например, в Европейском союзе МСП обеспечивают 85% всех новых рабочих мест [5]. В России, по данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы, по состоянию на 10 января 2021 г. зарегистрировано 5,9 млн субъектов МСП, в том числе 3,6 млн индивидуальных предпринимателей и 2,3 млн компаний с общей численностью работников свыше 15 млн человек. Современные исследования показывают, что информационные технологии, цифровые навыки сотрудников и цифровая стратегия положительно связаны с цифровой трансформацией МСП, способствуя росту их производительности [6].

МСП по-прежнему отстают от крупного бизнеса. Также существует разрыв внутри МСП как по уровню организационных навыков сотрудников, так и по возможности достижения предпринимательского успеха посредством цифровой трансформации, что связано с разнообразием самих компаний, а также рыночных характеристик, макроэкономических и институциональных факторов [7].

Общим существенным препятствием цифровизации МСП является ограниченность ресурсов, цифровых компетенций и доступа к развитой инфраструктуре [8], что требует определенных усилий, в том числе от государства. Начальным этапом господдержки может быть оценка состояния компаний в отношении цифровизации и определения ключевых областей цифровых улучшений [9]. При этом, как показывает исследование шведских МСП [10], в реальности подход «сверху-вниз» к построению сценариев цифровизации должен дополняться подходом «снизу-вверх», что позволяет реализовать действительно трансформационные изменения для компании.

В связи с этим целью данного исследования стала оценка места малого и среднего бизнеса в цифровом пространстве России путем определения цифрового разрыва между ним и крупным бизнесом. Гипотеза исследования заключалась в том, что МСП, для которых характерна более высокая, чем для крупных предприятий, гибкость бизнес-процессов и бизнес-моделей, будут более открыты для внедрения цифровых инноваций, а, следовательно, смогут выступить локомотивом для процесса цифровизации российской экономики.

## Материалы и методы

Исследование сфокусировано на готовности МСП к цифровой трансформации. В соответствии с Федеральным законом России от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ к МСП относятся юридические лица с численностью работников до 250 человек, в том числе микропредприятия до 15 человек; малые — до 100 человек и средние — до 250 человек. Существует также дополнительный разграничительный критерий для отнесения к МСП — годовой доход, но в данном исследовании он не применялся.

Основным источником данных о цифровизации деятельности хозяйствующих субъектов в России стало федеральное статистическое наблюдение: форма № 3-информ «Сведения об использовании цифровых технологий и

производстве сопутствующих товаров и услуг» Росстата, 2020 г. (<https://eng.rosstat.gov.ru/about>). Документ охватывает юридические лица в разрезе большинства разделов Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД).

Для того чтобы более полно проследить цифровые траектории развития МСП и их отличия от крупного бизнеса, все МСП были разделены на группы: I — «до 50 человек»; II — «51—100»; III — «101—200»; IV — «201—250». Также выделены две группы крупных компаний: А — до 5000 человек, Б — свыше 5000 человек. Сравнительная оценка готовности крупных компаний и МСП к цифровой трансформации РФ оценивалась по пяти блокам показателей (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели оценки готовности компаний к цифровой трансформации**

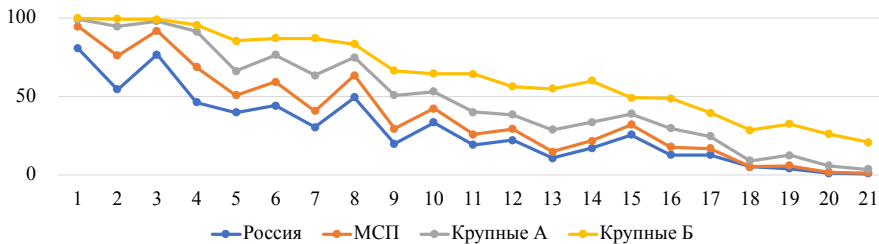
Ключевые блоки	Показатели
Инфраструктура	Доступ к фиксированному (проводному и беспроводному) и мобильному Интернету с учетом его скорости
Кадры	Доля специалистов по ИКТ в численности работников; внутренние затраты на внедрение и использование цифровых технологий на 1 работника
Цифровая экосистема	Число организаций, предоставлявших выделенные технические средства для мобильного доступа в Интернет своим работникам; использовавших предоставляемые третьей стороной операционные системы с открытым исходным кодом, глобальные информационные сети (кроме Интернета), «облачные» сервисы и автоматический обмен данными между своими и внешними информационными системами, в том числе для отправки или получения данных в органы государственной власти, местного самоуправления
Коммерческое использование	Удельный вес организаций, использовавших Интернет в коммерческих целях, в том числе по целям использования
Информационная безопасность	Удельный вес организаций, использовавших средства защиты информации, передаваемой по глобальным сетям

Поскольку статистическое наблюдение не охватывало микрокомпании и индивидуальных предпринимателей, которые также являются МСП, был использован дополнительный источник данных о цифровизации — результаты опросов о готовности российских МСП к цифровой экономике, проведенных Банком Открытие и Московской школой управления СКОЛКОВО совместно с Аналитическим центром НАФИ. В рамках этих исследований был предложен инструмент первичной оценки готовности российских МСП к цифровой трансформации — Индекс цифровизации бизнеса (BDI), состоящий из 5 элементов: каналы передачи и хранения информации, интеграция цифровых технологий, использование Интернет-инструменты, информационная безопас-

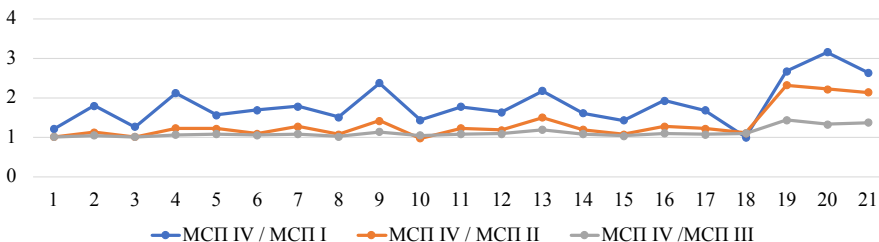
ность, человеческий капитал. Состоялось четыре раунда оценки — в апреле, октябре 2019 г., феврале 2020 г. и марте 2021 г., которые охватили разные формы МСП (микро, малые и средние компании, индивидуальные предприниматели). Для этапов 2, 3 и 4 методология BDI была расширена.

### Результаты исследования

В России в 2020 году ИКТ использовали в среднем 94,7% МСП. Среднее значение для группы МСП I составляло 82,2%, тогда как в группе МСП II доля пользователей ИКТ значительно выше — 98,6%. Для крупных компаний Б этот показатель составляет 100%. Значительный интерес представляет распределение компаний по использованию разных типов ИКТ (рис. 1).



а



б

Рис. 1. Использование ИКТ компаниями РФ, 2020 г.<sup>1</sup>:  
а — доля МСП и крупных компаний, использующих ИКТ, %;  
б — разрыв между группами МСП по использованию ИКТ, раз

*Источник:* составлено на основе данных Росстата, 2020 г. ([https://gks.ru/free\\_doc/new\\_site/business/it/ikt20/index.html](https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt20/index.html)).

<sup>1</sup> Типы ИКТ: (1) персональные компьютеры; (2) локальные вычислительные сети; (3) фиксированный Интернет; (4) серверы; (5) мобильный Интернет; (6) веб-сайт; (7) интранет; (8) электронный обмен данными; (9) предоставляемые третьей стороной с открытым исходным кодом операционные системы; (10) аккаунт в социальной сети; (11) экстранет; (12) технологии сбора, обработки и анализа больших данных; (13) технологии радиочастотной идентификации объектов (RFID); (14) цифровые платформы; (15) «облачные» сервисы; (16) геоинформационные системы; (17) интернет вещей; (18) технологии искусственного интеллекта; (19) промышленные роботы / автоматизированные линии; (20) аддитивные технологии; (21) «цифровой двойник».

Более половины МСП используют ИКТ: персональные компьютеры, фиксированный и мобильный Интернет, локальные сети, серверы, электронный обмен данными, веб-сайты. В группе крупных компаний А в дополнение к упомянутому выше ИКТ более 50% имеют внутреннюю сеть компании, учетную запись как минимум в одной социальной сети, а также применяют программное обеспечение с открытым исходным кодом. Для большинства крупных компаний группы Б также актуальны экстранет, цифровые платформы, большие данные и радиочастотная идентификация. Более продвинутые цифровые технологии, во-первых, робототехника, искусственный интеллект, аддитивные технологии и цифровой двойник, а во-вторых, облачные сервисы и Интернет вещей, ограниченно используются даже крупными компаниями.

При оценке использования типов ИКТ между МСП и крупными компаниями наибольший разрыв наблюдается с группой «Крупные Б». Например, аддитивные технологии и цифровой двойник — более 13 раз; ИИ и робототехника — 5 раз; радиочастотная идентификация, цифровые платформы и ГИС — 3 и более раз. При сравнении МСП и крупного бизнеса (группа А) разрыв значительно меньше — менее чем в два раза по большинству технологий, а использование самых современных цифровых технологий находится на низком уровне (рис. 1, а). Группы МСП также неоднородны, с большим отрывом лидирует группа IV (рис. 1, б). Примечательно, что отклонения наблюдаются только при наличии аккаунта в социальных сетях, где лидерство принадлежит МСП группы II, и при использовании технологии ИИ, где две пограничные группы МСП имеют одинаковую, более высокую долю (5,7%), — группа I и IV.

Результаты, полученные инструментом BDI, в 2021 г. по сравнению с 2020 г. (данные опроса НАФИ, охватившего 603 руководителей МСП) показали рост цифровизации МСП, вызванный пандемией. На фоне снижения доли компаний с низким уровнем BDI (менее 50 баллов из 100) увеличилась доля МСП (в том числе индивидуальных предпринимателей), внедряющих цифровые технологии сразу в нескольких сферах, развивая собственные сайты, каналы связи для взаимодействия с клиентами, системы электронного документооборота и каналы онлайн-продвижения.

Ниже представлена оценка готовности МСП к цифровой трансформации в сравнении с крупными компаниями в разрезе пяти ключевых блоков.

*Инфраструктура.* В таблице 2 показано распределение типов компаний по фиксированному и мобильному Интернету. Более 40% опрошенных компаний используют фиксированный Интернет со скоростью соединения от 10 до 30,0 Мбит/с. Диапазон скоростей мобильного Интернета более равномерен для всех типов компаний с небольшим преобладанием «256 Кбит/с — 1,9 Мбит/с» (8,9%). Следует отметить, что более крупные компании, как правило, имеют доступ к более быстрому Интернету (фиксированному и мобильному). При высоких скоростях фиксированный доступ используется ча-

ще, чем мобильный Интернет, что справедливо для всех групп компаний. В группе «Крупные Б» более половины компаний имеют скорость фиксированного Интернета выше 100,0 Мбит/с, а доля МСП по этому же показателю в 4,9 раза меньше. Среди крупных компаний наиболее распространен доступ в Интернет со скоростью 30,1—100,0 Мбит/с, что составляет 47,9% (МСП — 32,9%). В то же время на МСП приходится большая доля использования медленного Интернета. Наиболее уязвимой группой являются МСП с численностью работников до 50 человек.

Таблица 2

## Доля компаний, использующих Интернет по скорости, %

Компании	Ниже 256 Кбит/с		256 Кбит/с—1,9 Мбит/с		2—9,9 Мбит/с		10—30,0 Мбит/с		30,1—100,0 Мбит/с		Выше 100,0 Мбит/с	
	F	M	F	M	F	M	F	M	F	M	F	M
В среднем по России	3,9	4,3	10,4	8,9	9,9	7,2	18,4	8,2	23,0	6,8	11,3	4,3
МСП	3,1	4,8	9,0	10,5	9,8	9,9	23,7	11,4	32,9	8,8	13,9	5,6
Крупные А	1,4	3,6	4,5	11,9	5,0	15,4	18,7	17,4	47,9	12,8	24,3	7,8
Крупные Б	0,7	2,2	2,2	9,8	1,7	15,2	5,3	18,3	31,1	22,9	55,2	13,4

*Источник:* составлено на основе данных Росстата, 2020 г. ([https://gks.ru/free\\_doc/new\\_site/business/it/ikt20/index.html](https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt20/index.html)).

*Примечание:* F — фиксированный (проводной и беспроводной) Интернет; M — мобильный Интернет.

*Человеческие ресурсы.* Доля ИКТ-специалистов в общей численности сотрудников колеблется на уровне 3% и только при значительном увеличении размера компании (группа «Крупные Б») начинает снижаться (рис. 2, а). Растущая роль ИКТ требует, чтобы даже небольшие компании содержали в штате таких специалистов. Затраты на внедрение и использование ИКТ в расчете на одного работника сильно различаются между типами компаний. В случае МСП, чем меньше компания, тем дороже внедрение ИКТ по сравнению с ее ограниченным бюджетом. С увеличением размера МСП происходит снижение доли затрат на ИКТ в расчете на 1 работника, а также уменьшение доли данного типа предприятий в общем объеме внутренних затрат на внедрение и использование ИКТ (рис. 2, б). Обращает на себя внимание более чем двукратное превосходство группы «Крупные Б» над другими типами компаний по затратам на ИКТ в расчете на 1 работника, что связано с внедрением более дорогих и прогрессивных видов цифровых технологий (рис. 1). В то же время для МСП характерно снижение интереса к цифровому обучению сотрудников в 2019—2021 гг., что отражено в расчете BDI.

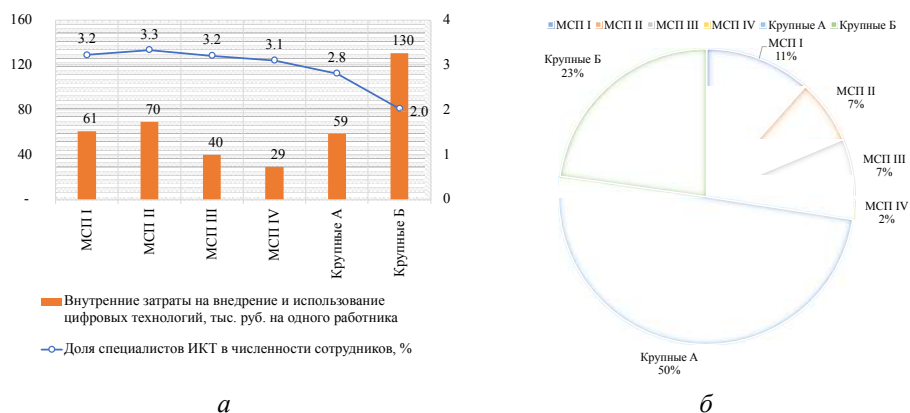


Рис. 2. Разрыв между компаниями по кадровому потенциалу и затратам на ИКТ:

а — доля специалистов по ИКТ в численности работников, %;

б — внутренние затраты организаций на внедрение и использование ИКТ

Источник: составлено на основе данных Росстата, 2020 г. ([https://gks.ru/free\\_doc/new\\_site/business/it/ikt20/index.html](https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt20/index.html)).

**Цифровая экосистема.** По мере увеличения размера компании повышается уровень ее внешней цифровой интеграции. Компании наиболее активно внедряют ИКТ, связанные с автоматическим обменом данными с внешними информационными системами, в первую очередь государственными (табл. 3). МСП I наиболее сильно отстают от других групп, прежде всего в использовании операционных систем с открытым исходным кодом и глобальных сетей информационных систем (кроме Интернета) — в 4,6 и 2,5 раза соответственно от группы «Крупные Б».

Таблица 3

### Распределение групп компаний по степени внешней цифровой интеграции

Группа	A	B	C	D	E	F
МСП I	38,5	14,2	36,0	28,4	68,0	63,8
МСП II	47,7	23,4	45,4	32,0	77,6	74,8
МСП III	53,2	30,1	52,0	32,6	79,7	77,0
МСП IV	56,8	35,5	56,9	34,2	81,3	79,0
Крупные А	62,9	46,3	66,1	36,1	81,5	78,8
Крупные Б	83,1	65,0	90,9	36,9	83,7	81,0

Примечание: А — число организаций, предоставлявших выделенные технические средства для мобильного доступа в Интернет своим работникам; В — число организаций, использовавших предоставляемые третьей стороной операционные системы с открытым исходным кодом; С — число организаций, использовавших глобальные информационные сети (кроме Интернета); D — число организаций, использовавших «облачные» сервисы; E — число организаций, использовавших автомати-

ческий обмен данными между своими и внешними информационными системами, в том числе F — для отправки или получения данных в органы государственной власти, местного самоуправления.

*Источник:* составлено на основе данных Росстата, 2020 г. ([https://gks.ru/free\\_doc/new\\_site/business/it/ikt20/index.html](https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt20/index.html)).

*Коммерческое использование Интернета.* Несмотря на то что подавляющее большинство компаний (90% и выше) всех групп используют Интернет в коммерческих целях, группа I показывает самый низкий показатель — 56,5%. Основные цели использования Интернета МСП (указали более 30% опрошенных): получение информации о необходимых товарах и поставщиках; предоставление информации об организации и ее продукции; предоставление информации о потребности в товарах и услугах; размещение заказов на продукцию и оплата поставленной продукции. Для крупных компаний коммерческое использование Интернета расширяется в первую очередь за счет получения электронных продуктов и осуществления электронных платежей потребителям, а для группы «Крупные Б» — за счет приема интернет-заказов на выпускаемую продукцию. В наименьшей степени Интернет востребован всеми группами для послепродажного обслуживания и распространения электронной продукции.

*Информационная безопасность.* Опросы НАФИ показывают, что МСП по-прежнему уязвимы для информационных угроз. Особенно это проявилось во время пандемии коронавируса, когда из-за оптимизации бюджета МСП были вынуждены сокращать расходы. В таблице 4 представлены данные об использовании средств защиты информации, передаваемой по глобальным сетям, разными типами компаний. МСП отстают по всем видам защиты информации, чаще всего с применением электронной подписи и антивирусных программ. С увеличением размера компаний растет доля использования наиболее современных средств защиты, например биометрических средств аутентификации пользователей.

Таблица 4

**Распределение групп компаний по использованию средств защиты информации, передаваемой по глобальным сетям, %**

Группа	Средств защиты информации									
	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J
МСП I	4,2	22,7	55,1	21,6	26,0	33,6	42,6	31,1	60,5	42,5
МСП II	5,8	37,3	87,3	33,2	44,1	55,3	67,2	54,3	92,5	71,6
МСП III	6,5	40,9	90,6	35,5	50,1	60,3	71,6	60,6	95,1	75,8
МСП IV	6,9	42,5	91,5	36,3	51,2	62,9	72,8	62,3	95,3	76,9
Крупные А	9,1	47,8	94,3	34,9	60,9	72,6	81,5	74,4	96,0	79,8
Крупные Б	20,9	76,3	94,4	33,0	82,1	88,5	88,9	88,3	95,0	85,9

*Примечание:* А — биометрические средства аутентификации пользователей; В — программные средства автоматизации процессов анализа и контроля защищенности компьютерных систем; С — регулярно обновляемые антивирусные программы; D —

резервное копирование данных; E — системы обнаружения вторжения в компьютер или сеть; F — спам-фильтр; G — средства строгой аутентификации; H — средства шифрования; I — средства электронной подписи; J — технические средства аутентификации пользователей.

*Источник:* составлено на основе данных Росстата, 2020 г. ([https://gks.ru/free\\_doc/new\\_site/business/it/ikt20/index.html](https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt20/index.html)).

## Вывод

Исследование посвящено готовности российских МСП к цифровизации. Анализ проводился по пяти блокам показателей. В целом МСП расширяют использование цифровых технологий даже во время пандемии. МСП внедряют менее сложные и недорогие ИКТ для повышения видимости в Интернете, оптимизации операционных процессов и улучшения связи с клиентами. С точки зрения передовых ИКТ (таких как робототехника, искусственный интеллект, аддитивные технологии и цифровой двойник) МСП значительно отстают от крупных компаний. Кибербезопасность остается узким местом для малого и среднего бизнеса, особенно для компаний со штатом до 50 сотрудников. Таким образом, гипотеза, выдвинутая в начале исследования, не может быть подтверждена.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ 21-77-00082 «Цифровая трансформация трансграничного сотрудничества регионов России как фактор национальной безопасности».*

## Список литературы

1. Zainal Abidin Z., Rahayu S.M., Pamungkas M.G.W.E.N. et al. Entrepreneurial Knowledge, Market Orientation, Digitalization, and Entrepreneurial Competencies: Evidence from SMEs in Indonesia // Journal of Economics, Finance and Accounting Studies. 2022. №4 (2). P. 91—103. <https://doi.org/10.32996/jefas.2022.4.2.8>.
2. Guo H., Yang Z., Huang R., Guo A. The digitalization and public crisis responses of small and medium enterprises: Implications from a COVID-19 survey // Frontiers of Business Research in China. 2020. №14 (1). <https://doi.org/10.1186/s11782-020-00087-1>.
3. Westerlund M. (2020). Digitalization, internationalization and scaling of online SMEs // Technology Innovation Management Review. 2020. №10 (4). P. 48—57.
4. Low M.P., Latan H., Jabbour Ch.J. Ch. Digitalization Adoption among Malaysian SMEs: The Drivers and its' Industry Based Heterogeneity // Asia Proceedings of Social Sciences. 2021. №7 (1). P. 10—13. <https://doi.org/10.31580/apss.v7i1.1727>.
5. Rivza B., Kruzmetra M., Gudele I., Foris D. Digitalization as an essential growth factor contributing in SME development (experience of Latvia and Romania) // Agronomy Research. 2019. №17 (1). P. 261—270. <https://doi.org/10.15159/AR.19.030>.
6. Eller R., Alford P., Kallmünzer A., Peters M. Antecedents, consequences, and challenges of small and medium-sized enterprise digitalization // Journal of Business Research. 2020. №112. P. 119—127. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.03.004>.
7. Osarenkhoe A., Fjellström D. The oxymoron of digitalization — its prerequisites and critical factors from a resource-based view // Journal of Information Technology Research. 2021. №14 (4). P. 1—17. <https://doi.org/10.4018/JITR.20211001.0a1>.

8. Ongori H. Role of information communication technologies adoption in SMES: Evidence from Botswana // *Research Journal of Information Technology*. 2009. № 1 (2). P. 79—85.

9. Kääriäinen J., Kuusisto O., Pussinen P. et al. Applying the positioning phase of the digital transformation model in practice for SMEs: Toward systematic development of digitalization // *International Journal of Information Systems and Project Management*. 2020. № 8 (4). P. 24—43. <https://doi.org/10.12821/ijispm080402>.

10. Heberle A., Löwe W., Gustafsson A., Vorrei Ö. Digitalization canvas — towards identifying digitalization use cases and projects // *Journal of Universal Computer Science*. 2017. № 23(11). P. 1070—1097. <https://doi.org/10.3217/jucs-023-11-1070>.

### ***Об авторе***

*Анна Алексеевна Михайлова*, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник гранта РФФИ, старший научный сотрудник Центра геополитических исследований Балтийского региона, Институт региональных и геополитических исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: [tikhonova.1989@mail.ru](mailto:tikhonova.1989@mail.ru)

ORCID: 0000-0002-6807-6074

### ***The author***

*Dr Anna A. Mikhaylova*, Senior Research Fellow, Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: [tikhonova.1989@mail.ru](mailto:tikhonova.1989@mail.ru)

ORCID: 0000-0002-6807-6074

**А. Ю. Романчук, Г. М. Баринаова, Е. В. Краснов, Д. В. Гаева**  
Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

### **ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АУДИТ КАК ИНСТРУМЕНТ ОПТИМИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ**

*Аннотация. Экологический аудит — систематизированный, документированный процесс получения, изучения и оценки экологической информации о конкретной территории путем независимой, вневедомственной проверки ее соответствия определенным критериям и разработки системы оптимизирующих мер. Впервые в Калининградской области муниципальный экологический аудит был проведен в Полесском районе, и на его основе был разработан ряд мер по утилизации отходов, улучшению состояния водных объектов, снижению количества выбросов токсикантов в атмосферу.*

*Annotation. Environmental audit is a systematized, documented process of obtaining, studying and evaluating environmental information about specific territory by independent, non-departmental verification of its compliance with certain criteria and the development of a system of optimizing measures. For the first time in the Kaliningrad region, a municipal environmental audit was carried out in the Polessky district and, on its basis, a number of measures were developed to dispose of waste, improve the condition of water bodies, and reduce the amount of toxicant emissions into the atmosphere.*

**Ключевые слова:** территориальный экологический аудит, оптимизация природопользования, Калининградская область

**Keywords:** territorial environmental audit, optimization of nature management, Kaliningrad region

Экологический аудит территории — это систематизированный, документированный процесс получения, изучения и оценки экологической информации об объекте путем независимой, вневедомственной проверки его соответствия определенным критериям и разработка системы корректирующих мер. Одним из важных инструментов эколого-экономического развития и рациональной организации территории может стать процедура экологического аудита в соответствии с ФЗ «Об аудиторской деятельности» от 7 августа 2001 г. № 119 (ред. от 30.12.2008, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2010 г.). Однако этот закон, определив понятие «аудит», обозначив принципы, так и не установил порядок его проведения.

В Калининградской области принят закон «Об основах региональной экологической политики Калининградской области» от 30 декабря 2010 г. № 533 (изм. на 29 декабря 2021 г.), в котором определены основные направления проведения экологического аудита: внедрение комплексного управления природопользованием на основе природно-ландшафтного подхода, разработка системы территориального зонирования земель по их функциональному назначению, минимизация хозяйственного освоения новых территорий и ресурсов, разработка комплексных эколого-экономических оценок территорий.

Впервые муниципальный экологический аудит в Калининградской области был проведен на территории Полесского района. В результате был разработан ряд мер по утилизации отходов, улучшению состояния водных объектов, снижению количества выбросов токсикантов в атмосферу. Предложенные меры предназначены для уменьшения негативного влияния вредных антропогенных факторов на окружающую среду, улучшения экологической ситуации и здоровья населения г. Полесска [1].

По плотности населения, интенсивности хозяйственного использования, степени урбанизации, густоте дорожной сети Калининградская область значительно превосходит многие регионы РФ. Наибольшую площадь занимают зоны сельскохозяйственного и лесохозяйственного назначения — 799,5 и 271 тыс. га соответственно (рис. 1).

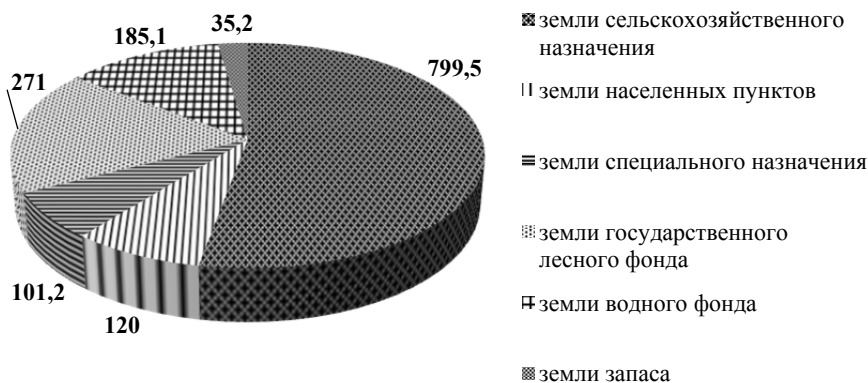


Рис. 1. Распределение земельного фонда Калининградской области по категориям в 2020 г., тыс. га

Источник: составлено авторами на основе [2].

Одна из первоочередных задач территориального аудита заключается в анализе целевого использования земель различного функционального назначения.

По данным Росприроднадзора, общий объем выбросов в атмосферный воздух наиболее распространенных загрязняющих веществ от стационарных

источников по Калининградской области в 2020 г. составил 20,8 тыс. т, было образовано 904 663 т отходов (в 2015 г. — 1 032 368,71 т) [2]. Многие химические вещества, поступающие в атмосферу, водные объекты и почву, не контролируются санитарными службами, в ряде случаев из-за синергетических, кумулятивных свойств этих токсинов нарушается устойчивость наземных и аквальных геоэкосистем, что приводит к ухудшению здоровья населения, преждевременной смертности и снижению рождаемости.

За последние десятилетия в регионе без серьезных сдвигов в состоянии здоровья населения наблюдается последовательный рост или некоторая стагнация показателей заболеваемости. При этом уровень показателей общей заболеваемости населения по сравнению с общероссийским остается более высоким. В частности, уровень заболеваемости системы органов кровообращения населения Калининградской области в 2020 г. выше на 6 % по сравнению с показателями по РФ, по новообразованиям — на 43 % [3].

В связи с этим важно своевременно выявлять факторы, способствующие ухудшению состояния здоровья населения. Одним из путей реализации концепции здоровьесбережения может быть систематическое проведение экологического аудита на территориях муниципальных образований, на особо охраняемых природных территориях и других объектах повышенного риска.

Функциональная система управления здоровьесбережением приморского региона, предложенная авторами [4], предполагает дальнейшее развитие санаторно-курортного и рекреационно-бальнеологического направлений. Особого внимания заслуживают и природно-антропогенные комплексы в прибрежной зоне.

Стратегия социально-экономического развития Калининградской области с высокой степенью ее хозяйственного освоения требует, с одной стороны, особых мер по сохранению и восстановлению наиболее ценных природных комплексов, в первую очередь ООПТ, а с другой — поиска компромиссов между природоохранными и экономическими интересами хозяйствующих субъектов.

Комплексный (системный) муниципальный аудит позволяет на научно обоснованной базе реализовать природоохранные меры в условиях функционирования промышленных, аграрных, лесохозяйственных, транспортных и других систем, установить специальные режимы для сохранения природных комплексов и меры адаптации к многочисленным современным вызовам, включая риски, вызываемые потеплением климата, эпидемическими заболеваниями и др.

В круг рассматриваемых проблем системного мониторинга должны входить качество воды и атмосферного воздуха, почв и источников их загрязнения, обращения с отходами, шумового загрязнения, характеристики охраняемых природных и озелененных территорий. Проведение в каждом регионе муниципального экологического аудита позволит создать хорошую базу для дальнейшего развития новых форм и способов управления не только природоохранной деятельностью, но и экологизацией производств.

В настоящее время достаточное развитие получил экологический аудит лишь отдельных муниципальных образований и особо охраняемых природных территорий [5], городских округов [6; 7]. Несомненно, более важно применение инструментов экологического аудита и экологического менеджмента на всех землях туристско-рекреационного освоения.

Распространение территориального экологического аудита потребует разработки более обоснованных критериев оценки природных особенностей, состояния и перспектив социально-экономического развития. В этом отношении задачи экологического аудита совпадают с целями ландшафтного планирования: согласно критериям устанавливаются основные ландшафтные функциональные зоны, соответствующие им приоритеты экологически ориентированного освоения территории с оценкой совместимости между собой различных видов деятельности [8; 9].

### Список литературы

1. Краснов Е. В., Романчук А. Ю., Резуко Н. Н. Муниципальный экоаудит как новое направление природоохранной деятельности // Проблемы управления социально-экономическими процессами регионов : матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф. 20 марта 2012 г., Калининград. Калининград : Изд-во АНО ВПО «КИУ», 2012. С. 123—128.
2. Государственный доклад об экологической обстановке в Калининградской области в 2020 году. URL: <http://www.ecatk.ru/gosudarstvennoe-zadanie/doklad-ob-ekologicheskoy-obstanovke-v-kaliningrade/> (дата обращения: 13.07.2022).
3. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Калининградской области в 2020 году». URL: <http://39.gospotrebнадзор.ru/334> (дата обращения: 13.07.2022).
4. Баринаова Г. М., Краснов Е. В., Ушакова Л. О. и др. Геоэкологические предпосылки здоровьесбережения в системе рекреационного освоения приморских регионов // Балтийский регион — регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений : матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2020. С. 227—236.
5. Михеева Н. С., Батоева Н. Б. Особенности организации экологического аудита в центральной экологической зоне Байкальской природной территории // Современные проблемы управления проектами в инвестиционно-строительной сфере и природопользовании. М. : Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2019. С. 334—339.
6. Петрова В. Л., Камерилова Г. С., Арефьева С. В. Экологический аудит территории как эффективный инструмент экополитики в области устойчивого развития города // Приволжский научный журнал. 2014. № 3 (31). С. 171—177.
7. Крючков А. Н. Муниципальный экологический аудит как инструмент обеспечения экологических прав и интересов граждан городского округа Тольятти // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2018. Т. 27, № 1.
8. Баринаова Г. М., Клименко Н. А. Роль ландшафтного планирования в системе управления устойчивым развитием приморского региона // Вестник Российского государственного ун-та им. И. Канта. Вып. 1. Сер. Естественные науки. 2006. С. 52—61.

9. Дедков В.П., Федоров Г.М. Пространственное, территориальное и ландшафтное планирование в Калининградской области / под общ. ред. В.П. Дедкова. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006.

### ***Об авторах***

*Анна Юрьевна Романчук*, кандидат биологических наук, доцент, доцент ОНК «Институт медицины и наук о жизни (МЕДБИО)», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: annaroman@mail.ru

*Галина Михайловна Баринова*, кандидат географических наук, доцент, профессор-консультант ОНК «Институт медицины и наук о жизни (МЕДБИО)», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: barinova-gm@mail.ru

*Евгений Васильевич Краснов*, доктор геолого-минералогических наук, профессор, профессор-консультант ОНК «Институт медицины и наук о жизни (МЕДБИО)», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ecogeography@rambler.ru

*Дара Владимировна Гаева*, кандидат географических наук, главный специалист Центра научно-технической информации Управления научно-исследовательских работ, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: DGaeva@kantiana.ru

### ***The authors***

*Dr Anna Yu. Romanchuk*, Associate Professor, Institute of Medicine and Life Sciences (MEDBIO), Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: annaroman@mail.ru

*Dr Galina M. Barinova*, Associate Professor, Consultant Professor Institute of Medicine and Life Sciences (MEDBIO), Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: barinova-gm@mail.ru

*Prof Evgeniy V. Krasnov*, Professor-Consultant, Institute of Medicine and Life Sciences (MEDBIO), Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ecogeography@rambler.ru

*Dr Dara V. Gaeva*, Chief Specialist of the Center for Scientific and Technical Information of the Department of Scientific Research, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: DGaeva@kantiana.ru

**Н. С. Румянцева, А. В. Коновалова**

*Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия)*

## **ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ**

*Аннотация. Описывается современное состояние торгово-экономического сотрудничества Российской Федерации и Республики Беларусь. Рассматривается динамика двусторонней торговли, положительные и отрицательные аспекты, влияющие на развитие партнерских отношений между странами. Также формулируются перспективы и тенденции интеграционной экономической политики России и Белоруссии в современных геоэкономических и геополитических условиях.*

*Annotation. The article describes the current state of trade and economic cooperation between the Russian Federation and the Republic of Belarus. The dynamics of bilateral trade, positive and negative aspects affecting the development of partnership relations between countries are considered. The prospects and trends of the integration economic policy of Russia and Belarus in modern geo-economic and geopolitical conditions are also formulated.*

**Ключевые слова:** торгово-экономические отношения, товарооборот, сотрудничество, внешнеэкономическая деятельность, Россия, Белоруссия, Союзное государство

**Keywords:** trade and economic relations, trade turnover, cooperation, foreign economic activity, Russia, Belarus, the Union State

В настоящее время процесс активного развития торгово-экономических отношений России со странами Содружества Независимых Государств (СНГ) играет немаловажную роль в глобализирующемся мире. Для стран постсоветского пространства налаживание перспективных торгово-экономических отношений остается основополагающим источником взаимодействия на международном рынке.

Особенно интересны отношения России и Белоруссии, которые образуют надгосударственное образование — Союзное государство. В зону ответственности Союзного государства входят внешняя политика, оборона и безопасность, бюджетная, денежно-кредитная и налоговая системы, таможенные вопросы, системы энергетики, транспорта и связи, культурные и гуманитарные вопросы. Каждое государство сохраняет суверенитет, независимость, территориальную целостность, государственное устройство, Конституцию, государственный флаг, герб [1].

Республика Беларусь в современных реалиях — один из главных партнеров России, в том числе в торгово-экономических отношениях. Развивающийся процесс интеграции между Россией и Белоруссией является основополагающим условием для достижения высокого совокупного потенциала двух стран и их лидирующих позиций в мировой экономике [2].

Такое понятие, как «естественный торговый партнер», объясняет наличие между Россией и Белоруссией стабильных торгово-экономических связей, обусловленных географическим положением, отсутствием ограничивающих факторов в виде языкового и культурного барьеров, одинаковым пониманием функционирования рынка и другими объединяющими факторами. Грамотное и интенсивное развитие интеграционных процессов в экономической сфере привело к кратному увеличению объемов взаимной торговли за последние 20 лет более чем в 3 раза.

Белоруссия входит в пятерку основных торговых партнеров России и занимает лидирующую позицию среди стран СНГ, о чем свидетельствуют развивающиеся торгово-экономические отношения на международном рынке. Если обратиться к семилетней динамике двухсторонней торговли товарами, представленной в таблице, то заметен стабильный рост товарооборота между двумя странами с 2015 по 2019 г., наблюдаемый спад экспорта и импорта в 2020 г. объясняется нестабильной экономической обстановкой в мире.

#### Динамика двусторонней торговли товарами, млн долл.

Год	Товарооборот, млн долл.	Экспорт, млн долл.	Импорт, млн долл.	Сальдо, млн долл.
2015	27 541,6	10 398,4	17 143,2	–6744,8
2016	26 254,8	10 948,0	15 306,8	–4358,8
2017	32 424,6	12 830,3	19 594,3	–6764,0
2018	35 605,9	12 986,5	22 619,4	–9632,9
2019	35 702,2	13 685,8	22 016,4	–8330,6
2020	29 667,3	13 156,8	16 510,5	–3353,7
2021	38 426,8	22 801,9	15 624,9	–7177,0

Источник: [https://russia.mfa.gov.by/ru/bilateral\\_relations/trade/](https://russia.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade/)

Взаимный товарооборот России и Белоруссии в 2021 г. вырос по сравнению с 2020 г. на 33,7%, что составило 38,4 млрд долл. Экспорт продукции российской промышленности увеличился за последний год на 42,7%, также объем поставки товаров из Белоруссии вырос почти на 24%. Доля России во внешнеторговом обороте Белоруссии по итогам 2021 г. составила 49%, в том числе — 41,1% экспорта (в 2020 г. — 45,1%) и 56,6% импорта (в 2020 г. — 50,4%).

Как видно из таблицы, в 2021 г. экспорт белорусских товаров на российский рынок составил 15,624 млрд долл. Экспорт товаров из России в 2021 г. —

22,801 млрд долл., увеличившись по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 32,7%. Сальдо взаимной торговли товарами в 2021 г. для Белоруссии оказалось отрицательным и составило 7,177 млрд долл.

Основные статьи российского экспорта в Белоруссию — топливно-энергетические товары (43%), машины и оборудование (14%), металлы и изделия из них (15%), продукция химической промышленности (14%). В белорусском импорте преобладают продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (31%), машины и оборудование (33%), продукция химической промышленности (13%), текстильные изделия и обувь (7%), металлы и изделия из них (9%) [3].

В российско-белорусском сотрудничестве в экономической сфере можно выделить как положительные, так и отрицательные тенденции. Безусловно, заметно влияние экономической и политической ситуаций в обеих странах, обстановка во внешней экономике, геополитическая ситуация в мире и другие как внутренние, так и внешние факторы, под воздействием которых развитие взаимодействия двух стран в различных сферах было в последние годы относительно стабильным, но подверженным незначительным колебаниям.

Развитие положительных тенденций в торгово-экономическом партнерстве между Россией и Белоруссией еще требует взаимных действий. Прогнозы сейчас возможны лишь с поправкой на имеющиеся экономические и политические риски в современном мире, а также на ожидания по замедлению темпов роста торговли на международном рынке.

Сегодня отношения между Россией и Белоруссией в экономической сфере характеризуется интенсивным увеличением объемов двухстороннего товарооборота. Что касается сотрудничества регионов России и Белоруссии, можно выделить особенность региональной структуры торговли: со стороны Белоруссии во внешней торговле участвуют все регионы, а со стороны России — значительное количество регионов, но на долю четырех (Москва, Санкт-Петербург, Тюменская и Смоленская области) приходится основная часть экспорта и импорта [4].

Лимитирующими факторами российско-белорусского торгово-экономического партнерства являются технические неувязки и проблемы, связанные с совершенствованием структуры внешней торговли, например с приведением к единообразной системе ставок таможенных пошлин. Сегодня в области торгово-экономической деятельности Белоруссии одной из главных проблем увеличения белорусского экспорта стало повышение конкурентоспособности производимой в республике продукции за счет улучшения ее качества, что напрямую связано с модернизацией производства и внедрением новых высокоэффективных технологий, так как более половины предприятий до сих пор работают на устаревшем оборудовании.

На сегодняшний день Республика Беларусь — один из главных торгово-экономических партнеров Российской Федерации, длительное сотрудничество в экономической сфере динамично развивается, исходя из этого можно выделить следующие задачи дальнейшего сотрудничества:

— продолжение двусторонней работы по созданию необходимых условий для интенсификации взаимного товарооборота;

— продолжение двусторонней работы по выработке согласованной позиции в вопросах снятия всех возможных препятствий и ограничений во взаимной торговле и дальнейшая реализация взаимовыгодных совместных программ в рамках Союзного государства;

— оптимизация товарной структуры взаимной торговли;

— использования преимуществ транспортных коридоров;

— приведение к единообразной форме перечня ставок ввозных и вывозных таможенных пошлин национальных таможенных тарифов;

— содействие оптимизации импорта сторон, в первую очередь импорта из третьих стран;

— организация ежегодных форумов для обсуждения и демонстрации достижений и продукции Союзного государства.

— создание Торгово-промышленной палаты для выдачи сертификатов происхождения товаров Союзного государства

— создание условий для реализации плана совместных действий по введению единой денежной единицы;

— развитие взаимодействия в области статистики, создание единой статистической службы Союзного государства;

— установление эффективного таможенного контроля на внешних границах Белоруссии, позволяющего укрепить экономическую безопасность России [5].

Регулирование внешнеэкономической деятельности будет осуществляться в условиях продолжения курса на либерализацию внешней торговли при соблюдении экономических интересов Белоруссии и России на основе улучшения методов защиты внутреннего рынка при сохранении адекватной конкурентной среды и применения протекционистских мер в рамках общепринятых в мировой практике процедур.

Одним из основных направлений двустороннего торгово-экономического партнерства является производственная кооперация, которая продолжит обеспечивать прочные связи российских и белорусских предприятий, осуществляющих прежде всего взаимные поставки сырья и материалов.

Сегодня можно говорить о том, что в рамках Союзного государства экономики двух стран развиваются параллельно, они взаимозависимы и дополняют друг друга, при том что Россия остается экономическим лидером. Для дальнейшего наращивания взаимного развития лидеры России и Белоруссии планируют активизировать взаимодействие деловых кругов обеих стран, привлекать прогрессивную молодежь к разработке совместных проектов, уделяя значительное внимание межрегиональному сотрудничеству.

В развитие этой идеи между Россией и Белоруссией состоялось подписание соглашения о создании Российско-белорусского и Белорусско-российского деловых советов. В состав деловых советов входят 27 белорусских бизнесменов и 44 представителя российских деловых кругов. Деловые советы должны решать сложные вопросы: снятие ограничений и обеспечение равных условий ведения бизнеса; взаимодействие в рамках политики импортозаме-

щения и др. Планируется привлечение малого и среднего бизнеса, содействие которому является приоритетом социально-экономического развития двух стран. Среди наиболее перспективных направлений сотрудничества — проекты в области станкостроения, деревообработки, химии и нефтехимии [6].

Таким образом, проведенный анализ показателей торгово-экономического партнерства между Россией и Белоруссией свидетельствует о динамично развивающихся двусторонних связях при неизменной товарной структуре, требующей оптимизации. Данное суждение дает основание говорить о сохранении основных тенденций в развитии торгово-экономического партнерства между двумя странами на долгосрочную перспективу.

### **Список литературы**

1. *Меньших А. Ю., Шестернин В. В., Коновалова А. В.* Союз России и Республики Беларусь как модель реинтеграции постсоветского пространства: проблемы и перспективы // Гужинские чтения: наследие и современность : матер. I Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар : КубГУ, 2021. С. 117—121.

2. *Торгово-экономическое* сотрудничество России и Беларуси. URL: <https://belarus.mid.ru/ru/> (дата обращения: 22.08.2022).

3. *Об итогах* внешней торговли Беларуси с Россией в 2021 году. URL: [https://russia.mfa.gov.by/ru/bilateral\\_relations/](https://russia.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/) (дата обращения: 22.08.2022).

4. *Перспективы* экономического сотрудничества Беларуси и России. URL: [https://www.postkomsg.com/news/politika\\_ekonomika/](https://www.postkomsg.com/news/politika_ekonomika/) (дата обращения: 23.08.2022).

5. *Молева С. В.* Развитие торгово-экономического сотрудничества Беларуси и России — важная составляющая успешного функционирования Союзного государства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. № 6. С. 60—66.

6. *Белорусский* и российский деловые советы подписали соглашение о сотрудничестве. URL: <https://www.postkomsg.com/news/> (дата обращения: 23.08.2022).

### **Об авторах**

*Нина Сергеевна Румянцева*, студент, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

E-mail: [ninarum14@mail.ru](mailto:ninarum14@mail.ru)

*Анна Витальевна Коновалова*, старший преподаватель, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

E-mail: [konovalovann18@mail.ru](mailto:konovalovann18@mail.ru)

ORCID: 0000-0002-3443-1728

### **The authors**

*Nina S. Rumyantseva*, student, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

E-mail: [ninarum14@mail.ru](mailto:ninarum14@mail.ru)

*Anna V. Konovalova*, Senior lecturer, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

E-mail: [konovalovann18@mail.ru](mailto:konovalovann18@mail.ru)

ORCID: 0000-0002-3443-1728

УДК 911.3:314 (476)

**Е. А. Антипова, А. Н. Титов**

*Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь)*

### ГЕОГРАФИЯ И ХАРАКТЕР МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2019 ГОДА)

*Аннотация. Проанализированы масштабы и характер миграции населения Белоруссии по данным переписи населения 2019 г. Выявлены различия в миграционном движении между городским и сельским населением, регионами и приграничными районами Белоруссии. Установлены географические особенности внешней миграции.*

*Annotation. The scale and the nature of the migration of the population of Belarus are analyzed in the article according to the 2019 census. Differences in the migration movement between the urban and rural population, regions and border areas of Belarus are revealed. The geographical features of external migration are established.*

**Ключевые слова:** миграционный оборот, характер миграции, интенсивность миграции, приграничные районы, устойчивость трендов

**Keywords:** migration turnover, nature of migration, intensity of migration, border areas, sustainability of trends

Более 30 лет с приобретением независимости Республика Беларусь является полноправным участником миграционного пространства мирохозяйственной системы, где наиболее активной частью выступает трудоспособное население. За период социально-экономического развития Белоруссии в новых экономических условиях произошли существенные пространственно-временные сдвиги как во внутренней, так и во внешней миграции. После проведения переписи населения в 2019 г. появилась возможность получить новые результаты о масштабах, характере и структуре миграции в стране. В этот же период стали происходить существенные сдвиги в миграции в приграничных регионах Белоруссии на всех ее участках. В связи с этим экономико-географический анализ направлений и масштабов эмиграции и иммиграции, структуры мигрантов приобретает повышенный интерес со стороны научного сообщества.

Территория Белоруссии исторически отличалась высокой миграционной подвижностью населения, которое осуществляло как добровольные, так и принудительные перемещения во всех видах и формах и испытало как отрицательные, так и положительные последствия этого процесса.

Целью данного исследования было выявление особенностей масштабов и структуры миграции населения по переписи населения Республики Беларусь 2019 г. в разрезе страны, административных областей в целом и приграничных районов в частности для установления сходств и различий. Информационной базой послужили статистические данные второго тома переписи населения Республики Беларусь [1].

Анализ результатов переписи 2019 г. показал ключевые миграционные тенденции в Республике Беларусь. В целом следует констатировать, что главные характеристики миграционного движения населения Белоруссии в исследуемые годы показали свою устойчивость по сравнению с предыдущими двадцатью годами истории, за исключением единичных новых признаков [2; 3].

Во-первых, миграционный оборот, по данным за 2019 г., составил 536 610 человек, что свидетельствует о невысокой миграционной подвижности населения (табл. 1). При этом отчетливо выделяются два региона с наиболее высокими показателями: пристоличный регион — Минская область и г. Минск, которые в совокупности обеспечивают 38% миграционного оборота страны, и Могилевская область, население которой, как показывают результаты переписи, наименее миграционно активно. В относительном выражении практически с двукратным разрывом лидирует столица, где на 1000 жителей интенсивность миграционного оборота составляет 113 человек. Наименьшей интенсивностью характеризуется Могилевская область.

Во-вторых, в Республике Беларусь сохраняется положительное сальдо миграции, однако интенсивность миграции низкая — 1,4 человека. Регионы Белоруссии по характеру миграции поляризованы, и среди них выделяются три группы — с положительным, отрицательным сальдо и примерно паритетным балансом между прибытием и выбытием. Относительно высокая интенсивность миграции с положительным сальдо отмечается в г. Минске (9,0‰) и Минской области (4,8‰). Гродненская, Брестская и Могилевская области выделяются примерно равнозначными объемами прибытия и выбытия. Но в Гродненской области их значения практически равны и чистая миграция составляет +0,1‰. При этом в Брестской и Могилевской областях наблюдаются незначительная интенсивность, но с отрицательным знаком (табл. 1). Третью группу по характеру миграции образуют Витебская и Гомельская области с отрицательным сальдо.

В-третьих, в Республике Беларусь сохраняется тенденция преобладания в структуре по территориальной признаку внутренней миграции над внешней в соотношении 92% : 8% (табл. 2).

### Миграционное движение населения Республики Беларусь, 2019 г.

Регион	Прибытие населения		Выбытие населения		Сальдо миграции		Миграционный оборот	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Брестская область	38 389	28,5	39 007	28,9	-618	-0,5	77 396	57,4
Витебская область	32 138	28,4	33 721	29,8	-1583	-1,4	65 859	58,1
Гомельская область	35 878	25,9	37 730	27,2	-1852	-1,3	73 608	53,1
Гродненская область	31 000	30,2	30 940	30,2	60	0,1	61 940	60,4
Минская область	50 079	24,8	40 462	20,0	9617	4,8	90 541	44,8
Могилёвская область	25 194	17,1	26 205	17,8	-1011	-0,7	51 399	34,9
Минск	62 562	61,1	53 305	52,1	9257	9,0	115 867	113,2
Республика Беларусь	275 240	30,9	261 370	29,4	13 870	1,4	536 610	60

*Источник:* эта и последующие таблицы составлены и рассчитаны авторами на основе данных: *Миграция населения в Республике Беларусь за 2019 год* : статистический бюллетень // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2020.

### Международная миграция населения Республики Беларусь, 2019 г., чел.

Регион	Прибытие населения		Выбытие населения		Сальдо миграции		Миграционный оборот	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Брестская область	2256	892	1927	526	329	366	4183	1418
Витебская область	2872	548	2313	420	559	128	5185	968
Гомельская область	2549	740	2465	405	84	335	5014	1145
Гродненская область	2620	528	1908	361	712	167	4528	889
Минская область	1510	2280	890	942	620	1338	2400	3222
Могилёвская область	2071	403	1706	310	365	93	3777	713
Минск	15 577	—	6803	—	8774	—	22 380	—
Республика Беларусь	29 455	5391	18 012	2964	11 443	2427	47 467	8355

Наиболее привлекательным для международных мигрантов выступает г. Минск, куда за 2019 г. приехало около 16 тыс. чел. В структуре международных прибытий миграции наблюдается преобладание миграции населения из стран СНГ над странами вне СНГ в соотношении 64 к 36%. Около 50% составляет в прибытиях из стран СНГ население России, второе место в 2019 г. занимали Украина и Туркменистан. Выезжало население из страны также преимущественно в Россию — 62% от всей миграции стран СНГ. В географической структуре прибытий из стран вне СНГ с большим отрывом находится Китай (около 38%). В топ-стран по выезду из Белоруссии за пределы СНГ входят Польша, Китай, Германия и Израиль (табл. 3).

Таблица 3

**Внешняя миграция Республики Беларусь по странам, 2019 г., чел.**

Страна	Прибытие населения	Выбытие населения	Сальдо миграции	Миграционный оборот
Страны СНГ	22 533	12 941	9 592	35 474
В том числе:				
Казахстан	1 392	305	1 087	1 697
Россия	10 440	8 148	2 292	18 588
Туркменистан	3 663	1 651	2 012	5 314
Узбекистан	1 095	244	851	1 339
Украина	4 065	1 890	2 175	5 955
Страны вне СНГ	12 313	8 035	4 278	20 348
В том числе:				
Германия	446	838	-392	1 284
Грузия	487	202	285	689
Израиль	342	790	-448	1 132
Китай	4 669	1 131	3 538	5 800
Латвия	250	131	119	381
Литва	418	435	-17	853
Польша	348	1 751	-1 403	2 099
США	573	295	278	868
Турция	499	146	353	645
<i>Всего</i>	34 846	20 976	13 870	55 822

В-четвертых, характер миграции между городским и сельским населением имеет принципиальное отличие. Перепись населения показала устойчивость тенденции положительного сальдо миграции в городах страны (см. табл. 4, с. 89). По данным за 2019 г. в городах Республики Беларусь оно составило +9913 человек. Наиболее привлекательными для мигрантов являются города Брестской и Гомельской областей, а также столица — г. Минск.

В сельской местности всех областей, за исключением Минской, наблюдается отрицательное сальдо миграции. Данная тенденция свидетельствует о процессах субурбанизации, активно протекающих в пристоличном регионе.

Особый интерес вызывают процессы миграции в приграничных областях. В нашем исследовании мы провели сравнение объемов и характера миграции по четырем участкам границ с белорусской стороны — со странами Балтии, Польшей, Россией и Украиной (табл. 5). Анализ показал, что для приграничных районов в среднем характерно положительное сальдо миграции, однако оно ниже, чем в среднем по стране, — 0,16%. При этом положительное сальдо наблюдается только на границе с Польшей, на всех остальных участках объемы выбытия преобладают над объемами прибытия.

Микрогеографический уровень анализа (уровень приграничных административных районов) показал дифференциацию и поляризацию характера миграции (рис.).



Рис. Характер миграции населения в приграничных районах Республики Беларусь, 2019 г., %

Источник: составлено Е. А. Антиповой, А. В. Дыдышко на основе данных: Миграция населения в Республике Беларусь за 2019 год : статистический бюллетень // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2020.

Таблица 4

## Внутриреспубликанская миграция населения Республики Беларусь, 2019 г., чел.

Регион	Прибытие населения		Выбытие населения		Сальдо миграции		Миграционный оборот	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Брестская область	24 611	10 630	22 291	14 263	2 320	-3 633	46 902	24 893
Витебская область	20 987	7 731	20 783	10 205	204	-2 474	41 770	17 936
Гомельская область	23 765	8 824	23 172	11 688	593	-2 864	46 937	20 512
Гродненская область	20 507	7 345	18 503	10 168	2 004	-2 823	39 010	17 513
Минская область	20 538	4 617	18 654	19 976	1 884	5 775	39 192	24 593
Могилёвская область	18 103	25 751	15 678	8 511	2 425	-3 894	33 781	34 262
Минск	46 985	—	46 502	—	483	—	93 487	—
Республика Беларусь	175 496	64 898	16 583	74 811	9 913	-9 913	341 079	139 709

Таблица 5

## Миграция населения в приграничных районах Республики Беларусь, 2019 г.

Приграничье	Число районов, ед.*	Прибытие населения		Выбытие населения		Сальдо миграции		Миграционный оборот	
		Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
С Россией	16	24 828	27,88	25 961	29,15	-1 133	-1,27	50 789	57,03
С Украиной	13	29 001	26,35	30 530	27,74	-1 529	-1,39	59 531	54,09
С Польшей	6	24 139	26,82	20 669	22,96	3 470	3,86	44 808	49,78
Со странами Балтии	9	8 816	36,83	8 947	37,37	-131	-0,54	17 763	74,2
<i>Всего</i>	44	86 784	29,5	86 107	29,3	677	0,16	172 891	58,8

*Примечание:* \* Если административный район граничит одновременно с двумя государствами, он включен в группу районов того приграничья, с которым имеет более протяженную границу.

Дифференциация проявляется в чрезвычайных различиях между районами по показателю интенсивности миграции — от –18,41% в Свислочском районе Гродненской области до 26,4% — в Островецком. Поляризация характеризуется выделением среди приграничных районов двух типов по характеру — с положительным и отрицательным сальдо. Преобладают районы второго типа. Первый тип представлен преимущественно районами, находящимися в зоне влияния региональных центров.

В целом для Республики Беларусь для периода 1999—2019 гг. характерны устойчивые тенденции в миграции населения — невысокая интенсивность при положительном сальдо миграции населения и преобладании в структуре внутренней миграции над внешней; положительное сальдо миграции — в городах и отрицательное — в сельской местности; сохранение миграционного притяжения столицы и преобладание объемов выбытия над прибытием в приграничных районах на всех участках границ.

### *Список литературы*

1. *Миграция населения в Республике Беларусь за 2019 год* : статистический бюллетень // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2020.

2. *Антипова Е. А.* Миграция населения белорусско-российского приграничного региона // Миграционные мосты в Евразии : сб. докл. и матер. участников II междунар. науч.-практ. конф. «Регулируемая миграция — реальный путь сотрудничества между Россией и Вьетнамом в XXI веке» и IV междунар. науч.-практ. конф. «Миграционный мост между Россией и странами Центральной Азии: актуальные вопросы социально-экономического развития и безопасности» (Москва, 6—7 ноября 2012 г.) / под ред. чл.-корр. РАН С. В. Рязанцева. М. : Экон-информ, 2012. С. 223—228.

3. *Антипова Е. А.* Демографический баланс белорусско-российского приграничного региона // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации : матер. науч.-практ. конф. (Курск, 15—17 мая 2015 г.). / редколл.: Л. И. Попкова (отв. ред.), И. Е. Требушкова, С. Г. Казаков ; Курск. гос. ун-т. Курск, 2015. С. 137—145.

### *Об авторах*

*Екатерина Анатольевна Антипова*, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры экономической и социальной географии, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: antipovaekaterina@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7862-5500

*Антон Николаевич Титов*, старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: ANTitov@tut.by

ORCID: 0000-0001-9436-8604

*The authors*

*Prof Ekaterina A. Antipova*, Professor of Economic and Social Geography Department, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: antipovaekaterina@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7862-5500

*Anton N. Tsitou*, Senior Lecturer, Economic and Social Geography Department, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: ANTitov@tut.by

ORCID: 0000-0001-9436-8604

**В. А. Денисенко**

*Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия)*

**АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ И СЕВЕРО-ВОСТОК КИТАЯ:  
СФЕРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА**

*Аннотация. Рассматриваются особенности экономического взаимодействия Амурской области и Северо-Востока Китая. Основное внимание уделяется сотрудничеству в сфере энергетики и сельского хозяйства. Подчеркивается значимость сохранения и развития сложившихся направлений внешнеэкономического взаимодействия с КНР для устойчивости региональных экономик Дальнего Востока России.*

*Annotation. Special aspects of the economic cooperation of the Amur region and the North-East of China have been examined in the article. A major attention has been devoted to the partnership in the energetics and agriculture sectors. Significance of maintaining and developing of the current line of foreign economic cooperation with China for the sustainability of the regional economies of the Russian Far East has been emphasized.*

**Ключевые слова:** Амурская область, российско-китайское сотрудничество, российско-китайские отношения, российско-китайский внешнеторговый оборот, Дальний Восток России

**Keywords:** Amur region, Russian — Chinese cooperation, Sino-Russian relations, Russian — Chinese foreign trade turnover, Russian Far East

Амурская область известна прежде всего тем, что на ее территории расположен космодром «Восточный». Но не менее показателен этот регион в связи с его ролью в российско-китайском сотрудничестве. Причем взаимодействие двух стран проявляется в этом субъекте Дальневосточного федерального округа (ДФО) достаточно широко: от строительства инфраструктурных объектов в рамках сопряжения ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь», совместных инвестиционных проектов в фармацевтике до туризма и экспорта сельскохозяйственной продукции. Очевидно, что подобный статус региона во многом определяется географическим фактором, но также большое значение имеет специфика региональной экономики Амурской области.

Политическая воля федерального центра, провозгласившего в 2010-х гг. «поворот на Восток», в определенной мере повлияла на укрепление позиций региона в территориальной конкуренции. Текущая геополитическая напряженность еще более усилила значение Амурской области как приграничного

региона. Так, ярким примером развития двусторонней кооперации РФ и КНР стало открытие в июне 2022 г. международного автомобильного моста через реку Амур, связавшего российский Благовещенск и китайский Хэйхэ. Трансграничный мост, несомненно, будет способствовать еще большему оживлению грузовых, а в дальнейшем и пассажирских потоков между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян КНР. И если пандемия негативно повлияла на туристические и культурные связи между двумя приграничными регионами и для того, чтобы выйти на уровень 2019 г. потребуется некоторое время, то экономическое взаимодействие продолжает активно развиваться вопреки глобальным потрясениям. При этом следует отметить, что Амурская область может выступать не только в качестве импортера. Структура региональной экономики Амурской области позволяет строить экономическое взаимодействие с Северо-Востоком Китая по нескольким важнейшим направлениям.

Китай традиционно является ключевой страной-контрагентом внешнеэкономической деятельности Амурской области. Удельный вес КНР во внешнеторговом обороте региона весьма значителен, колеблясь в зависимости от конкретного года от 52,6 до 88,2% стоимости товарооборота области. Несмотря на снижение значений показателей доли Китая в экспорте и импорте (табл.), КНР по-прежнему выступает ведущим внешнеэкономическим партнером Амурской области. Скорее всего, в ближайшей перспективе доля Китая в экспорте и импорте региона увеличится в связи с исключением западных стран из числа его контрагентов.

#### Доля Китая в экспорте и импорте Амурской области, 2015—2021 гг., %

Год	Экспорт	Импорт
2015	93,3	55,6
2016	91,7	80,9
2017	89,0	86,7
2018	91,5	74,0
2019	61,9	77,9
2020	53,4	73,7
2021	53,7	51,3

*Источник:* составлено автором на основе [1].

Что касается товарной структуры экспорта Амурской области, то в первую очередь следует отметить следующие основные статьи: минеральные продукты, топливно-энергетические товары и сельскохозяйственную продукцию. Такой перечень товаров обусловлен экономической специализацией региона. Следует также упомянуть, что по 869,6 км территории Амурской области проходит магистральный газопровод «Сила Сибири».

Особый интерес в плане укрепления российско-китайского экономического сотрудничества представляет энергетический комплекс региона. В Амурской области расположены три гидроэлектростанции — Бурейская ГЭС, Зей-

ская ГЭС и Нижне-Бурейская ГЭС, для которых характерны избыточные мощности. В результате электроэнергия экспортируется в КНР по линиям электропередачи «Амурская — Хэйхэ», «Благовещенская — Айгунь» и «Благовещенская — Хэйхэ». В 2020 г. стоимость поставленной энергии составила 136 841,2 тыс. долл., в 2021 г. на фоне энергодефицита в Китае российский экспорт достиг значения 4 460 671,8 тыс. квт.·ч на сумму 224 313,1 тыс. долл. [1].

Следует также отметить существенный вклад в расширение приграничной торговли агропромышленного комплекса (АПК) Амурской области. Регион является ведущим в РФ производителем соевых бобов, в области развития и другие сельскохозяйственные культуры, а также животноводство. В рамках реализации регионального проекта «Экспорт продукции АПК» (часть национального проекта «Международная кооперация и экспорт») объем экспорта сельскохозяйственной продукции области вырос в 2021 г. до 0,1496 млрд долл. [3]. Открытие китайского рынка для товаров российского АПК — охлажденной и замороженной говядины, молочной продукции, сои, мяса птицы — позволяет укреплять агропромышленный центр развития Амурской области за счет увеличения рынков сбыта.

Таким образом, в настоящее время внешнеэкономическое взаимодействие Амурской области и северо-востока Китая осуществляется по ряду направлений. Помимо названных активное сотрудничество ведется в таких отраслях, как добыча полезных ископаемых, строительство транспортной инфраструктуры, нефтегазовый сектор и т. д.

Что касается перспектив расширения экономического взаимодействия, то в настоящее время они связаны не столько с региональными особенностями, сколько со спецификой российско-китайского сотрудничества в целом. Экономическая составляющая двустороннего взаимодействия России и Китая не всегда «идет в ногу» с политической. К тому же прагматизм китайской стороны чаще всего определяет направления экономического сотрудничества по традиционно ресурсному руслу, что значительно сужает рамки взаимодействия.

Кроме того, для КНР крайне важно сохранение существующего положения страны в глобальной экономической системе. Соответственно, в дальнейшем возможно как увеличение экспорта продукции предприятий газового кластера, предприятий по добыче полезных ископаемых, так и уменьшение в зависимости от изменения цен на сырье, а также нюансов реакции КНР на санкционный режим в отношении РФ со стороны коллективного Запада. При этом экспорт электроэнергии в больших, чем заложено соглашением 2021 г., объемах возможен в случае повторения ситуации с катастрофическим дефицитом энергии в КНР. Темпы экспорта продукции агропромышленного комплекса Амурской области, скорее всего, будут расти в связи с мировым продовольственным кризисом.

Кроме того, следует отметить, что продвижение РФ по восточному вектору строилось с учетом сложившейся к началу реализации «новой азиатской

политики» России специфики социально-экономической базы дальневосточных субъектов РФ. При этом федеральный центр предпринял значительные шаги по стимулированию ускоренного развития регионов Дальнего Востока России. Однако наличие ряда серьезных проблем, сохраняющихся в большинстве субъектов Дальневосточного федерального округа (в первую очередь продолжающийся демографический кризис), в определенной мере затрудняет расширение трансграничного сотрудничества. Очевидно, что в текущих геополитических условиях возможности Москвы по регулированию региональной асимметрии изменились: в ближайшее время резкая трансформация структуры экспорта дальневосточных регионов в сторону продукции с высокой добавочной стоимостью вряд ли вероятна. Тем не менее сохранение и развитие сложившихся к настоящему времени направлений внешнеэкономического сотрудничества является одним из критериев устойчивости региональных экономик ДФО в будущем.

### *Список литературы*

1. *Внешняя торговля субъектов РФ ДФО* // Дальневосточное таможенное управление. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/143395> (дата обращения: 13.07.2022).
2. *Выработка электроэнергии* // Группа РусГидро. URL: <https://rushydro.ru> (дата обращения: 13.07.2022).
3. *Отчет о реализации национальных проектов на территории Амурской области за 2021 год* // Управление проектной деятельности Амурской области. URL: <https://upd.amurobl.ru/pages/otchetnost/otchet-o-realizatsii-natsionalnykh-proektov-na-territorii-amurskoy-oblasti-za-3-kvartal-2021-goda/> (дата обращения: 13.07.2022).

### *Об авторе*

*Виктория Анатольевна Денисенко*, кандидат экономических наук, доцент кафедры международных отношений Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

E-mail: [denisenko.va@dvfu.ru](mailto:denisenko.va@dvfu.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9407-8006>

### *The author*

*Dr Victoria A. Denisenko*, Associate Professor, Department of International Relations, Institute of Oriental Studies — School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: [denisenko.va@dvfu.ru](mailto:denisenko.va@dvfu.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9407-8006>

**Ю. В. Заика**

*Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина федерального исследовательского центра  
«Кольский научный центр Российской академии наук» (Апатиты, Россия)*

**МОНИТОРИНГ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ  
НАУЧНЫХ ИНСТИТУТОВ КАК ОСНОВА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ  
ОРГАНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ  
(НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАЦИЙ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

*Аннотация. Международная научно-техническая деятельность (МНТС) научных и образовательных институтов России имеет большое стратегическое значение для целей научно-технической политики РФ, для комплексного интеграционного взаимодействия на мировом уровне. Текущие геополитические события вызвали частичный вакуум МНТС, особенно в привычной географической зоне сотрудничества, создавая условия неопределенности и невозможности принятия стратегических решений в постоянно сменяющихся реалиях. В такой период остро стоит вопрос поддержки и совершенствования деятельности научных организаций в сфере международного сотрудничества. Исполнению этих целей будет способствовать введение в практику процедуры мониторинга международной деятельности на уровне центральных органов государственного управления.*

*Annotation. International scientific and technical performance of scientific and educational institutes of Russia play an important strategic role for the purposes of science and technology policy of the Russian Federation, for complex integration at the global level. Current geopolitical events have caused a partial vacuum of international science cooperation especially in the usual geographical area of cooperation, creating conditions of uncertainty and the inability to make strategic decisions in a constantly changing reality. In such a period, the issue of supporting and improving the activities of scientific organizations in the field of international cooperation is acute. The introduction of a procedure for monitoring of international research and education activities at the level of central government bodies will contribute to the fulfillment of these goals.*

**Ключевые слова:** международное научное сотрудничество, мониторинг, сценарный подход, геополитическая турбулентность, географическая зона сотрудничества

**Keywords:** international scientific cooperation, monitoring, scenario approach, geopolitical turbulence, geographic area of cooperation

Международное научно-техническое сотрудничество (МНТС) Российской Федерации закреплено в Концепции МНТС РФ [1], которая разработана Министерством науки и высшего образования РФ в соответствии с положениями Стратегии научно-технологического развития РФ [2], утвержденной Указом президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642.

Под МНТС в тексте Концепции понимается комплекс совместных мероприятий, работ, отношений и форм взаимодействия сотрудничающих сторон в различных областях науки, техники и инноваций с целью получения новых знаний, развития технологий, а также создания и усовершенствования новых продуктов в результате интеллектуальной деятельности для национальных нужд или реализации на мировом рынке. Система МНТС охватывает полный инновационный цикл — от фундаментальных исследований до реализации высокотехнологичных товаров, а ее основными участниками выступают организации и коллективы, выполняющие научные исследования и разработки, включая Российскую академию наук (РАН), государственные корпорации, институты развития, фонды поддержки научно-технической и инновационной деятельности, высокотехнологичные компании и органы исполнительной власти.

В Концепции международное сотрудничество в области науки и технологий рассматривается как средство интеграции российской науки в мировое научное пространство с учетом национальных интересов Российской Федерации, а также как значимый фактор глобального общественного развития, направленный в первую очередь на развитие науки и решение проблем общемирового масштаба.

В рамках такого концептуального подхода можно выделить несколько преимущественных качественных характеристик МНТС, которые включают интеграционное взаимодействие государств, обеспечение отношений комплексной взаимозависимости — унификацию научной деятельности, интеграцию в мировую научную систему, расширение обменов, экспорта и импорта знаний и технологий, активизацию информационного обмена.

Архитектура международного научно-технического сотрудничества носит многоуровневый характер как на институциональных уровнях (от министерств до образовательных и научных институтов), так и в географических перспективах — от глобального до регионального и локального уровней. На глобальном уровне такое сотрудничество носит всеобъемлющий характер и призвано служить общечеловеческим целям устойчивого развития, тогда как при сужении географической проекции оно служит национальным интересам и локально стимулирует (само)развитие региональных и местных сообществ (институциональных систем), поскольку выступает площадкой для диалога и взаимодействия различных акторов — участников процесса сотрудничества и развития научно-технического знания.

Одним из примеров регионального существования МНТС можно рассматривать институты Мурманской области, активно вовлеченные в приграничное взаимодействие и национальную повестку арктических исследований и научного сотрудничества. Несмотря на существование позитивных примеров такого сотрудничества в рамках реализации программы приграничного сотрудничества «Коларктик», вовлечение в крупные инфраструктурные проекты (например, европейский проект INTERACT) и многие другие инициати-

вы, 2022 г. со стремительным развитием событий и превалированием геополитической повестки образовал частичный вакуум МНТС не только для институтов Мурманской области, но и в арктическом регионе в целом.

Текущие геополитические события создали турбулентные условия, в которых международное научно-техническое сотрудничество претерпевает трансформацию институциональных систем, а также пути интеграции в него России. Существующие традиционные институты научного сотрудничества показали свою практическую эффективность, но при наступлении критической геополитической ситуации утратили гибкость в принятии решений. Архитектура сотрудничества в западном направлении изменилась, начиная с межправительственных институтов (например, принятие решений о приостановке деятельности в рамках Арктического совета от 3 марта 2022 г. [3] и частичном возобновлении деятельности от 8 июня 2022 г. [4]), финансовых механизмов поддержки и развития сотрудничества (ППС «Коларктик» [5]) до институциональных акторов (привычные связи на основе много- и двусторонних соглашений сотрудничества научных и образовательных организаций).

Вынужденный отказ от привычных институтов сотрудничества создал вакуум взаимодействия в континууме неопределенности (*continuum of uncertainties*), то есть в постоянно сменяющихся внешних геополитических условиях происходит сужение горизонтов стратегического планирования организационного развития и замедление принятия соответствующих решений.

Для российского научного сообщества зачастую характерно высокое избегание неопределенности, которое тормозит налаживание новых путей и механизмов развития международного сотрудничества при условиях существования многолетнего сотрудничества в привычных географиях — в географической зоне комфортности научного сотрудничества. Для Мурманской области такой зоной являются северные приграничные регионы Финляндии, Швеции, Норвегии, на примере связей с которыми наблюдается четкая регионализация МНТС. Такие тенденции также отражены и в значительной ригидности научного сообщества по отношению к стратегическому планированию дальнейших путей развития сотрудничества — диверсификация географий и институтов при сохранении имеющихся связей. Несмотря на достаточную изученность вопроса международных институтов сотрудничества в научно-технической, экономической, политической и других областях (например, различные формы сотрудничества в рамках Арктического совета, Международного арктического научного комитета, программы приграничного сотрудничества «Коларктик», БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества и других) [6—8], существенного практического применения для стратегического планирования развития международного сотрудничества на институциональном уровне такие прикладные исследования зачастую не имеют.

Одним из важных методов стратегического планирования может служить сценарный подход. В политической прогностике сценарный подход исходит из неопределенности будущего, недостаточности прямой экстраполяции сегодняшней ситуации, существования альтернатив в развитии. Акцент иссле-

довательского внимания может делаться не только на описании наиболее вероятного хода событий, но и на описании маловероятных сценариев. В последнем случае сценарии выполняют функцию «предостережения», обеспечивают готовность действовать в любой ситуации [9]. Таким образом, сценарный подход дает возможность для рассмотрения нескольких моделей развития событий, что служит основой принятия соответствующих решений и снижения уровня неопределенности.

Сценарный подход в своей основе является интуитивным методом прогнозирования, который строится на допущениях и умозаключениях экспертов в той или иной области, основанных на контекстуальном качественном анализе событий. При переходе от качественных категорий анализа в количественные важным аспектом точного прогнозирования будет служить набор базисных, реперных показателей международного научно-технического сотрудничества.

Обеспечить такие базисные показатели для целей стратегического планирования организационного развития призван мониторинг МНТС. В 2019 и 2020 гг. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации предприняло попытку проведения мониторинга международной деятельности научных организаций. Как указывают методические рекомендации по заполнению формы мониторинга [10], процедура применяется для решения следующих задач в сфере науки и образования:

- обеспечение потребностей в информации о международной деятельности научных организаций;
- сопряжение и осуществление межведомственного информационного обмена;
- анализ социальных, финансовых, экономических и иных показателей международной деятельности научных организаций в целях оценки эффективности применения мер по ее поддержке;
- подготовка прогноза развития и предложений о совершенствовании деятельности научных организаций в рамках международного сотрудничества.

Особенно остро стоит вопрос поддержки и совершенствования деятельности научных организаций в сфере международного сотрудничества в период текущих геополитических изменений, что делает процедуру мониторинга международной деятельности не только целесообразной, но и критически необходимой.

Международная деятельность образовательных организаций в рамках мониторинга Министерства рассматривается по таким значимым направлениям, как сотрудничество научных организаций с иностранными и (или) международными объединениями в области науки и образования, в социальной сфере, а также в решении вопросов кадрового обеспечения, финансово-экономической деятельности [10]. Процедура включает в себя сбор информации по ряду количественных показателей: информация о действующих соглашениях, реализуемых проектах, количестве патентов и лицензионных соглашений, об

участии и организации международных научных мероприятий, о членстве в международных организациях, о международных консультационных услугах и экспертизе, мобильности ученых и др.

Проведенный в 2019 и 2020 гг. мониторинг носил краткосрочный характер, а сама процедура на практике не до конца сформировала свой выверенный механизм, имея ряд положительных и неудачных аспектов, которые требуют более тщательной методической проработки. На сегодняшний день мониторинг международной деятельности в подведомственных Министерству науки и высшего образования учреждениях приостановлен.

Международная научно-техническая деятельность научных и образовательных институтов России имеет большое стратегическое значение для целей научно-технической политики РФ, а также для комплексного интеграционного взаимодействия на мировом уровне. Текущие геополитические события вызвали частичный вакуум МНТС, особенно в привычной географической зоне комфортности сотрудничества, создавая условия неопределенности и невозможности принятия стратегических решений дальнейшего развития на постоянно сменяющихся реалиях. В такой период остро стоит вопрос поддержки и совершенствования деятельности научных организаций в сфере международного сотрудничества. Исполнению этих целей будет способствовать возобновление и введение в практику процедуры мониторинга международной деятельности научных и образовательных институтов Российской Федерации как части процесса стратегического планирования международного сотрудничества и мировой научной интеграции.

### Список литературы

1. *Концепция* международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Москва. 2016. URL: [https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontseptsiya\\_MNTS\\_Rossiyskoy\\_Federatsii.pdf](https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontseptsiya_MNTS_Rossiyskoy_Federatsii.pdf) (дата обращения: 10.09.2022).

2. *О Стратегии* научно-технологического развития Российской Федерации : указ президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 10.09.2022).

3. *Совместное* заявление семи стран Арктического совета от 3 марта 2022 года. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine/> (дата обращения: 10.09.2022).

4. *Совместное* заявление семи стран Арктического совета от 8 июня 2022 года. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-limited-resumption-of-arctic-council-cooperation/> (дата обращения: 10.09.2022).

5. *Программа* приграничного сотрудничества (ППС) «Коларктик». URL: <https://kolarctic.info/ru/> (дата обращения: 10.09.2021).

6. *Небренчин С. М.* БРИКС и ШОС: стратегия взаимодействия и сотрудничества // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 1 (764). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/briks-i-shos-strategiya-vzaimodeystviya-i-sotrudnichestva> (дата обращения: 23.08.2022).

7. Pavlenko V. I., Zaika Y. V., Cooper L. W. et al. ISIRA: International Science Initiative in the Russian Arctic // Arctic Herald. 2021. Vol. 2, №32. P. 54—67.

8. Заика Ю.В. Акторы научной дипломатии в контексте саморазвития арктических территорий (на примере Мурманской области) // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2020. №4. С. 46—54. doi: 10.34130/2070-4992-2020-4-25.

9. Солопова О.А. Сценарный метод исследования когнитивно-дискурсивных моделей будущего в политическом дискурсе // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stsenarnyy-metod-issledovaniya-kognitivno-diskursivnyh-modeley-buduschego-v-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 21.09.2022).

10. Методические рекомендации по заполнению формы мониторинга международной деятельности организациями, подведомственными Министерству науки и высшего образования Российской Федерации // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. М., 2020. URL: [https://ined.ru/monitoring\\_mezhdunarodnoy\\_deyatelnosti](https://ined.ru/monitoring_mezhdunarodnoy_deyatelnosti) (дата обращения: 21.08.2022).

#### ***Об авторе***

*Юлия Валерьевна Заика*, начальник международного отдела ИЭП КНЦ РАН, Кольский научный центр Российской академии наук, Апатиты, Россия.

E-mail: [y.zaika@ksc.ru](mailto:y.zaika@ksc.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9609-1167>

#### ***The author***

*Yulia V. Zaika*, Researcher, Head of International department, Federal Research Centre «Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences», Apatity, Russia.

E-mail: [y.zaika@ksc.ru](mailto:y.zaika@ksc.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9609-1167>

**А. П. Катровский**

Смоленский государственный университет (Смоленск, Россия)

### **ПРИГРАНИЧНЫЕ С БЕЛАРУСЬЮ РЕГИОНЫ РОССИИ: ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ**

*Аннотация. Дается оценка вызовов социально-экономическому развитию приграничных с Белоруссией регионов России. Самые значимые вызовы — депопуляция и ухудшающаяся демографическая ситуация, усиление неравенств в развитии столичных и приграничных регионов. Новые вызовы связаны с санкциями стран Запада, снизившими транзитную роль российско-белорусского приграничья. Среди наиболее пострадавших видов деятельности — международные перевозки. Новым вызовом может стать укрупнение регионов.*

*Annotation. The article assesses the challenges to the socio-economic development of the Russian regions bordering Belarus. The most significant challenges are depopulation and the deteriorating demographic situation, the growing inequality in the development of metropolitan and border regions. New challenges are associated with Western sanctions that have reduced the transit role of the Russian-Belarusian border area. International transportation is among the most affected activities. The merging of regions may become a problem.*

**Ключевые слова:** российско-белорусское порубежье, Брянская область, Смоленская область, Псковская область, укрупнение регионов

**Keywords:** Russian-Belarusian borderlands, Bryansk region, Smolensk region, Pskov region, merging of regions

Приграничный с Республикой Беларусь регион России (Брянская, Смоленская и Псковская области) в настоящее время является целостным образованием и, несмотря на наличие отдельных барьеров, частью фактически единственного социально-экономического трансграничного региона. Занимая всего 0,82% территории и располагая на 1 января 2022 г. 1,85% населения Российской Федерации, регион играет роль скрепа, имеет большое значение для экономической интеграции России и Белоруссии. Несмотря на особый геополитический статус, в последние двадцать лет роль региона в экономической жизни России снижалась. Если в 2001 г. на него приходилось 1,2% ВРП страны, то в 2020 г. — только 1,0%. Доля инвестиций в основной капитал в российских приграничных с Белоруссией регионах снизилась за это время с 1,0 до 0,9%.

Приграничные с Республикой Беларусь регионы России, несмотря на отсутствие выраженных барьеров трансграничного взаимодействия, оказались самым «слабым звеном» по уровню социально-экономического развития на Западном порубежье Российской Федерации [7]. «Хотя российско-белорусская граница — единственная на постсоветском пространстве, на которой практически никогда не было пограничного контроля и которая почти с первых лет после распада СССР была интеграционной, приобретение ею статуса государственной сыграло заметную роль в усугублении периферийного характера приграничных районов обеих стран, особенно явственного с российской стороны. Все три области, граничащие с Белоруссией, относятся к числу депрессивных» [5, с. 431]. Накануне пандемии COVID-19 большая часть приграничных с Республикой Беларусь российских регионов уступала по макроэкономическим душевым показателям не только столичным субъектам, но и средним значениям по стране (табл. 1).

Таблица 1

**Душевой показатель ВРП и номинальная среднемесячная заработная плата  
в столицах, столичных регионах и в регионах,  
приграничных с Республикой Беларусь (2019), российский рубль**

Субъект	ВРП на душу населения	Номинальная среднемесячная заработная плата
Брянская область	332 442	29 853
Смоленская область	370 872	31 269
Псковская область	313 903	29 441
Московская область	670 800	55 555
Ленинградская область	657 698	46 387
Г. Москва	1 555 583	94 294
Г. Санкт-Петербург	950 584	65 872
Российская Федерация	646 144	51 344

Составлено и рассчитано автором на основе [8].

При среднем душевом показателе ВРП по Российской Федерации в 2019 г. в 11 327 долл. Москва находилась в 2019 г. на уровне Чехии, Санкт-Петербург — Румынии, Смоленская область — Албании, Брянская — Монголии, Псковская — Шри-Ланки [2].

Регион стремительно теряет население, и демографическая ситуация стала важнейшим вызовом для всех трех областей. Депопуляция создает проблемы экономической модернизации регионов приграничья, неоиндустриализации малых городов (табл. 2).

**Динамика численности населения приграничных с Беларусью  
российских регионов, столиц и столичных регионов, 1990—2022 гг.  
(тыс. человек)**

Субъект	1990	2000	2020	2022
Брянская область	1471,0	1423,2	1192,5	1167,8
Смоленская область	1158,4	1099,4	934,9	909,9
Псковская область	844,1	793,2	626,1	613,4
Московская область	6700,2	6628,2	7690,9	7768,9
Ленинградская область	1667,8	1686,7	1875,9	1911,6
Г. Москва	8880,1	9932,9	12 678,1	12 635,5
Г. Санкт-Петербург	5002,4	4741,9	5398,1	5377,5

Составлено и рассчитано автором на основе [8; 9].

Только за 2021 г. численность населения российской части приграничья уменьшилась на 37,9 тыс. чел. Снижается не только численность населения областей, но и их центров, что свидетельствует о системном кризисе. В 2021 г. население Брянска сократилось на 3,2 тыс. чел, Смоленска — на 3,0 тыс. чел., Пскова — на 350 человек. Всего в 2000—2021 гг. в приграничных с Республикой Беларусь регионах России численность населения упала на 624,7 тыс. чел., что превышает современную численность населения Псковской области. Потери в численности населения Псковской области составили за указанное время 179,8 тыс. чел., Брянской — 255,4 тыс. чел., Смоленской — 189,5 тыс. чел.

В связи с активным процессом депопуляции и усилением региональных неравенств поставлен вопрос об укрупнении регионов Центральной России, которое может стать новым вызовом. Идеологом данной меры выступает вице-премьер Правительства России М. Хуснуллин. Идею поддерживает вице-премьер Правительства А. Силуанов.

Размеры региона важны, но еще важнее его функции. В опорном каркасе расселения именно административным центрам регионов отводится особая роль. Потеря административной функции в свое время Псковом, Великими Луками, Брянском негативно отразилась на их развитии. Перенос центра принятия решения из Брянска и Смоленска в Калугу — это не только удар по социально-культурной идентичности Смоленщины и Брянщины, данное действие также усилит отток населения из этих регионов. Проблема бедности, отставания в экономическом развитии регионов и отдельных городов — это прежде всего проблема их функций.

Экономическая политика, направленная на приоритетное развитие и инвестирование в экономику столичных регионов, способствует поляризации и увеличению пространственных неравенств между центром (столичные регионы) и периферией (приграничные регионы). Но усиление неравенств будет

способствовать еще большему оттоку населения из приграничных с Белоруссией регионов России в столичные регионы. Приграничные регионы нуждаются в новой экономической политике, направленной на их ускоренное развитие. Значимым вызовом для этих регионов является их близость к столичным регионам, соседство с которыми способствует периферизации. Три приграничных региона России и три приграничных региона Республики Беларусь являются частью триполярной системы «Москва — Санкт-Петербург — Минск», в которой состязание за инвестиции в высокотехнологичные отрасли выигрывают столичные регионы [4]. В этой связи целесообразно вернуться к идеям Н.Т. Агафонова и Б.Р. Павчинского, изложенным в статье, опубликованной ровно полвека назад. Опираясь на мысль Франсуа Перру о полюсах роста и Пьера Потье об осях развития, они предложили рассматривать межстоличное пространство между Москвой и Ленинградом как единую производственно-территориальную систему [1]. Географическое положение между столицами уникально, обладает повышенной ценностью, и его социально-экономическое развитие предполагает взаимный учет интересов как столичных городов, так и поселений, регионов, расположенных в межстоличье. Применительно к таким территориальным системам более резко высказался философ Я.В. Сиверц ван Рейзена: «Изолированное развитие теряет смысл» [6].

Транспортно-географическое положение всех российских приграничных с Республикой Беларусь регионов в недавнем прошлом было главным фактором социально-экономического развития. У региона была исключительная транзитная роль, поскольку через него проходят важнейшие сухопутные коммуникации, связывающие не только Белоруссию и Россию, но и Россию со странами Западной, Центральной и Восточной Европы, Калининградской областью. Транспортно-географическое положение было ресурсом, который способствовал развитию автомобильного, железнодорожного и трубопроводного транспорта. Для всех российских приграничных с Республикой Беларусь регионов, судя по показателям отраслевой структуры занятости, транспорт и хранение выступали важнейшими отраслями хозяйственной специализации. В Смоленской области, через которую проходит основной транспортный коридор, связывающий Центр России с Белоруссией и странами Зарубежной Европы, доля отраслей транспортировки и хранения в ВРП в 2019 г. составила 10,3%, что значительно выше среднего показателя по Российской Федерации (7,3%). Выше среднероссийского значения данный показатель был и в Брянской (7,7%) и Псковской областях (8,4%), занимающих транзитное положение [8]. В Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. транспортно-логистический комплекс как перспективное направление экономической специализации указан для Смоленской и Псковской областей. Санкции, направленные на ограничение деятельности российских и белорусских автоперевозчиков в странах ЕС, принятые в апреле 2022 г., стали очередным вызовом для экономики двух стран и особенно для приграничных с Беларусью российских регионов. Введение ограничений на международные перевозки, импорт из России и экспорт отдельных видов грузов в Калининградскую область негативно отразились и отразятся на транс-

портно-географическом положении. Значительно сократился транзит углеводородов через трубопроводную систему российско-белорусского приграничья. В июне 2022 г. были пересмотрены планы участия российских регионов в проекте «Один пояс, один путь». Если ранее предполагалось, что от основного сухопутного маршрута пойдет ответвление на Зарубежную Европу и Калининград, то сейчас принято решение ограничиться выходом к портам Ленинградской области и Санкт-Петербургу.

Среди важнейших факторов интеграции России и Республики Беларусь находится транспортная связность. Союзное государство нуждается в едином коммуникационном пространстве. Однако и до настоящего времени, несмотря на отмену 18 марта 2022 г. ограничений по пересечению российско-белорусской границы для населения двух стран, существуют проблемы их транспортной связности. Интеграцию сдерживают проблемы с покрытием мобильной связью основных транспортных коридоров, проблемы трансграничных платежей, задержка с введением единых трансграничных транспортных тарифов и тарифов связи.

Новая геоэкономическая и геополитическая ситуация, связанная с санкциями стран Запада против России и Белоруссии, объективно предполагает усиление экономической интеграции между ними. Регион, который в постсоветское время играл роль моста между столичными агломерациями двух стран, между регионами добычи сырья и его переработки, имеет практически все предпосылки для превращения в регион опережающего развития Союзного государства. Выполняя роль скрепа, он не может быть отставшим в своем развитии звеном. За прошлые десятилетия накоплен значительный экономический потенциал, существенный человеческий капитал, он обладает уникальным географическим положением и при условии неоиндустриальной модернизации может стать одним из «локомотивов» развития Союзного государства [3]. Фактически стоит задача возрождения региона на новой технологической основе. Приграничные с Белоруссией регионы России, исходя из особенностей предыдущей специализации, необходимости импортозамещения, могут стать основой для формирования новых высокотехнологичных кластеров в аэрокосмической сфере, автомобилестроении, приборостроении, ряде отраслей химической промышленности.

Особую миссию в модернизации необходимо отводить высшей школе, которая должна создать интеллектуальные предпосылки для модернизации, стать одним из основных эндогенных факторов экономического роста. Но развитие высшей школы следует связывать с задачами развития региона. Модернизация экономики создаст высокооплачиваемые рабочие места, позволит снизить миграционный отток молодежи, сохранить репродукционный потенциал и в итоге ответить на один из самых значимых современных вызовов — демографический.

Без внесения изменений в региональную социально-экономическую политику, систему отношений между центром и периферией продолжится демографическая и социально-экономическая периферизация приграничных с Республикой Беларусь регионов России.

Назрела необходимость разработки наднациональных стратегий и программ. Единая стратегия и программа развития российско-белорусского приграничья может стать первым шагом на пути создания подобной стратегии и программы для Союзного государства.

### *Список литературы*

1. Агафонов Н.Т., Павчинский Б.Р. Москва — Ленинград: производственно-территориальная система? // Вест. Моск. ун-та. 1972. №4. С. 55—60.
2. Катровский А.П. Социально-экономическая деградация российско-белорусского приграничья: иной взгляд на проблему // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации. Тридцать лет постсоветских границ. Курск, 2021. С. 131—148.
3. Модернизация и структурные трансформации российско-белорусского приграничья / под ред. А.П. Катровского, Ю.П. Ковалева, Т.И. Яськовой. Смоленск : Универсум, 2018.
4. Российско-белорусское пригранижье: вызовы межстоличного положения / под ред. А.П. Катровского и Т.И. Яськовой. Смоленск, 2022.
5. Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В.А. Колосова. М. : ИП Матушкина, 2018.
6. Сиверц ван Рейзена Я.В. Цивилизация и хаос. Социология общего дела, поисковые процессы и системы. М. : Фонд «Новое тысячелетие», 2008.
7. Экономическая безопасность регионов Западного порубежья России : монография / под ред. Г.М. Федорова. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021. Стат. сб. / Росстат. М., 2021. URL: [https://gks.ru/bgd/regl/b21\\_14p/Main.htm](https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm) (дата обращения: 01.07.2022).
9. Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2022 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 30.06.2022).

### *Об авторе*

*Александр Петрович Катровский*, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры географии Смоленского государственного университета, Смоленск, Россия.

E-mail: alexkatrovsky@mail.ru  
ORCID: 0000-0001-5954-3833

### *The author*

*Prof Alexander P. Katrovsky*, Professor of the Department of Geography, Smolensk State University, Smolensk, Russia.

E-mail: alexkatrovsky@mail.ru  
ORCID: 0000-0001-5954-3833

**А. А. Киреев**

*Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия)*

## **ПРОБЛЕМЫ ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ГРАНИЦЕ С КИТАЕМ**

*Аннотация. Рассматривается эволюция пограничной политики России на границе с Китаем, в ходе которой на смену проблемам формирования этой границы пришли проблемы ее функционирования. Анализируется процесс поиска баланса между барьерными и контактными функциями границы с Китаем, выявляются причины низкой эффективности управления границей и намечаются пути ее повышения.*

*Annotation. The evolution of the border policy of Russia on the border with China, during which the problems of the formation of this border were replaced by the problems of its functioning, is considered. The process of finding a balance between the barrier and contact functions of the border with China is analyzed, the reasons for the low efficiency of border management are identified, and ways to improve it are outlined.*

**Ключевые слова:** российско-китайская граница, пограничная политика России, режим функционирования границы, барьерные функции, контактные функции

**Keywords:** Russian-Chinese border, Russian border policy, border functioning mode, barrier functions, contact functions

За последние 30 лет проблематика пограничной политики России на ее границе с Китаем заметно изменилась. На рубеже 1980—1990-х гг. в ней еще безусловно доминировала повестка безопасности, унаследованная от периода двусторонней конфронтации 1960—1970-х гг. Поворотным моментом в изменении предмета пограничной политики стало Соглашение 1991 г., делимитировавшее 98% протяженности восточной части границы между СССР и КНР. Последующие демаркационные работы, соглашения по военным вопросам 1996 и 1997 гг., и, наконец, Договор РФ и КНР о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. привели к снятию взаимной пограничной напряженности. Последним шагом в решении застарелых проблем формирования линии российско-китайской границы, препятствовавших ее десекьюритизации, было Дополнительное соглашение 2004 г., определившее принадлежность трех оставшихся неразграниченными речных островов.

По мере повышения открытости дальневосточной границы с начала 1990-х гг. в фокус пограничной политики попадает новый комплекс проблем, которые

можно назвать проблемами функционирования. С завершением делимитации и демаркации границы проблемы ее функционирования занимают место главного предмета пограничной политики. В целом проблемы функционирования границы были связаны с поисками оптимального режима регулирования пересекающих ее трансграничных потоков, то есть режима, отвечающего национальным приоритетам соотношения между барьерными и контактными функциями границы. При этом приоритет интересов безопасности обычно вел к сдвигу в этом соотношении в пользу барьерных функций границы, а приоритет целей социально-экономического развития — к его изменению в пользу функций контактных.

С 1988 по 1993 г. российская политика на границе с КНР была подчинена приоритету социально-экономического развития России и ее дальневосточного макрорегиона, который ассоциировался с широкой либерализацией их трансграничных связей. Серия международных и национальных правовых актов этих лет резко повысила уровень контактности данной границы в таких сферах, как торговля, инвестиции, трудовая миграция и туризм. Однако очень скоро стало очевидно, что во многих отношениях — институциональном, инфраструктурном, психологическом — российская сторона оказалась не готова к взрывному росту трансграничных потоков из Китая. Кроме того, расширение трансграничного взаимодействия существенно опережало процесс формирования самой границы, демаркация которой находилась пока на начальной стадии. Неудивительно, что к концу 1993 г. российскую пограничную политику пришлось подвергнуть ревизии.

На следующем этапе, с 1993 по 2006 г., пограничная политика на границе с КНР постепенно переориентировалась на интересы национальной безопасности. Наиболее актуальными для нее задачами стали борьба с нелегальной миграцией и «серой» торговлей, пресечение контрабанды, браконьерства, наркотрафика и незаконных валютных операций. В целях укрепления барьерных функций границы было развернуто строительство плотной сети миграционных и таможенных органов. Работа этих органов, по сути являвшихся частью правоохранительной системы страны, была направлена на более полный охват трансграничных отношений контрольно-надзорными и фискальными мерами.

Предпосылкой для нового пересмотра пограничной политики послужил тот факт, что на фоне происходившего в 2000-е гг. в России экономического подъема темпы роста ВРП российского Дальнего Востока устойчиво отставали от среднероссийских. Ко второй половине 2000-х гг. руководство страны осознало, что одним из факторов этого отставания стало чрезмерная барьеризация российско-китайской границы. С 2007 г. пограничная политика на границе с Китаем начинает эволюционировать в направлении селективности, избирательного в отраслевом, социальном и географическом плане применения барьерных и контактных мер и их комбинирования в дифференцированном режиме функционирования границы. Выражением этого стало смягчение

миграционного и особенно туристического законодательства, снижение таможенных пошлин на импорт из КНР, инициированная модернизация пунктов пропуска и связанных с ними транспортных путей, а также создание на РДВ системы территориальных институтов развития, нацеленных на привлечение китайских инвесторов. Вместе с тем в ряде других сфер трансграничных связей, таких как трудовая миграция и мелкая (челночная) торговля, уровень барьерности границы не только не снизился, но и вырос.

Оценивая общие результаты эволюции пограничной политики России на границе с Китаем за последнее тридцатилетие, нельзя не признать, что открытость этой границы для всех типов трансграничных потоков существенно повысилась. Так, с 1990 по 2019 г. в 5 раз увеличилось количество действующих на границе РФ и КНР пунктов пропуска. В прилегающих к границе регионах России почти в 2 раза возросла плотность автомобильных дорог. Если в начале 1990-х гг. в 50-километровой полосе вдоль российско-китайской границы не существовало ни одного полноценно работающего территориального института развития, то к 2019 г. здесь функционировали 7 территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР), а также Свободный порт Владивосток. Менее обременительным стало и регуляторное воздействие: с 1994 по 2019 г. средняя ставка таможенного тарифа в РФ упала с 11,1 до 6,9%.

Однако эти успехи пограничной политики в решении проблем функционирования границы РФ и КНР не выглядят внушительными, если сравнить их с результатами той же политики на других участках российских границ, и прежде всего на рубежах со странами ЕС. Так, на 2019 г. по плотности действующих пунктов пропуска (на 100 км) граница РФ и ЕС превосходила российско-китайскую границу в 4,7 раза. По плотности же автодорожной сети приграничных регионов это превосходство составляло 3,8 раза.

Несмотря на активное создание на РДВ с начала 2010-х гг. территориальных институтов развития, европейский участок российских границ продолжает опережать их китайский сегмент и по институциональным параметрам. В китайском пограничье России действуют только односторонние институты сотрудничества, тогда как в 50-километровой полосе вдоль границы с ЕС наряду с ТОР и ОЭЗ с конца 1990-х гг. функционируют дву- и многосторонние институты (в том числе 8 еврорегионов и 2 трансграничных макрорегиона).

Общий для постсоветской пограничной политики России процесс снижения регуляторных барьеров на ее границах с ЕС и КНР также протекал неодинаково. К концу 2010-х гг. уровень регуляторных барьеров, применявшихся Россией в торговле со странами ЕС, был в целом ниже, чем в торговле с Китаем. Подобные различия были обусловлены двумя обстоятельствами: 1) в европейском импорте в Россию ведущее место принадлежало промышленному оборудованию, а в китайском — потребительским товарам; 2) до начала полномасштабной «войны санкций» европейские тарифные и нетарифные ограничения на российский экспорт были более мягкими, чем китайские.

Можно выделить ряд причин, препятствовавших повышению открытости российско-китайской границы, достижению более эффективного баланса ее контактных и барьерных функций и, в конечном счете, согласованию интересов развития и безопасности РДВ.

Наиболее фундаментальные из этих причин не связаны с содержанием самой постсоветской пограничной политики на границе с Китаем, но образуют объективно заданные внешние условия ее реализации. К ним относятся историческая инерция советской пограничной политики, географическая периферийность приграничных регионов РДВ и их относительно слабая освоенность.

Другая группа причин характеризует собственную эффективность российской пограничной политики. Свидетельством ее низкой эффективности является не только резкое инфраструктурное и институциональное отставание российской границы с КНР от границы с ЕС и смежной системы границ Китая, но и постоянные срывы планов строительства пунктов пропуска и транспортно-логистических объектов, создания приграничных и трансграничных институтов развития. Подобные срывы обычно объясняются нехваткой бюджетного или внебюджетного финансирования и недостаточной ответственностью заказчиков и исполнителей. Однако за этими причинами стоит более общая проблема нерациональной структуры управления границей. В отсутствие единого центра стратегического планирования российская граница с Китаем сегодня не представляет собой целостный объект управления. Она управляется, по сути, фрагментарно и конъюнктурно, по результатам лоббистской борьбы различных государственных и негосударственных бенефициаров. В таких условиях выстраивание сбалансированного режима функционирования границы с Китаем невозможно.

Способом повышения эффективности пограничной политики на границе с КНР могло бы стать создание окружной пограничной комиссии при Минвостокразвития из представителей пограничных ведомств, региональных властей, заинтересованных бизнес-структур и общественных организаций. Пограничная комиссия может взять на себя выработку долгосрочной программы развития системы российско-китайской границы, согласованной с Национальной программой развития РДВ и включающей комплекс инфраструктурных, институциональных и регуляторных мер. Помимо координирующих и плановых задач этот орган мог бы выполнять и задачи контроля за деятельностью всех субъектов пограничной политики на территории ДФО. Реформирование управления границей с Китаем позволило бы сделать ее действительно селективным средством регулирования трансграничных отношений РДВ, барьеризирующим реальные угрозы для безопасности макрорегиона, но не становящимся при этом барьером для его собственного социально-экономического развития.

*Об авторе*

*Антон Александрович Киреев*, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.

E-mail: [antalkir@yandex.ru](mailto:antalkir@yandex.ru)

ORCID: 0000-0003-0274-4030

*The author*

*Dr Anton A. Kireev*, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: [antalkir@yandex.ru](mailto:antalkir@yandex.ru)

ORCID: 0000-0003-0274-4030

**Р. Гнято**

Университет в Бая-Луке (Республика Сербская, Босния и Герцеговина)

## **«ОТКРЫТЫЕ БАЛКАНЫ» — РЕАЛЬНЫЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ИЛИ ПОКУПКА ВРЕМЕНИ?**

*Аннотация. Инициатива «Открытые Балканы», выдвинутая Сербией, посвящена стабилизации геополитической обстановки и продвижению совокупных отношений между отдельными народами и странами Западных Балкан. Она на самом старте неприемлема из-за узких геополитических интересов представителей политических партий отдельных народов Западных Балкан, а также из-за всего спектра геополитических, геоэкономических и культурных интересов коллективного Запада в пространстве Западных Балкан, противоположных интересам России и Китая как ведущих акторов глобальной геополитической сцены.*

*Abstract. The Open Balkans initiative was launched by Serbia with an intent to stabilize the geopolitical situation and improve relations among specific nations and countries in the Western Balkans. The initiative proves itself to be unacceptable due to narrow geopolitical interests of specific political parties' leaders of some Western Balkan nations. What also makes it unacceptable are geopolitical, geo-economic and cultural interests which the West hold in the Western Balkans and which are opposed to the interests of Russia and China, the leading factors of the global geopolitical scene.*

**Ключевые слова:** Открытые Балканы, Западные Балканы, коллективный Запад, Россия, Китай, евразийская ориентация

**Keywords:** Open Balkans, Western Balkans, the West, Russia, China, Eurasia-oriented

### **Вводные замечания**

После распада СФР Югославии и появления новых геополитических субъектов большая часть прежнего югославского пространства все еще находится под сильным влиянием западных геополитических акторов — ЕС, НАТО и Ватикана, приведших к кровавому развалу этого некогда общего государства «югославских» народов. Несомненно, конечной целью Запада («коллективного Запада») является полный контроль над пространством прежней СФР Югославии для того, чтобы полностью устранить российское геополитическое влияние и предотвратить реализацию российских и китайских экономических интересов. Чтобы добиться этой цели, особенно чтобы воспрепятствовать российским интересам на Западных Балканах, политика

«коллективного Запада» в форме глобализма направлена на демонизацию национальных интересов сербского народа во всех странах Западных Балкан, единственного в этом пространстве народа, верного России, ее духовным и культурным ценностям и геополитическим целям, которые она преследует.

В современные ценности «коллективного Запада» инкорпорированы и многовековые интересы католичества, что однозначно подтверждает политическая роль Ватикана в политических процессах, которые привели к распаду Югославии, а сегодня и к актуальным событиям в Украине [1—4; 11; 12].

Бесспорно, одним из важнейших акторов геополитических процессов в пространстве бывшей Югославии, которые привели к ее развалу и позиционированию новых международно признанных и непризнанных субъектов, является Турецкая Республика, которая в большей части югославского пространства активно проводит неоосманскую политику, в высокой степени согласную с интересами Запада и противоположную интересам России, что лучшим образом подтверждает ее поддержка «независимого» Косово и влияние, которое она осуществляет в Албании, Северной Македонии, Боснии и Герцеговине, области Рашка в Сербии и т. п. [2; 5].

Итак, современная геополитическая обстановка в пространстве бывшей Югославии является эпилогом крупных геополитических, геоэкономических, геостратегических, культурных и цивилизационных интересов «коллективного Запада», то есть политики глобализма и концепции однополярного мира. Эти интересы ориентированы на разрушение многополярного мира, суверенитета независимых государств и всех ценностей, препятствующих политике глобализма и концепции однополярного мира. По этим причинам в начале 90-х гг. прошедшего столетия интересы «коллективного Запада» наткнулись на решительное сопротивление сербского народа, а в наши дни — мощной и духовно возрожденной России. Исход этих двух враждующих между собою концепций ведет к новой геополитической карте мира, которую народы Балкан видят по-разному, согласно их национальным интересам, чаще всего противоположными друг другу. Эти интересы сегодня вытекают из горячих геополитических тем, которые касаются статуса «Косово», конституционного строя Боснии и Герцеговины (БиГ) и стремления определенных геополитических акторов к созданию унитарной БиГ, спорного статуса хорватов в Федерации БиГ, проблематичного положения сербского народа и Сербской православной церкви в Черногории, статуса неканонической Черногорской православной церкви, проблематичных междунациональных отношений между македонцами и албанцами в Северной Македонии, роли Республики Албании в реализации целей албанцев в Северной Македонии, Сербии и Черногории и т. п. [6; 7].

Вышеприведенные и другие вопросы, обременяющие отношения между народами и странами Западных Балкан, в настоящем стараются решить или, точнее говоря, закамуфлировать различными «инициативами», которые привели бы к «какой-то» форме интеграции этих стран, причем некоторые из западнобалканских стран в этих инициативах усматривают дополнительную

возможность осуществления собственных национальных интересов, чаще всего за счет интересов других народов. В геополитическом смысле в актуальную форму интеграции Западных Балкан, в формальном смысле названную «Открытые Балканы», уже включены Сербия, Северная Македония и Албания. Главным образом на данную инициативу чаще всего смотрят как на некое переходное решение в ожидании исхода идущего конфликта между Россией и «Западом» на Украине, после чего последовала бы геополитическая перекомпоновка Западных Балкан. После подписания этой инициативы Сербией, Албанией и Северной Македонией некоторые геополитические игроки Западных Балкан, лояльные глобалистской политике «коллективного Запада» (имеются в виду бошняки и хорваты в БиГ и этнонациональные черногорцы в Черногории), решительно сопротивляются любому виду формальной «интеграции» государств Западных Балкан, пребывая в убеждении, что эта интеграция угрожает их политическим и национальным интересам.

### Инициатива «Открытые Балканы»

На турбулентных Западных Балканах, в пространстве, в котором сплетаются разнообразные интересы местных геополитических акторов и интересы «Востока» и «Запада», идет попытка «определенных» политических игроков образовать некоторый вид содружества государств в форме «Открытых Балкан», в состав которого «должны» были бы входить все страны Западных Балкан, не являющиеся странами — членами ЕС (Сербия, Албания, Северная Македония, Черногория и БиГ).

В географической науке понятие *Западные Балканы* обозначает все государства, возникшие на территории бывшей Югославии, за исключением Словении, включая Албанию [1; 15]. Данное определение имеет своей подоплекой исторически-географические и культурно-географические элементы их детерминации и относится к Хорватии, Боснии и Герцеговине, Сербии, Черногории, Северной Македонии и, как мы уже сказали, к Албании. Однако с развалом некогда общего государства югославских народов (СФРЮ) понятие *Западные Балканы* по геополитическим причинам приобрело «новое» геопространственное толкование. В частности, в соответствии с интересами Запада Республика Хорватия присоединилась к ЕС и НАТО, чем поспешно была исторгнута из западнобалканского и включена в среднеевропейский культурно-цивилизационный круг. Таким образом, в наше время понятие Западных Балкан «свелось», как ранее определено, к Республике Сербии, БиГ, Черногории, Северной Македонии и Республике Албании, что их априорно квалифицирует в качестве цивилизационно отсталого, неразвитого, конфликтного и т. п. Все указанные признаки содержатся в часто употребляемом понятии *балканизация*, которое, видимо, имеет уничижительное значение [1; 2; 13; 14]. По указанным и целому ряду геополитических причин, которыми руководствуется Европейский союз (ЕС), очевидно и «понятно», что у государств Западных Балкан нет «европейской» перспективы. Напротив, ведущие

страны ЕС поощряют их войти в некоторый свободный «союз», который, якобы, был бы переходным этапом к их присоединению к ЕС, если ЕС переживет агонию, в которой сейчас находится.

«Союз» стран Западных Балкан, которые должна была бы объединить инициатива «Открытые Балканы», мог бы иметь положительное влияние на их ускоренное экономическое и общественное развитие, особенно в смысле улучшения отношений в сфере образовательного, научного и культурного сотрудничества. Присоединение всех стран Западных Балкан к этому союзу (Открытым Балканам) в определенной степени внесло бы вклад в смягчение межгосударственной и межнациональной напряженности, но ни в коем случае не позволило бы разрешить крупнейшие геополитические проблемы, которые уже десятилетиями, а в некоторых аспектах и столетиями обременяют отношения между отдельными народами, как, например, между сербами и албанцами, сербами и мусульманами (бошняками) и, наконец, — между сербами и хорватами.

Актуальные страны — члены инициативы «Открытые Балканы» (Сербия, Албания, Северная Македония) кроме общих интересов в рамках «союза» усматривают возможность осуществления отдельных национальных интересов, что некоторые народы априори удерживает от этой инициативы. Но идем по порядку. Для Республики Сербии, Республики Сербской и всего сербского народа на Западных Балканах инициатива «Открытые Балканы», в которую вошли бы все государства Западных Балкан, представляла бы собой форму свободной интеграции, в рамках которой дополнительно были бы продвинуты законные сербские национальные интересы во всех странах этого «союза».

В рамках инициативы «Открытые Балканы» македонцы в Северной Македонии получают возможность дополнительной защиты национальных интересов от экстремистских болгарских геополитических формулировок, оспаривающих и македонскую нацию, и македонский язык, а следовательно — и македонскую государственность.

Инициатива «Открытые Балканы» особенно приемлема для Республики Албании, в которой виден реальный шанс для осуществления целей, определенных концепцией Великой Албании, что подразумевает политическое и функциональное объединение Республики Албании и всех территорий в соседних странах, в которых живет албанское население, — западной части Северной Македонии, Косово и Метохии, Южном Поморавлье (Южной Сербии), юго-восточной части Черногории (на Барском и Ульцинском побережьях) [7]. Все же инициатива «Открытые Балканы» не «вписывается» в интересы экстремистских албанских политических партий в Косово и Метохии, ибо они видят в ней реальную опасность в смысле стирания ключевых «успехов», которых они добились в плане достижения «независимости» лжегосударства Косово. Также сопротивление инициативе «Открытые Балканы» албанских политических партий из Косово и Метохии нужно толковать и через интересы США и Великобритании, никаким образом не поддерживающих

любое решение, которое странам Западных Балкан обеспечило бы какую бы то ни было форму независимости и свободной деятельности, допускающую более значительное политическое влияние России на Западных Балканах.

Для искусственной этногенной формы, этнонациональных черногорцев, инициатива «Открытые Балканы» также неприемлема по той причине, что в ее рамках они видят возможность формирования и действия «Сербского мира», ключевой угрозы национальным интересам Черногории [8; 9]. Также в «Сербском мире» официальные представители этнонациональных черногорцев видят потенциальный фактор, который мог бы «ставить под угрозу» ориентацию Черногории на Запад и «западные ценности». Все же речь идет исключительно о защите политических интересов этнонациональных черногорцев и их политических представителей [1; 10].

Инициатива «Открытые Балканы» неприемлема и для бошняков (мусульман) в Боснии и Герцеговине. В частности, подобно этнонациональным черногорцам, при коммунистическом строе искусственно сформированная этнонациональная форма *бошняки* в инициативе «Открытые Балканы» тоже видит угрозу со стороны «Сербского мира» и законных сербских национальных интересов. Эта угроза относится к концепции унитарной БиГ, которую продвигают все бошнякские политические партии и ведущие геополитические акторы Запада (США, Великобритания и большинство стран ЕС).

Для большей части хорватского народа в Боснии и Герцеговине инициатива «Открытые Балканы» практически ничего не значит, поэтому к ней они более или менее равнодушны. Исключением являются редкие политические партии хорватов в БиГ, которые отвергают Инициативу и таким образом выражают солидарность с экстремистскими бошнякскими политическими партиями ради того, чтобы с их поддержкой обеспечить участие в будущих органах власти после всеобщих выборов в БиГ в октябре 2022 г. Такая политика хорватских политических партий поддерживает концепцию унитарной БиГ, сторонниками которой являются все бошнякские политические партии наперекор интересам большей части хорватского народа в БиГ и их политических представителей.

В формальном смысле инициативе «Открытые Балканы», подписанной 8 июня 2022 г. в Охриде (Северная Македония) официальными представителями Сербии, Албании и Северной Македонии, причем в качестве наблюдателей присутствовали и официальные представители БиГ и Черногории, предшествовала подобная инициатива под названием «Малый Шенген», без всяких видимых результатов. Президент Сербии, председатель правительства Албании и премьер-министр Северной Македонии 10 октября 2019 г. в Нови-Саде подписали декларацию, которой устанавливается свободное перемещение людей, товаров, услуг и капитала на Западных Балканах. Босния и Герцеговина и Черногория получили приглашение присоединиться к этой «унии», в то время как в одностороннем порядке отсоединенный автономный край Косово и Метохия, то есть самопровозглашенное лжегосударство «Косово», после подписанных в Вашингтоне 4 сентября 2020 г. договоров о нормализа-

ции экономических отношений с Сербией, автоматически стало членом ассоциации «мини-Шенген» [3]. Оказалось, что упомянутые вашингтонские соглашения были лишь спектаклем для публики в постановке тогдашней американской администрации и что для албанских политических партий в Косово и Метохии не нашлось никаких оснований, чтобы принять соглашения и реализовать их на практике. Как уже известно, инициативу «мини-Шенген» не поддержала актуальная американская администрация. Также из узких геополитических (партийных) соображений от инициативы «мини-Шенген» отказались Черногория и БиГ, по тем же причинам, по которым сегодня они не принимают инициативу «Открытые Балканы».

### **Обсуждение результатов**

Вопреки тому, что вполне оправданно напрашивается умозаключение о возможных положительных эффектах инициативы «Открытые Балканы» в различных областях общественной практики и экономического развития, возможные геополитические последствия этой Инициативы для национальных интересов отдельных народов Западных Балкан являются достаточной причиной, чтобы отвергнуть ее на самом старте как абсолютно неприемлемую. В этом смысле инициатива «Открытые Балканы», как уже подчеркнуто, абсолютно неприемлема для политических представителей бошнякского народа в БиГ и этнонациональных черногорцев в Черногории. Определенные политические представители хорватского народа в БиГ к этой инициативе настроены отрицательно или «индифферентно», уверенные, что она не имеет реальной перспективы.

К инициативе «Открытые Балканы» влиятельные региональные и глобальные геополитические акторы относятся по-разному и преследуют различные интересы. В связи с этим почти незаметно Инициатива поддерживается ЕС. В частности, страны Западных Балкан, обремененные многочисленными проблемами, которым конца не видно, не являются респектабельными кандидатами на полноправное членство в ЕС. По этой причине любая форма интеграций стран Западных Балкан, которая разрядила бы их взаимоотношения и поспособствовала общей стабилизации стран этого пространства, была бы в интересах ЕС. Тем не менее напрашивается вопрос, было ли бы это и в интересах остальных геополитических игроков коллективного Запада в пространстве Западных Балкан. Собственно говоря, интересы коллективного Запада, определенные геополитическими целями глобализма, не едины, так как четко дифференцируются интересы США и Великобритании, ЕС и Ватикана. В противовес им стоят интересы России и Китая как глобальных геополитических акторов и интересы Турции как регионального геополитического актора с весьма наглядной амбицией стать глобальным геополитическим игроком.

Интересы коллективного Запада в пространстве Западных Балкан, хотя взаимно и несогласованные, по отношению к интересам России и Китая предстают весьма согласованными и подразумевают устранение и россий-

ских, и китайских геополитических и экономических интересов с этой территории. Старания коллективного Запада в смысле исключения России и ее влияния на Западных Балканах дополнительно поощрены актуальными событиями на Украине, конечная цель которых — сломать Россию и аннулировать ее сильнейшее влияние в рамках политики многополярного мира и усиления политики суверенитета международно признанных государств. В то же самое время старания коллективного Запада направлены на окончательное подавление жизненных сербских национальных интересов, касающихся Косово и Метохии, то есть суверенитета Сербии, упразднение конституционной юрисдикции Республики Сербской и ее растворение в концепции унитарной БиГ, разрыв единства Сербской православной церкви, еще более выраженную антисербскую и антирусскую деятельность официальной Черногории и т. п. По этим и подобным причинам интересы коллективного Запада, в первую очередь США и Великобритании как влиятельнейших геополитических игроков Запада, не подразумевают никакой формы интеграции государств Западных Балкан, в рамках которой укрепилось бы положение сербского народа.

В противовес интересам коллективного Запада стабильные Западные Балканы, в рамках которых все международно признанные государства сохранили бы суверенитет на всей государственной территории, а сербский народ реализовал законные национальные интересы, были бы в интересах России, чего коллективный Запад как раз не желает и последние тридцать лет пытается любым способом предотвратить.

Инициатива «Открытые Балканы», можно сказать, представляет интерес для Турции, которая пространство Западных Балкан рассматривает как законную сферу деятельности, в рамках которой она должна осуществить цели политики неоосманизма, в большой степени противоположной интересам России. Эта констатация относится и к интересам Турции в пространстве Кавказа, Ближнего Востока, Северной Африки, также в значительной степени противоположным интересам России [5].

Наконец, инициативу «Открытые Балканы» и ее «судьбу» нужно поставить в контекст исторических и современных интересов Ватикана на Балканах и всем пространстве православия. Эти интересы напрямую ориентированы на демонизацию и сербских, и русских национальных интересов, что, между прочим, подтверждается и актуальными событиями на Украине и более или менее откровенной поддержкой Святым Престолом властей в Киеве и их идеологических целей, основанных на политике нацизма и фашизма.

### **Заключение**

В нынешней геополитической обстановке инициатива «Открытые Балканы» не имеет никаких реальных шансов. Недаром возникает вопрос, что подтолкнуло Сербию запустить ее и с какими ожиданиями? Конечно, основная причина заключается в ожидаемом продвижении стабилизации политической обстановки на Западных Балканах и нормализации отношений между всеми

международно признанными государствами на этой территории. В таких предполагаемых условиях и положение сербского народа в некоторых государствах Западных Балкан было бы несколько лучше, чем сегодня, что могло бы в определенной степени сблизить политические позиции всех стран Западных Балкан с глобальными и региональными геополитическими акторами. Однако с точки зрения коллективного Запада такие ожидания Сербии неприемлемы, и это значит, что и инициатива «Открытые Балканы» в старте невозможна. Все же, несмотря на такое отношение коллективного Запада к инициативе «Открытые Балканы», как и к целому кругу вопросов Западных Балкан, причины ее запуска Сербией более чем понятны. Практически Сербия этой инициативой покупает время в ожидании нового перераспределения влияния на глобальном уровне. Большее влияние России и ее фактическое присутствие в Сербии были бы в национальных интересах Сербии и всего сербского народа на Западных Балканах и имели бы существенное значение. В ожидании новой геополитической карты мира Сербия должна высказать более решительную позицию и фактическую определенность относительно ценностей, которые Россия продвигает.

#### Список литературы

1. Гњато Р., Гајић М., Гњато О., Станојевић М. Геополитичка реалност у простору Западног Балкана // Гласник 19, ГД Републике Српске, Бања Лука. С. 59—79.
2. Гњато Р., Мишлицки-Томич Т. Современный геополитический контекст Западных Балкан с особым упором на влияние неосманизма // Материалы международной научной конференции (XII Ежегодная научная Ассамблея АРГО). Ижевск, 2021. С. 180—181.
3. Gnjato R. Ukrainian crisis im the context of global politics and the unipolar word and its implications on the Western Balkans. Sankt Peterburg, 2022.
4. Лобанов К. Западные Балканы и Сербия в ракурсе геополитического анализа современной ситуации в регионе. Годишњак, Универзитет у Београду, Факултет Политичких наука, Година XI, Број 18. Београд, 2017. С. 209—225.
5. Gnjato R., Gaić M., Gnjato O. Muslims/Bosniacs — A Factor Of Turkish (Neo-Ottoman) Influence in the Western Balkans Region // I. International Symposium on Post-Soviet Era Turkey-Russia Relations Proceedings Book. Institute of Turkish World Studies, Ege University, Izmir-Turkey, 2020. P. 217—229.
6. Гњато Р. Геополитички процеси и отворена питања новонасталих држава на географском простору бивше Југославије // Зборник радова Трећег конгреса српских географа. Бања Лука: Географско друштво Републике Српске, Природно-математички факултет Универзитета у Бањој Луци, 2011. С. 17—29.
7. Гњато Р. Западни Балкан — изазови и перспективе // Геополитички процеси у савременом Евроазијском простору : зборник радова са међународне научне конференције. Бања Лука : Географско друштво Републике Српске, Асоцијација руских друштвених географа и Природно-математички факултет Универзитета у Бањој Луци, 2017. С. 415—431.
8. Gnjato R., Stanojević M. Geopolitical consequences of artificial ethno-genesis in Former SFR Yugoslavia region // Herald. 2013. № 16. С. 1—24.

9. Гњато Р., Станоевич М., Панич Д. Искусственные этногенезы на просторах бывшей СФРЮ и их последствия // Эволюция общественно-географической мысли : материалы международной научной конференции. СПб., 2012. С. 241—248.

10. Gnjato R., Trbić G., Stanojević M. Geopolitical aspects of modern disintegration processes in west Balkan area // Processes of integration and Disintegration in the European and Eurasian Space: The Geographical Context. Poznanj, 2017. P. 185—197.

11. Avratov S. Postherojski rat zapada protiv Jugoslavije. Veternik: LDI, 1997.

12. Марковић М. Нови светски поредак. Геополитичка стварност Срба. Институт за геополитичке студије. Београд, 1977.

13. Грчић М. Геополитички смисао и бесмисао балканизације // Зборник радова: Србија и Република Српска у регионалним и глобалним процесима. Београд ; БањаЛука : ГФ Београд, ПМФ Бања Лука, 2013. С. 29—36.

14. Илић Ј. Геополитичке особености Балканског полуострва и српско питање — историјско-географски преглед // Зборник радова Војно-географског института. Београд, ВГИ, 1994. С. 65—68

15. Радовановић М. Западни Балкан као геополитички појам — етнонационални, демополитички и геодемографски концепт // Зборник радова: Србија и Република Српска у регионалним и глобалним процесима. Београд-БањаЛука : ГФ Београд, ПМФ Бања Лука, 2007. С. 13—16

#### *Об авторе*

*Рајко Гњато*, председатель Географического общества Республики Сербской, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной географии, Университет в Бани-Луке, Республика Сербская, Босния и Герцеговина.

E-mail: gnjator@pmfbl.org

#### *The author*

*Prof Raiko Gnjato*, Chairman of the Geographical Society of Republika Srpska; Head of the Department of Regional Geography, University of Banja Luka, Faculty of Natural Sciences and Mathematics, Republic of Srpska, BiH.

E-mail: gnjator@pmfbl.org

**Г. М. Федоров**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

## **РАЗВИТИЕ БАЛТИЙСКИХ СУБЪЕКТОВ РФ И ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ИХ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ**

*Аннотация. Балтийские субъекты Российской Федерации — Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области — играют важную роль в экономике страны. Цель статьи — на основе анализа официальной статистической информации показать динамику их развития и изменения во внешнеторговых связях в ответ на санкционную политику стран Запада. Приведены доводы в пользу постепенного их превращения в «международные коридоры развития», обеспечивающие значительную часть российских внешних связей не только со странами Европы, но и вне нее. Диверсификация связей способствует тому, что они развиваются быстрее большинства других регионов страны.*

*Annotation. The Baltic subjects of the Russian Federation — St. Petersburg, Leningrad and Kaliningrad regions play an important role in the country's economy. The purpose of the article is, based on the analysis of official statistical information, to show the dynamism of their development and changes in foreign trade relations in response to the sanctions policy of Western countries. Arguments are given in favor of their gradual transformation into "international corridors of development", providing a significant part of Russian external relations not only with European countries, but outside of it. The diversification of ties contributes to the fact that they develop faster than most other regions of the country.*

**Ключевые слова:** балтийские субъекты, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калининградская область

**Keywords:** Baltic subjects, Russian Federation, St. Petersburg, Leningrad region, Kaliningrad region

На побережье Балтийского моря расположены три субъекта Российской Федерации: Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области. Приморское положение является общим и весьма важным фактором их развития. Все три субъекта имеют признаки особого типа регионов — международных коридоров развития [6], обеспечивая коммуникации между Россией и зарубежными странами и участвуя в формировании транснациональных цепочек создания добавленной стоимости, особенно в производстве товаров и туризме [1; 2; 11; 13].

Санкт-Петербург, кроме того, обладает такими специфическими факторами развития, как а) присущая мегаполису с более чем пятиmillionным населением концентрация экономики и социальной сферы и б) уникальное социально-культурное наследие, созданное в течение двухвекового выполне-

ния функций столицы огромной империи. Вместе с Ленинградской областью Санкт-Петербург образует единую территориальную социально-экономическую систему, которая во многих отношениях развивается как единое целое [1].

Калининградская область отличается исключительно большой ролью эксклава географического положения, для компенсации которого потребовалось создать специальные и меняющиеся с течением времени механизмы Особой экономической зоны и федеральных целевых программ (с 2013 г. Государственной программы), а также обеспечивать поддержку региона в рамках межбюджетных отношений. Сильная зависимость экономического развития эксклава от внешних факторов обусловила пониженные темпы его развития в кризисные годы, но более высокие — в благоприятные для экономического развития периоды [3].

В таблице 1 приведены данные об изменениях динамики ВРП трех рассматриваемых регионов в сравнении со средними по субъектам РФ в 1996—2019 гг. 1996—1998 гг. — последние годы кризиса 1990-х гг., что отражает падение ВРП, при этом в балтийских регионах падение отмечается более сильное по сравнению со средним уровнем по РФ и особенно большое — именно в Калининградской области. В период экономического подъема 1998—2014 гг. (с менее глубоким кризисом 2009 г.) во всех трех балтийских регионах ВРП быстро возрастал, причем более высокими темпами по сравнению со средними по стране показателями. В 2014—2019 гг., в условиях возрастающего санкционного давления стран Запада, темпы роста ВРП Калининградской области стали лишь немного выше средних по РФ, тогда как в Санкт-Петербурге и, особенно, в Ленинградской области они оказались существенно выше.

Таблица 1

**Динамика ВРП балтийских субъектов РФ в сравнении  
со средними показателями по регионам России**

Регион	1998, % к 1996	2014, % к 1998	2019, % к 2014
Российская Федерация	94,7	218	106,6
Санкт-Петербург	93,4	280	110,4
Ленинградская область	91,0	321	116,2
Калининградская область	86,4	292	107,9

*Источник:* составлено на основе данных: [8—10].

Еще более четко описанные выше зависимости проявляются при анализе динамики промышленного производства (табл. 2). В эксклавной Калининградской области спад в 1990-е гг. привел к почти полному прекращению выпуска промышленной продукции, объемы производства которой в 1998 г. составили только 18% от уровня 1991 г. Зато рост производства в 1998—2014 гг. здесь был выше, чем в двух других регионах (а в них, особенно в Ленинградской области, — выше, чем в среднем по РФ). Ухудшение внешних

геополитических условий развития в 2014—2021 гг. привело к некоторому падению производства в Калининградской области, тогда как в двух других регионах темпы роста были выше средних по стране (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика промышленного производства балтийских субъектов РФ в сравнении со среднероссийскими показателями**

Регион	1998, % к 1991	2014, % к 1998	2021, % к 2014
Российская Федерация	48	188	117
Санкт-Петербург	27	196	120
Ленинградская область	56	354	122
Калининградская область	18	763	96

Источник: составлено на основе данных: [4].

Выполнение функций международных коридоров развития, как можно судить из анализа данных таблицы 3, стало нарастать после 2000 г.: их удельный вес в обслуживании российской внешней торговли стал возрастать. Удельный вес трех регионов в совокупности рос до 2015 г., а в Санкт-Петербурге — до конца рассматриваемого периода (2021).

Таблица 3

**Удельный вес балтийских субъектов РФ во внешнеторговом обороте России в 1998—2021 гг., %**

Регион	1998	2000	2005	2010	2015	2021
Калининградская область	1,0	0,9	1,4	1,4	2,0	1,4
Ленинградская область	2,0	1,9	2,7	2,3	2,5	1,6
Санкт-Петербург	3,9	3,8	4,4	5,8	6,8	7,1
<i>Всего</i>	6,9	6,5	8,5	9,5	11,4	10,1

Источник: составлено на основе данных: [5; 7—10; 12].

Таблица 4 отражает изменения, происшедшие за 2014—2021 гг. в удельном весе трех регионов в российском экспорте, импорте и внешнеторговом обороте. И в обороте, и в экспорте и импорте доля Санкт-Петербурга и Калининградской области возросла, а также доля трех регионов в совокупности, а Ленинградской области — сократилась.

Таблица 4

**Удельный вес балтийских субъектов РФ во внешней торговле России в 2014 и 2021 гг., %**

Регион	Удельный вес в РФ		
	Экспорт	Импорт	Оборот
2014			
Калининградская область	0,24	1,51	0,71
Ленинградская область	3,12	1,47	2,52
Санкт-Петербург	3,07	1,75	2,58
<i>Всего</i>	6,43	4,74	5,81

Окончание табл. 4

Регион	Удельный вес в РФ		
	Экспорт	Импорт	Оборот
2021			
Калининградская область	0,48	2,88	1,40
Ленинградская область	1,69	1,43	1,59
Санкт-Петербург	6,05	8,76	7,08
<i>Всего</i>	8,23	13,08	10,08

Источник: составлено на основе данных: [5; 7—10; 12].

В 2014—2021 гг. значительно уменьшилась роль зарубежных стран Балтийского макрорегиона во внешней торговле Санкт-Петербурга и Калининградской области. В Ленинградской области сократилась их доля в импорте, но за счет роста в экспорте возрос и удельный вес в товарообороте. В совокупности по трем регионам значительное сокращение коснулось всех трех показателей (табл. 5).

Таблица 5

**Удельный вес стран Балтийского макрорегиона во внешней торговле  
балтийских субъектов РФ в 2014 и 2021 гг., %**

Регион	Удельный вес зарубежных стран Балтийского региона		
	Экспорт	Импорт	Оборот
2014			
Калининградская область	73,1	20,8	32,1
Ленинградская область	17,6	28,7	20,0
Санкт-Петербург	37,0	13,6	31,2
<i>Всего</i>	28,9	20,6	26,5
2021			
Калининградская область	25,0	12,0	14,8
Ленинградская область	27,7	21,3	25,5
Санкт-Петербург	17,1	15,5	16,4
<i>Всего</i>	19,8	15,4	17,6

Источник: составлено на основе данных: [5; 7—10; 12].

Таблицы 6 и 7 более подробно характеризуют происшедшие изменения в географии внешнеэкономических связей трех балтийских регионов России. Так, количество зарубежных стран Балтийского макрорегиона, входивших в первую десятку стран по объемам товарооборота, в Санкт-Петербурге уменьшилось с 4 до 2, в Ленинградской области — с 4 до 3. В Калининградской области их число сократилось с 3 до 2 (причем Германия, занимавшая в 2014 г. в торговле с Калининградской областью первое место, в 2021 г. оказалась на седьмом месте).

## Первые 10 стран по объему внешнеторгового оборота Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2014 и 2021 гг.

Страна	Санкт-Петербург			Ленинградская область		
	Доля, 2014*	Страна	Доля, 2021*	Страна	Доля, 2014*	Страна
Нидерланды	12,3	<b>Китай</b>	15,8	<b>Нидерланды</b>	46,4	Китай
<b>Германия</b>	11,1	<b>Германия</b>	13,7	Сингапур	13,5	<b>Финляндия</b>
Эстония	7,8	<b>США</b>	7,4	Великобритания	12,3	Эстония
Великобритания	6,5	Белоруссия	6,1	<b>США</b>	5,9	<b>Нидерланды</b>
<b>Финляндия</b>	5,9	Республика Корея	5,3	Дания	4,5	<b>Германия</b>
<b>Китай</b>	5,9	<b>Япония</b>	4,6	<b>Финляндия</b>	3,8	<b>США</b>
<b>Япония</b>	5,3	Индия	4,2	Бельгия	2,1	Бразилия
<b>Италия</b>	4,1	<b>Италия</b>	3,1	Швеция	1,9	Казахстан
<b>США</b>	4,0	<b>Финляндия</b>	2,8	<b>Германия</b>	1,7	Бельгия
Латвия	3,7	Франция	2,5	Франция	1,1	Белоруссия
<i>Всего</i>	66,7	<i>Всего</i>	65,4	<i>Всего</i>	93,2	<i>Всего</i>

Примечание: \* Удельный вес во внешнеторговом обороте региона, %; полужирным шрифтом выделены страны, входившие в «десятку» в 2014 г., и в 2021 г.

Таблица 7

**Первые 10 стран по объему внешнеторгового оборота  
Калининградской области, 2014 и 2021 гг.**

Калининградская область			
Страна	Доля, 2014*	Страна	Доля, 2021*
<b>Германия</b>	20,9	<b>Республика Корея</b>	21,7
<b>Китай</b>	18,7	<b>Китай</b>	9,4
Великобритания	7,3	Белоруссия	6,6
Эстония	4,3	Бразилия	6,5
Швейцария	3,9	Парагвай	5,1
<b>Польша</b>	3,6	<b>Словакия</b>	5,1
<b>Словакия</b>	3,4	<b>Германия</b>	5,0
<b>Республика Корея</b>	3,2	<b>США</b>	4,5
<b>США</b>	3,1	Норвегия	4,1
Индия	3,0	<b>Польша</b>	3,4
<i>Всего</i>	71,4	<i>Всего</i>	71,4

*Источник:* составлено на основе данных: [5; 12].

*Примечание:* \* Удельный вес во внешнеторговом обороте региона,%; полужирным шрифтом выделены страны, входившие в «десятку» и в 2014 г., и в 2021 г.

Значительно возросла доля таких неевропейских стран, как Китай (занявший в 2021 г. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области первое место, в Калининградской области — второе), Республика Корея (первое место — в Калининградской области, пятое — в Санкт-Петербурге), Индия (в Санкт-Петербурге), Бразилия (в Ленинградской и Калининградской областях), Парагвай (в Калининградской области). Вошли в «десятку» страны Таможенного союза: во всех трех регионах Беларусь, в Ленинградской области — Казахстан.

Таким образом, балтийские регионы России, эффективно используя благоприятные факторы развития и преодолевая возникающие внешние трудности, развиваются более динамично по сравнению с большинством субъектов РФ. В ответ на санкционную политику стран Запада, включая зарубежные государства Балтийского макрорегиона, происходит географическая диверсификация внешнеэкономических связей трех регионов, которые становятся «окнами» не столько в Европу, сколько в весь внешний мир. Важную роль в их развитии должна играть взаимная кооперация в различных видах экономической деятельности, развитие между Калининградом и двумя другими регионами интенсивного транспортного сообщения (особенно морского и воздушного), формирование территориально распределенных отраслевых и межотраслевых кластеров и включение Калининградской области в единую территориальную социально-экономическую систему с двумя другими балтийскими регионами России.

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке проекта РНФ №22-27-00289 «Обоснование реструктуризации международных связей и мер обеспечения военно-политической безопасности российских регионов на Балтике в условиях углубления геополитических противоречий».*

### **Список литературы**

1. Анохин А. А., Федоров Г. М. О формировании регионов — международных коридоров развития в западном порубежье России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. Т. 64, №4. 2019. С. 545—558. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2019.403>.

2. *Западное порубежье России: моделирование развития и обеспечение экономической безопасности* : монография / ред. Г. М. Федоров. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020.

3. *Индекс промышленного производства по субъектам Российской Федерации*. URL: <https://rosstat.gov.ru> > mediabank > ind\_prom\_sub (дата обращения: 29.07.2022).

4. *Зверев Ю. М., Федоров Г. М.* Калининградские альтернативы: 25 лет спустя. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020.

5. *Калининградская областная таможня*. URL: <https://koblt.customs.gov.ru/statistic/vneshnyaya-torgovlya-kaliningradskoj-oblasti> (дата обращения: 15.06.2022).

6. *Клемешев А. П., Федоров Г. М.* От изолированного эксклава — к «коридору развития». Альтернативы российского эксклава на Балтике. Калининград : Изд-во Калинингр. ун-та, 2004.

7. *О внешней торговле в 2021 году*. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26\\_23-02-2022.html](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.html) (дата обращения: 29.07.2022).

8. *Регионы России*. 2002. М. : Госкомстат, 2002.

9. *Регионы России*. 2011. М. : Росстат, 2002.

10. *Регионы России*. 2021. М. : Росстат, 2021.

11. *Российская Балтика и Балтийский регион* / ред. В. М. Разумовский. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2017.

12. *Северо-Западное таможенное управление*. URL: <https://sztu.customs.gov.ru/folder/147129> (дата обращения: 15.06.2022).

13. *Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеев В. С.* Россия на Балтике: 1990—2012 годы. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013.

### **Об авторе**

*Геннадий Михайлович Федоров*, доктор географических наук, профессор, директор Центра геополитических исследований Балтийского региона Института геополитических и региональных исследований БФУ им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: GFedorov@kantiana.ru

### **The author**

*Prof Gennady M. Fedorov*, Director of the Center for Geopolitical Research of the Baltic Region, Institute of Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: GFedorov@kantiana.ru

**В. И. Часовский**

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)*

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ СУБЪЕКТОВ  
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИИ  
ПО ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИМ ФАКТОРАМ  
ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ**

*Аннотация. Дана комплексная экономико-географическая характеристика факторов инвестиционной привлекательности федерального округа. Выявлены региональные сходства и различия субъектов, показана дифференциация по нескольким критериям оценки современного состояния региональной экономики. Предложена типология субъектов округа по экономико-географическим факторам инвестиционной привлекательности.*

*Annotation. The article gives a comprehensive economic and geographical characteristics of the factors of investment attractiveness of the federal district. Regional similarities and differences of subjects are revealed, differentiation is shown according to several criteria for assessing the current state of the regional economy. A typology of the subjects of the Okrug according to the economic and geographical factors of investment attractiveness is proposed.*

**Ключевые слова:** инвестиционная привлекательность, регион, фактор, федеральный округ, субъект

**Keywords:** investment attractiveness, region, factor, federal district, subject

Проводить оценку инвестиционной привлекательности регионов экономисты и экономико-географы начали со второй половины 60-х гг. XX в. За последние десятилетия сущность инвестиционной привлекательности региона рассматривали А. Ю. Кособуцкая и А. В. Равуанжинирова [1], А. Г. Калачева [2], Р. А. Хуснуллин [3], В. В. Литвинова [4], Ю. С. Емельянов [5], О. Н. Устюжина [6], А. Н. Асаул [7], Л. В. Субботина [8], И. Н. Гришина [9] и многие другие.

Проведя анализ множества научных определений инвестиционной привлекательности и инвестиционного климата регионов, наиболее оптимальными считаем следующие: инвестиционная привлекательность — это характеристика условий региона, которая позволяет грамотно использовать инвестиции, а инвестиционный климат — это комплекс возможных рисков и угроз при вложении инвестиций в регион и его отдельную отрасль [7; 9—11].

Для формирования в регионе инвестиционной привлекательности наибольшее значение все же имеют количественные факторы: фактор покупательной способности населения; экономико-географического положения и развития инфраструктуры региона; трудовых ресурсов и уровня образования; природно-ресурсного потенциала; уровня подъема (спада) экономики, тенденции формирования ВРП и другие, потому что анализ именно этих критериев оценки дает числовые значения, которые чаще используются инвесторами для ориентирования и принятия решения относительно объекта инвестиций [4; 10; 12; 13].

Основными направлениями в инвестиционной оценке служат экспертный, рейтинговый и статистический методы. Экспертный метод заключается в определении экспертной оценки региона, проведенной по различным показателям. Рейтинговый метод состоит из двух вариаций: проведение опросов субъектов экономической деятельности региона или рейтингово-аналитическая концепция (анализ условий существования и развития региона, их группировка и формирование интегрального показателя). Статистический метод базируется на анализе статистических данных относительно количества инвестиций, поступающих в регион [1; 3; 6; 8].

Основными экономико-географическими факторами, которые оказывают влияние на инвестиционную привлекательность Северо-Западного федерального округа, являются экономико-географическое положение, природно-ресурсный потенциал, человеческий и производственный капитал.

Проводя краткую оценку факторов инвестиционной привлекательности региона, отметим, что экономико-географическое положение Северо-Западного ФО достаточно благоприятно ввиду наличия выхода к морям (Белому, Баренцеву, Карскому, Балтийскому), стран-соседей из Северной и Центральной Европы, удобного транспортно-географического положения. Недостатком являются суровые климатические условия, которые усложняют и удорожают ведение хозяйства и транспортную доступность отдельных территорий.

Природно-ресурсный потенциал СЗФО отличается достаточно богатым разнообразием, но распределение его по субъектам неравномерно. По густоте автомобильных и железнодорожных дорог СЗФО занимает 5-е место среди остальных федеральных округов России. Степень износа основных фондов находится на среднем уровне относительно среднероссийских показателей и других федеральных округов, но среднее значение износа по отдельным категориям фондов составляет примерно 40% и почти половину от всех основных фондов СЗФО, что говорит о серьезной степени износа имеющегося производственного капитала.

Субъекты СЗФО дифференцированы по восьми экономико-географическим факторам инвестиционной привлекательности, таким как: а) наличие разнообразного природно-ресурсного потенциала; б) динамика ВРП и инвестиций в основной капитал региона; в) степень износа основных фондов; г) уровень безработицы; д) размер заработной платы; е) количество обучающихся по программам высшего образования; е) густота автомобильных дорог с твердым покрытием общего пользования.

По природно-ресурсному потенциалу и его разнообразию, в сравнении с другими субъектами СЗФО, относительно бедными являются Псковская, Ленинградская, Новгородская, Калининградская и Вологодская области, город Санкт-Петербург. Богатым природно-ресурсным потенциалом обладают Мурманская область, Республика Коми и Карелия.

Все субъекты СЗФО имеют положительную динамику ВРП. Степень износа основных фондов по всем видам экономической деятельности в федеральном округе в среднем составляла в 2019 г. 42,1% [13]. Ниже среднего по округу значения показатели отмечаются в Санкт-Петербурге, Новгородской, Ленинградской и Калининградской областях, в Республике Карелия, у остальных субъектов степень износа выше среднего. В рейтинге по степени износа основных фондов лидирует Республика Коми, а регионы с наименьшими показателями износа основных фондов — Санкт-Петербург и Калининградская область. Положительная динамика инвестиций в основной капитал наблюдается у Республики Карелия, Вологодской, Мурманской и Псковской областей.

Среднее по округу значение численности студентов, обучающихся по программам высшего образования, в 2019 г. было 42,8 тыс. человек. Показатели выше средних значений имел только Санкт-Петербург. Лидером среди субъектов округа по численности студентов, которые обучаются по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих и специалистов среднего звена и высшего звена, является Санкт-Петербург [13].

Среднее значение заработной платы в СЗФО в 2019 г. составляло 53 509 рублей. К регионам, у которых заработная плата выше средней, относятся Санкт-Петербург, Республика Коми, Архангельская и Мурманская области, остальные субъекты имеют показатели ниже средних региональных значений. Лидеры по размеру средней заработной платы внутри округа — Санкт-Петербург и Мурманская область, а регионы с наименьшей размером зарплаты — Псковская и Новгородская области. Среднее значение безработицы по округу в 2019 г. было 28,9 тыс. человек, показатели ниже среднего значения отмечены у Республик Карелия и Коми, Вологодской, Калининградской, Мурманской, Новгородской и Псковской областей. По численности безработного населения в СЗФО лидируют Архангельская и Ленинградская области, а также Санкт-Петербург [13].

В рейтинге субъектов округа первое место по плотности автомобильных дорог занимает Санкт-Петербург, за ним следует Калининградская область. Последнее место принадлежит Республике Коми. Среднее значение густоты автомобильных дорог с твердым покрытием в СЗФО составляет 400,5 км на 1000 км<sup>2</sup> территории. Субъекты, имеющие показатели выше среднего по округу значения, — Санкт-Петербург и Калининградская область [13].

Таким образом, проведя анализ данных по субъектам Северо-Западного федерального округа по восьми выделенным нами экономико-географическим факторам инвестиционной привлекательности, можно предложить ти-

пологию инвестиционной привлекательности субъектов СЗФО. Сразу отметим, что в федеральном округе нет субъектов, которые удовлетворяли бы всем восьми критериальным факторам оценки. Между тем к первому типу субъектов СЗФО, которые соответствуют пяти инвестиционным факторам, относятся город Санкт-Петербург, Мурманская область, Республика Карелия. Ко второму типу, выделяемому по четырем критериальным факторам, — Республика Коми и Калининградская область. К третьему типу, имеющему только три инвестиционных фактора, — Псковская, Новгородская и Вологодская области. К четвертому типу, выделяемому по двум факторам инвестиционной привлекательности, относятся Архангельская и Ленинградская области.

**Вывод:** в результате проведенного исследования и предложенной типологии субъектов СЗФО можно констатировать, что к субъектам, которые являются наиболее инвестиционно привлекательными, следует отнести город Санкт-Петербург, Калининградскую и Мурманскую области, Республику Коми и Карелию.

#### Список литературы

1. Кособуцкая А. Ю., Равуанжинирова А. В. Основные подходы к определению понятий «инвестиции», «инвестиционная привлекательность» и «инвестиционный климат региона» // Управление изменениями в социально-экономических системах : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Вып. 17 / под ред. Ю. И. Трещевского, Г. В. Голиковой. Воронеж : Истоки, 2018. С. 92—103.
2. Калачева Г. Показатель инвестиционной привлекательности региона как внешний фактор инвестиционной привлекательности 111 предприятия // Инновационная экономика : матер. II междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2015 г.). Казань : Бук, 2015.
3. Хуснуллин Р. Методики оценки инвестиционной привлекательности регионов // Вестник Казанского технологического университета. 2009. № 5.
4. Литвинова В. В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона : монография. М. : Финансовый университет, 2013.
5. Емельянов Ю. С., Леонова Ю. Ю. О показателях оценки инвестиционной привлекательности регионов России // Управленческие науки в современном мире. 2016. Т. 2, № 2. С. 501—506.
6. Устюжина О. Н., Хусаинова С. В. Анализ подходов и методов оценки инвестиционной привлекательности регионов // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2013. № 2 (120). С. 92—99.
7. Асаул А. Н., Посяда Н. И. Инвестиционная привлекательность региона. СПб., 2014.
8. Субботина Л. В., Головина С. Г. Методологические подходы к оценке инвестиционной привлекательности территорий (Российская наука и практика) // Вестник Курганской ГСХА. 2014. № 3. С. 13—18.
9. Гришина И. Н., Шахназаров А. В., Ройзман И. С. Комплексная оценка инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности российских регионов: методика определения и анализ взаимосвязей // Инвестиции в России. 2011. № 4. С. 118—120.

10. *Алексеев В.Н.* Эволюция понятия «инвестиционный климат» в переходной экономике России // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18, № 1. С. 173—179. URL: [https://www.urvak.ru/upload/Alekseev/EPLP%201\\_2022\\_Alekseev%20VN.pdf](https://www.urvak.ru/upload/Alekseev/EPLP%201_2022_Alekseev%20VN.pdf) (дата обращения: 14.02.2022).

11. *Методика* составления рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России // Эксперт РА. Рейтинговое агентство. URL: <http://raexpert.ru/ratings/regions/concept/> (дата обращения: 12.10.2021).

12. *Журавлёва Г.П.* Капитал: сущность и формы. Кругооборот и оборот капитала // Экономика : учебник. М. : Юристь, 2001.

13. *ЕМИСС* — Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicators/search?searchText=%D1%80%D1%8B%D0%B1%D0%B0> (дата обращения: 23.03.22).

### ***Об авторе***

*Владимир Иванович Часовский*, доктор географических наук, доцент, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: [prof.chasovsky@mail.ru](mailto:prof.chasovsky@mail.ru)

ORCID: 0000-0001-7028-5855

### ***The author***

*Prof Vladimir I. Chasovskiy*, Associate Professor, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: [prof.chasovsky@mail.ru](mailto:prof.chasovsky@mail.ru)

ORCID: 0000-0001-7028-5855

УДК 911.9

**Н. С. Белов, Т. В. Шаплыгина, А. Р. Данченков, И. И. Волкова**  
Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

### ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ ШТОРМОВ 2022 ГОДА НА БАЛТИЙСКУЮ КОСУ (1-й км)

*Аннотация. Штормовая активность в береговой зоне Балтийского моря в зимний период 2022 г. сопровождалась значительными разрушениями отдельных участков. Особенно выделяется шторм «Надя», так называемый ныряющий циклон, который обрушился на побережье в конце января 2022 г. и принес с собой множественные разрушения в береговой зоне. На рассматриваемом в работе участке протяженностью 1 км в районе пос. Коса отмечены значительные потери песчаного материала, в результате чего потребовалось создание берегозащитных сооружений.*

*Annotation. Storm activity in the Baltic Sea coastal zone during the winter of 2022 was accompanied by significant destruction of some areas. The storm "Nadia", a so-called "diving" cyclone, which struck the coast at the end of January 2022 and brought with it multiple destructions in the coastal zone, stands out in particular. In the 1 km section considered in this work, in the area of the settlement Kosa, significant losses of sand material were noted, which resulted in the need for shore protection structures.*

**Ключевые слова:** БПЛА, фотограмметрия, сканирование, разрушение, авандюна

**Keywords:** UAV, photogrammetry, TLS, destruction, foredune

Данные и информация, полученные с беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), могут быть использованы как для оперативного мониторинга происходящих изменений, так и для комплексного управления прибрежной зоной (КУПЗ). Разрешающая способность камер дронов позволяет получать более качественные снимки, чем со спутников. Простота использования технологии БПЛА и высокое качество данных делают эту технологию эффективным инструментом оценки краткосрочных изменений в береговой зоне, а также мониторинга уязвимости побережья.

Система «пляж — приморский дюнный грядовый комплекс» — это первая линия защиты внутренних участков косы от ветро-волнового воздействия. Степень ее эффективности зависит от:

- ширины пляжа;
- сложности морфологической и структурной организации приморского дюнного грядового комплекса;
- степени закрепления растительным покровом.

Изменения ширины пляжа влияют на процесс переноса осадочного материала в сторону дюнных гряд и характер его аккумуляции. Штормовая активность может привести к быстрой деградации авантюны на отдельных участках и повышению уязвимости к разрушению остальной части приморского дюнного грядового комплекса. Таким образом, динамика береговой линии требует повышенного внимания со стороны КУПЗ. Сам процесс развития и разрушения авандюны хорошо иллюстрируется в работах [1; 2] (рис. 1).

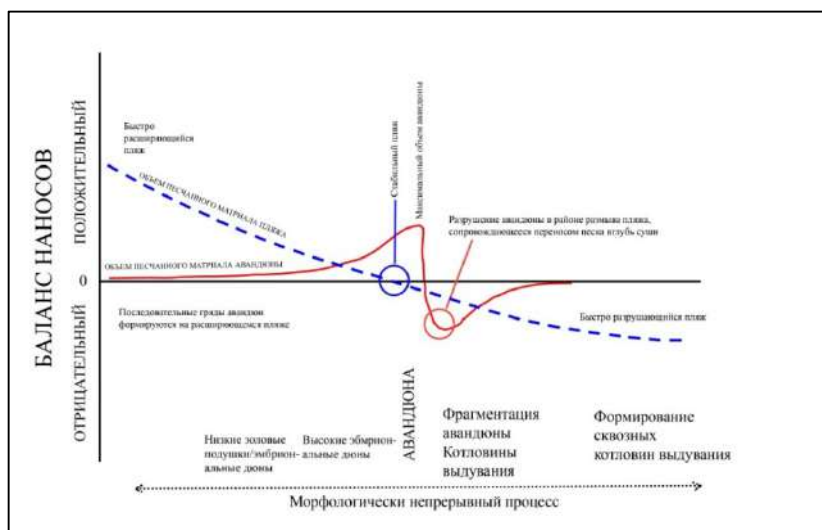


Рис. 1. Развитие системы «пляж — приморский дюнный грядовый комплекс»

Составлено на основе [1; 2].

Исследуемый участок находится на 1-м км Балтийской (Вислинской) косы в районе пос. Коса. Шторм «Надя» (январь 2022 г.) пришел на территорию Калининградской области не традиционно с запада, а по поднырывающей траектории и обрушился с севера, увеличив свои показатели с 23—24 м/с до 27—28 м/с. Рассматриваемый участок является «болевой точкой» Балтийской косы, поскольку после завершения модернизации инфраструктуры Калининградского судоходного канала стал претерпевать существенные изменения. Исследования БФУ им. И. Канта на данном участке ведутся с 2012 г. (табл.).

**Динамика характеристик пляжа и авандюны на участке 1-го км Балтийской косы**

Показатель	2012	2022
Ширина пляжа максимальная, м	35,5	32,1
Ширина пляжа минимальная, м	10,6	1
Высота авандюны максимальная, м	4,5	4
Высота авандюны минимальная, м	2,1	1,5

Окончание табл.

Показатель	2012	2022
Объем авантюны минимальный (на 25 м длины), м <sup>3</sup>	88	72
Объем авантюны максимальный (на 25 м длины), м <sup>3</sup>	755	690
Объем авантюны средний (на 25 м длины), м <sup>3</sup>	520	490



Рис. 2. Участки с разной степенью проявления экзогенных процессов (первые 500 м Балтийской косы)

Полученные за период 2012—2022 гг. данные свидетельствуют о негативных изменениях пляжа и приморского дюнного грядового комплекса на исследуемом участке. На всем его протяжении наблюдается снижение ширины пляжа. Вместе с тем в 2012 г. на отдельных участках отмечено формирование системы «бухта — мыс», а в 2022 г. такого явления не наблюдалось вообще. Минимальное значение ширины пляжа отмечается в районе Шведской крепости, где не только сократилась пляжевая зона до 1 м, но и средние глубины в приурезовой части моря выросли с 0,5 до 3 м. В результате воздействия шторма «Надя» и предшествующих ему штормов потери песчаного материала авантюны составили в среднем 0,3 м<sup>3</sup> на 1 м протяженности на наветренном склоне. Совокупные потери песчаного материала на рассматриваемом участке протяженностью 980 м достигли 294 м<sup>3</sup>, или 530 т. При оценке воздействия были выделены несколько участков с наиболее активными экзогенными процессами на первых 500 м Балтийской косы (рис. 2).

В районе Шведской крепости традиционно выделяется участок № 1 (рис. 2) с полностью разрушенной авантюной, на котором отмечается заток морских вод на прилегающую территорию. На участке № 2 наблюдаются значительные потери песчаного материала, отсутствие золотых подушек, разрушение наветренного склона авантюны. На участке № 3 — ак-

тивизация гравитационных процессов, выражающаяся в обрушении склона и выравнивании угла наклона. Этот процесс можно отнести к условно положительному, поскольку перемещение песчаного материала с привершинных участков наветренного склона к основанию авандюны способствует формированию подобия эоловых подушек, поэтому можно говорить о возможности восстановления [3—5]. Наши собственные наблюдения [6; 7] и работы коллег [8] позволяют предположить частичное восстановление авандюны в течение 5—7 лет при условии отсутствия ветровой активности более 23—24 м/с.

### Список литературы

1. *Psuty N.P.* The coastal foredune: a morphological basis for regional coastal dune development // *Coastal Dunes*. Springer, 2008. P. 11—27.
2. *Wijnberg K., Poppema D., Mulder J. et al.* Beach-dune modelling in support of Building with Nature for an integrated spatial design of urbanized sandy shores // *Research in Urbanism Series*. 2021. Vol. 7. P. 241—260.
3. *Davidson-Arnott R. G. D.* Conceptual model of the effects of sea level rise on sandy coasts // *Journal of Coastal Research*. 2005. Т. 21, № 6. P. 1166—1172.
4. *Davidson-Arnott R., Bauer B., Houser C.* Introduction to coastal processes and geomorphology. Cambridge University Press, 2019.
5. *Houser C., Hamilton S.* Sensitivity of post-hurricane beach and dune recovery to event frequency // *Earth Surface Processes and Landforms*. 2009. Vol. 34, № 5. P. 613—628.
6. *Белов Н. С., Данченков А. Р., Волкова И. И., Шаплыгина Т. В.* Природный и антропогенный факторы в формировании дюнно-грядового комплекса (на примере участка Балтийской косы в районе горы Шведская) // *Балтийский регион — регион сотрудничества — 2019*. Калининград, 2020. С. 365—372.
7. *Волкова И. И., Белов Н. С., Шаплыгина Т. В.* Трансформация природных комплексов в районе рекреационных зон Национального парка «Куршская коса» // *Ландшафтоведение и ландшафтная экология: коадаптация ландшафта и хозяйственной деятельности*. Симферополь, 2020. С. 170—175.
8. *Silva F. G., Wijnberga K.M., de Grootb A.V. et al.* The effects of beach width variability on coastal dune development at decadal scales // *Geomorphology*. 2019. Т. 329. P. 58—69.

### Об авторах

*Николай Сергеевич Белов*, кандидат географических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: [belovns@gmail.com](mailto:belovns@gmail.com)

ORCID: ID 0000-0003-2350-3690

*Татьяна Владимировна Шаплыгина*, кандидат географических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: [TShaplygina@gmail.com](mailto:TShaplygina@gmail.com)

*Александр Романович Данченков*, кандидат географических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: [aldanchenkov@mail.ru](mailto:aldanchenkov@mail.ru)

*Ирина Игоревна Волкова*, кандидат географических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: volkova.bfu@yandex.ru

***The authors***

*Dr Nikolai S. Belov*, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: belovns@gmail.com

ORCID: ID 0000-0003-2350-3690

*Dr Tatiana V. Shaplygina*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: TShaplygina@gmail.com

*Dr Alexander R. Danchenkov*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: aldanchenkov@mail.ru

*Dr Irina I. Volkova*, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: volkova.bfu@yandex.ru

**Е. П. Зимовина**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

## **ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

*Аннотация. Рассматриваются ценностные установки калининградской молодежи в русле концепции устойчивого развития. Источниками информации послужили стенограммы фокус-групп, проведенных с людьми в возрасте 18—35 лет. На основе данных материалов был определен круг базовых ценностей современной молодежи, сформулированы факторы их формирования и выявлены аспекты влияния на процесс устойчивого развития.*

*Annotation. The article examines the values of Kaliningrad youth in line with the Concept of Sustainable Development. The sources of information were transcripts of focus groups conducted with people aged 18—35 years. Based on these materials, a range of basic values of modern youth was determined, the factors of their formation were formulated and aspects of their impact on the process of sustainable development were identified.*

**Ключевые слова:** Калининград, молодежь, ценности, устойчивое развитие

**Keywords:** Kaliningrad, Youth, values, sustainable development

Как известно, устойчивое развитие — это развитие, при котором удовлетворение потребностей нынешних поколений осуществляется без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Данная формулировка впервые появилась в 1987 г. в докладе Комиссии ООН по окружающей среде и развитию. Ключевой идеей устойчивого развития является рассмотрение его как баланса между потребностями поколений [1]. Относится это не только к материальным, но и к духовным потребностям, которые складываются на основе существующих в обществе ценностей.

Воспитанная на ценностях старших поколений, молодежь зачастую критически переосмысливает их, а также продуцирует появление новых. В связи с этим возникают следующие вопросы: существуют ли основополагающие ценностные установки? насколько они важны для молодежи? являются ли они факторами устойчивого развития? Для ответов на данные вопросы весной 2022 г. было проведено пять фокус-групп (ФГ) с представителями калининградской молодежи в возрасте 18—35 лет.

В первую очередь респондентам было предложено ответить на вопрос: что такое ценности? Во всех ФГ прозвучали ответы о том, что это какие-либо устои, идеалы, устремления человека: *«Для меня ценности — это какие-то нравственные, эмоциональные ориентиры», «каждая ценность... прибавляется к уже существующим, чтобы они как бы существовали в гармонии»* [2]. Кроме того, было отмечено, что вся жизнь человека зависит от того, каких ценностей он придерживается: *«От ценностей зависит вот жизнь человека, как он ее проживет... от ценностей зависит сама личность человека»* [3].

Среди наиболее значимых ценностей респонденты отметили семью, любовь, дружбу, честность, родину: *«Первое — это самоотверженность... Потом дружба, умение дружить. Любовь. Семья», «На первом месте, я думаю, поставлю Родину. Но не просто как место, где родился. А и место, где и близкие люди, и семья, и сам народ, и вера. Вот это всё вместе»* [2; 4].

Значимость семьи оказалась на первом месте у подавляющего большинства интервьюируемых. Молодые люди акцентировали внимание на безусловной любви родных людей, их бескорыстии, преданности и стремлении всегда прийти на помощь, поддержать: *«Семья — это первостепенная ценность», «Всегда и на всю жизнь семья должна стоять на первом месте. Родители, братья, сестры — те, кто тебя никогда не предадут», «Для меня семья — это самые близкие люди, которым можно довериться, на которых можно положиться, которые всегда тебя поддержат. Те, у кого и по отношению к тебе, и по отношению, к которым у тебя безусловная такая любовь, безусловное уважение, поддержка», «Семья — это фундамент», «Семья — это основа личности, и без семьи любой человек разрушается, деградирует»* [2—6].

Менее однозначными оказались рассуждения о дружбе. Сравнивая ответы молодых людей в разных ФГ, можно заметить, что отношение к дружбе разнится в зависимости от возраста. Так, молодежь студенческого возраста ставит дружбу очень высоко, даже несколько романтизирует дружеские отношения: *«Дружба для меня — это прям то, что я ценю в этой жизни. Всех своих друзей, даже если мы не общаемся, я их помню, ценю и вообще прям люблю», «Для меня дружба даже важнее, чем любовь. Дружба она может быть до конца...»* [2].

Молодые люди постарше, уже имеющие жизненный опыт, оценивают дружбу по-другому: *«Дружба — ну, собраться, куда-нибудь сходить вместе, хорошо провести время. Но проблемы обсуждать — нет. ...Это может выйти потом боком», «Дружба, братство, панибратство — всегда на втором месте. Мне кажется, у всех в жизни было разочарование в другом», «Ну, вот была у меня подруга в детстве. Но сейчас это перешло, так скажем, в рамки товарищества...», «Что касается дружбы, то это даже не второстепенная, это уже более даже далекая такая ценность. Я не вижу потребности в друзьях, не вижу в них какой-то такой существенной ценности. Есть и есть, нет и нет»* [5; 6].

Одной из важных ценностей является свобода. Для молодежи это слово имеет особенное значение, поскольку связано как с общегражданским пониманием этого термина, так и с личной, бытовой жизнью: *«Свобода — одна из главных ценностей... Это свобода мнения, свобода мысли, право принимать решения в своих собственных интересах», «свобода — это когда никто за горло не держит и спасибо», «Свобода — это прежде всего независимость. Независимость в своих действиях от кого-либо, независимость от чуждого мнения...», «Свобода должна быть в нормах не только закона, но и в нормах морали и нравственности», «Ценность свободы ощущается в сравнении. То есть, когда она у тебя была и когда ее нет».* Очень лаконичную, но емкую характеристику свободы дал один из респондентов: *«Если глобально смотреть, то свобода делает нас людьми»* [2; 3; 5].

Обсуждение темы любви в жизни человека также получилось очень интересным. Причем прозвучала целая палитра определений. И у каждого респондента было собственное понимание любви и собственные ассоциации с этим чувством: *«Любовь — это вот забота, принятие другого человека», «Любовь — это связь такая ментальная между людьми... И причем для меня всегда любовь должна быть ответная. То есть если связь между людьми формируется, то она формируется взаимная», «Для меня любовь — это интерес. В том плане, что должно быть интересно с человеком. И я должна чувствовать, что я ему интересна», «Любовь — это составляющая семьи и дружбы»* [4].

Вопросы социальной справедливости вызвали бурную реакцию респондентов. Если обобщать все ответы, то под справедливостью молодые люди подразумевают равенство: *«Когда есть равенство», «Равные права, но не просто их декларирование, а вот реальное соблюдение»* [2; 3]. Большинство респондентов выражали скепсис по поводу социальной справедливости как вообще, так и в России в частности. Люди приводили примеры из своей жизни или жизни своих родных и знакомых: *«Если взять в целом социальную справедливость, то никогда этого не будет, это утопия», «Социальная справедливость — это когда люди, которые обладают большим весом в обществе, ведут себя достойно. ...А если человек пользуется своим положением, или когда в обществе у людей отсутствуют какие-то цели, ориентиры, у него какая-то тревога по жизни, то это разрушает социальную справедливость», «Нет социальной справедливости. Всегда кто-то будет ущемлен, всегда у кого-то будет больше прав. ...Это особенность человека — он хочет иметь больше, чем другой человек»* [3—5].

Был задан вопрос о факторах, влияющих на формирование нескольких наиболее важных ценностей. По этому поводу респонденты выделяли не просто отдельные моменты, но даже выстраивали некую цепочку взаимовлияющих аспектов: *«Первое и самое важное, что определяет набор ценностей человека, — это его семья. ...Затем идет воспитание в школе... наш круг общения влияет на наши ценности... То, где мы, с кем мы общаемся, влияет на*

*формирование наших ценностей», «Политика, государство тоже закладывают эти ценности в нас...», «Формирование ценностей поэтапно идет: семья, школа, общество, в дальнейшем — работа. А человек может свои ценности формировать всю жизнь. Вот эти все этапы надо пройти» [5; 6].*

Обсуждение вопросов о значимости и роли в жизни человека личных и общественных интересов привело к выводу о симбиозе элементов индивидуализма и коллективизма в современном российском обществе: *«Личные интересы... всегда будут превыше. И пожертвовать своими личными интересами для достижения общества можно, но смотря какие при этом у общества будут также интересы», «Думаю, что личные интересы превыше всего. Но в определенных ситуациях я была бы готова пожертвовать ими в интересах общества. Но это зависит от того, чем именно и в какой мере я должна пожертвовать, ради чего», «Хотелось бы, чтобы все-таки общественное состояло из личных, и все как-то в гармонии, в балансе находилось» [3; 5; 6].*

Обсуждение вопроса об устаревших в российском обществе ценностях пошло по неожиданному сценарию. Так, вместо устаревших ценностей, люди с сожалением указывали на утраченные ценности: *«В российском обществе это потерянная ценность — уважение к старшим», «Вот как раз-таки есть такие настроения, что отказываются от всего такого душевного. Говорят, что это нестабильность личности, что это неправильно. А я думаю, что все это наоборот — правильно» [4].*

Еще одной важной мыслью было то, что ценности не могут устареть и от них нельзя отказываться: *«Вообще никакая ценность, ценности — они не приходящие сами, по своей сути. То есть они есть, как бы ты их можешь принимать, можешь не принимать, но они все равно существуют. Так что отказаться от них невозможно. И ничто не может устареть», «Природа человеческая такая, что ему нужно что-то непреходящее, вечное, и вот тогда он будет чувствовать себя счастливым. ...Нельзя отказаться от ценностей» [4].*

Интересными оказались и рассуждения об еще не сформированных в российском обществе ценностях. При этом обращалось внимание не на какие-то новые ценности, появившиеся в мире за последнее время, а делался акцент на проблемных моментах российского общества, прозвучала некая критика российской действительности: *«Социальные ценности не сформированы... То есть отношение к другим людям, между ними», «Я считаю, что уважения не хватает. Ценности уважения к чужому мнению, к другим людям как к личности, к тому, что они делают», «Толерантности не хватает у нас в российском обществе», «Никаких новых ценностей не надо, потому что они уже все прописаны в России — в Конституции. ...А вот ответственности и личной, и какой-то общественной, выполнять то, что написано, не у всех хватает» [2; 4].*

В заключение можно сделать вывод: среди калининградской молодежи главенствующее положение занимают общечеловеческие ценности — семья,

любовь, дружба, справедливость, равенство. Именно они оказались нерушимыми и представляющими особую важность для молодых людей. И поскольку суть устойчивого развития заключается в преемственности потребностей нынешних и будущих поколений, то ценности являются важными факторами устойчивого развития общества.

*Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Приоритет-2030»: «Моделирование социально-политических и социокультурных факторов геополитической безопасности эксклавного региона России».*

### **Список литературы**

1. Макаров И. Устойчивое развитие: как победить бедность и сохранить природные ресурсы // Постнаука : электронный ресурс. 14.04.2017. URL: <https://postnauka.ru/faq/72761> (дата обращения: 23.08.2022).
2. ФГ 1, 15.04.2022, стенограмма.
3. ФГ 2, 18.04.2022, стенограмма.
4. ФГ 3, 19.04.2022, стенограмма.
5. ФГ 4, 23.05.2022, стенограмма.
6. ФГ 5, 26.05.2022, стенограмма.

### **Об авторе**

*Елена Павловна Зимовина*, кандидат исторических наук, научный сотрудник Социологической лаборатории, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: zimelena@yandex.ru  
ORCID: 0000-0001-6587-070X

### **The author**

*Dr Elena P. Zimovina*, Researcher of Sociological Lab, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: zimelena@yandex.ru  
ORCID: 0000-0001-6587-070X

**С. И. Зотов, Е. Г. Волчев**

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)*

**ПРИРОДНЫЕ И АНТРОПОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ АКТИВНОСТИ ЛУГОВЫХ КЛЕЩЕЙ  
*Dermacentor reticulatus* (Fabricius, 1794) В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

*Аннотация. Рассматривается роль природных и антропогенных факторов, влияющих на активность одного из векторов трансмиссивных инфекций — иксодовых клещей вида *Dermacentor reticulatus* (Fabricius 1794), имеющего высокое эпидемиологическое значение в Калининградской области. К важнейшим из природных относятся климат, зоо- и фитоценотические комплексы, режим увлажнения территории. Определяющие антропогенные факторы представлены сельским хозяйством, рекреацией, населенными пунктами, объектами транспортной инфраструктуры.*

*Annotation. The role of natural and anthropogenic factors affecting on the activity of one of the vectors of transmissible infections of ixodid ticks of the species *Dermacentor reticulatus* (Fabricius 1794), which has a high epidemiological significance, is considered. The most important natural factors include climate, zoo- and phytocenotic complexes, and the regime of moistening of the territory. Defining anthropogenic factors are represented by agriculture, recreation, human settlements, objects of transport infrastructure facility.*

**Ключевые слова:** иксодовые клещи, *Dermacentor reticulatus*, природные и антропогенные факторы, ландшафты, Калининградская область

**Keywords:** ixodid ticks, *Dermacentor reticulatus*, natural and anthropogenic factors, landscapes, Kaliningrad region

В настоящее время в Европе все ландшафты в различной степени трансформированы человеческой деятельностью. Исторически сложившиеся природные очаги трансмиссивных заболеваний, из которых наибольшую актуальность для общественного здоровья имеют передаваемые иксодовыми клещами клещевой энцефалит, иксодовые клещевые боррелиозы и клещевые риккетсиозы, модифицируются под антропогенным прессом [1]. Воздействие человека на природные ландшафты также приводит к формированию антропоургических очагов трансмиссивных инфекций, в том числе в крупных городах. В Калининградской области агрессивная по отношению к человеку иксодофауна представлена видами *Dermacentor reticulatus* (Fabricius, 1794) и *Ixodes ricinus* (Linnaeus 1753), относимыми к пастбищным паразитам подстерегающего типа с длительным питанием. Ранее нами отмечено расширение

ареала луговых клещей *D. reticulatus*, существенную роль в котором мы отводим антропогенным факторам воздействия на ландшафты. Важнейшими из таких мы считаем рекреационное, сельскохозяйственное использование, а также урбанистическую компоненту воздействия на ландшафты. Зараженность клещами рекреационных ландшафтов отмечается и коллегами с сопредельных территорий Европейского союза [2].

### Климат

Палеарктический вид, *D. reticulatus*, обладая высокой экологической гибкостью, тем не менее избегает территорий с дефицитом количества годового тепла [3]. Распространение его в основной своей части географически совпадает с зонами смешанных и лиственных лесов [4]. Эволюционно приобретенная способность к неоднократной поведенческой диапаузе, способствующая продолжительной жизни взрослых особей, обуславливает их успешное переживание кратковременных климатических флуктуаций на большей части Европы [5]. Для Калининградской области характерен переходный климат умеренных широт от морского к континентальному [6], что представляет исключительно благоприятные условия для клещей вида *D. reticulatus*.

### Растительный покров

Тропность *D. reticulatus* к открытым стадиям хорошо известна [5]. Луговые и лугово-кустарниковые ландшафты, являясь оптимальными для вида биотопами, широко распространены в регионе. *D. reticulatus* при прочих благоприятных условиях демонстрирует исключительную приспособляемость к широкой палитре низинных и суходольных лугов региона. Сукцессия лесных фитоценозов региона на занимаемые ими в прошлом территории с формированием экотонных зон лугово-кустарникового типа также создает подходящие условия для формирования устойчивых очагов заражения ландшафтов видом *D. reticulatus*. В ходе своего развития *D. reticulatus* проходит последовательно фазы яйца, личинки, нимфы и взрослой особи. Неполовозрелые фазы паразитируют преимущественно на мелких млекопитающих и птицах, собирающих корм с земли [5]. Взрослые особи появляются на растительности ранней весной, подстерегая средних и крупных позвоночных. Животный мир Калининградской области, представленный обилием мелких и средних млекопитающих, формирует благоприятные условия для популяций *D. reticulatus*.

### Режим увлажнения территории

Обладая выработанной в ходе эволюции высокой экологической гибкостью, *D. reticulatus* способны успешно заселять ландшафты региона, полярные по режиму увлажнения: от суходольных луговых сообществ и влагодефицитных рудеральных фитоценозов на окраинах городов до низинных луго-

вых ландшафтов. В целом по режиму увлажнения мы рассматриваем территорию Калининградской области как благоприятную для клещевых популяций, исключая зоны избыточного увлажнения полейдерных земель и болот.

### *Сельское хозяйство*

Значение свободного выпаса животных как фактор, увеличивающий популяции *D. reticulatus* в луговых и луго-кустарниковых фитоценозах ландшафтов, хорошо известно [7]. При этом на культурных пастбищах крупных агрокомплексов популяции луговых клещей не формируются (за исключением временных, образованных путем форезии), что обусловлено проведением агрохимических и ветеринарных противоклещевых мероприятий. Площади культурных посевов сельскохозяйственных культур практически свободны от *D. reticulatus*. Интенсивное сельскохозяйственное использование ландшафтов сокращает численность *D. reticulatus* в них, тогда как свободный выпас животных приводит к увеличению количества клещей в его зонах.

### *Рекреация*

Калининградскую область ежегодно посещают туристы, численность которых превышает население региона в 1,2—1,9 раза [8]. В луговых и дюнно-луговых ландшафтных сообществах прибрежных территорий и в лесных фитоценозах зон с особым природоохранным статусом, в неравномерной степени толерантных к рекреационному использованию, сформированы сложно-конфигурированные разнородные экотонные зоны. Это создает благоприятные условия для увеличения популяций прокормителей преимагинальных фаз клещей. Имаго в дальнейшем паразитируют на средних позвоночных гемерофилах, посещающих рекреационно используемые ландшафты. Водные объекты, включая малые реки, используемые для любительского рыболовства, формируют зоны клещевого заражения, внедряющиеся в окружающие луговые ландшафты на большом протяжении. В ходе наблюдений нами отмечались показатели активности, достигающие 70 особей на флажок-час, в долине реки Зеленоградка. Мы относим рекреационное воздействие на среду в регионе к факторам, благоприятствующим высокой численности луговых клещей.

### *Урбанизация*

*D. reticulatus* способны к активному заселению пригородов и городских территорий, включая окультуренные парковые зоны [9]. Урбанизация территорий при прочих благоприятных условиях приводит к росту популяций *D. reticulatus* в окрестностях населенных пунктов. Нами в Калининградской области отмечалось увеличение численности этого вида в радиусе до километра от поселений. Мы расцениваем условия урбанизации региона как благоприятные для *D. reticulatus*.

### Транспортная инфраструктура

Территории расположения небольших железнодорожных станций в окрестностях поселков на линии Калининград — Зеленоградск представляют собой зоны устойчивого и сильного клещевого заражения. В ходе наблюдений многочисленные особи *D. reticulatus*, находящиеся в состоянии агрессивности, отмечались нами от периметра ж/д платформ и до расстояния в 300 метров от них. Относя эти очаги к антропоургическим, мы отмечаем их эпидемиологическую опасность.

### Заключение

В Калининградской области в настоящее время активность луговых клещей вида *D. reticulatus* детерминируется рядом факторов, из которых наиболее значимыми мы обозначаем факторы антропогенной природы. Динамическая система взаимоотношений клещевых популяций и среды требует дальнейшего наблюдения.

### Список литературы

1. Коренберг Э.И., Помелова В.Г., Осин Н.С. Природноочаговые инфекции, передающиеся иксодовыми клещами. М., 2013.
2. Rubel F., Brugger K., Pfeiffer M. et al. Geographical distribution of *Dermacentor marginatus* and *Dermacentor reticulatus* in Europe // *Ticks and Tick-borne Diseases*. 2015. №7.
3. European Centre for Disease Prevention and Control and European Food Safety Authority. Tick maps. Stockholm: *Dermacentor reticulatus* — current known distribution: March 2021. URL: <https://www.ecdc.europa.eu/en/disease-vectors/surveillance-and-disease-data/tick-maps> (дата обращения: 09.07.2022).
4. Померанцев Б.И. Фауна СССР. Паукообразные. Иксодовые клещи (Ixodidae). Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. Т. 4, вып. 2.
5. Балашов Ю.С. Иксодовые клещи — паразиты и переносчики инфекций. СПб. : Наука, 1998.
6. Баринова Г.М. Калининградская область. Климат. Калининград : Янтарный сказ, 2002.
7. Нецкий Г.И., Богданов И.И., Мальков Г.Б. и др. Основные ландшафтные типы природных очагов клещевого энцефалита и омской геморрагической лихорадки // Эпидемиологическая география клещевого энцефалита, омской геморрагической лихорадки и клещевого риккетсиоза Азии в Западной Сибири: вопросы инфекционной патологии. Омск, 1973.
8. Об утверждении программы Калининградской области «Туризм» : постановление правительства Калининградской области от 01.02.2022 г. №5. URL: <https://culture-tourism.gov39.ru/deyatelnost/turizm/gosudarstvennaya-programma-kaliningradskoy-oblasti-turizm> (дата обращения: 07.07.2022).
9. Карташов М.Ю., Микрюкова Т.П., Кривошеина Е.И. и др. Генотипирование возбудителей клещевых инфекций в клещах *Dermacentor reticulatus*, собранных в городских биотопах г. Томска // *Паразитология*. 2019. Т. 53, №5. С. 355—369.

***Об авторах***

*Евгений Георгиевич Волчев*, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: e.volchev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7401-3678

*Сергей Игоревич Зотов*, доктор географических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: zotov.prof@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6509-739

***The authors***

*Evgenii G. Volchev*, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: e.volchev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7401-3678

*Prof Sergey I. Zotov*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: zotov.prof@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6509-739

**А. А. Новикова**

*Калининградский государственный технический университет (Калининград, Россия)*

## **РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ ЭКСКЛАВНОЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

*Аннотация. Статья посвящена проблемам реструктуризации товарных связей Калининградской области, актуальность которой обусловлена санкционными ограничениями и ограничениями взаимодействия с отдельными странами, объединенными в список «недружественных». Существенные объемы товарных потоков, подпадающих под ограничения, различия в отраслевой структуре и уровне сложности потоков затрудняют переориентацию товарных связей, особенно в краткосрочном периоде.*

*Abstract. The article considers the restructuring of the Kaliningrad region's trade relations. The issue has become highly relevant due to the sanctions and restrictions imposed on relations with the "unfriendly"-list countries. Substantial volume of trade flows under restrictions, different sectoral structure and level of flows' complexity hinder trade reorientation, especially in the short term.*

**Ключевые слова:** товарные потоки, экспорт, импорт, реструктуризация, санкции, Калининградская область, эксклав

**Keywords:** commodity flows, exports, imports, restructuring, sanctions, Kaliningrad region, exclave

«Новые» условия хозяйствования актуализируют проблему реструктуризации внешнеторговых связей для российских регионов. Особенно это важно для эксклавной Калининградской области, отличающейся самым высоким уровнем открытости к внешней торговле в показателях ВРП<sup>1</sup> (преимущественно к импорту (112%), чем к экспорту (30%)<sup>2</sup>), что можно охарактеризовать как зависимость экономики от внешних связей.

Для категории географического изучения развития промышленности региона И. М. Майергойз в работе, посвященной экономико-географическому рассмотрению городов, одной из первостепенных задач считал «именно изучение внешних связей, которые жизненно важны абсолютно для всех его функций как экономических, так и неэкономических» [5]. В этой же работе в

---

<sup>1</sup> За период с 2014 по 2020 г. Кроме Костромской области в 2020 г., которая более открыта к экспорту (129%), чем к импорту (5,3%).

<sup>2</sup> Расчеты автора произведены по данным ФТС и ЕМИСС. Отношение импорта Калининградской области к ВРП (предварительная оценка Правительства области) и экспорта к ВРП указано по итогам 2021 г.

© Новикова А. А., 2022

качестве одного из существенных ограничений для такого рода исследований им отмечалось, что дело это «весьма трудное, и для этого, за редким исключением, нет достаточно подробных готовых статистических отчетов» [5]; «...все же центр тяжести исследования лежит именно во внешних связях промышленности...» [5]. Такое исследование «должно показать, с какими районами преимущественно он связан, за счет связей с какими именно хозяйственными территориями живет» [5], а также «из чего и для кого каждое из них производит...» [5].

Активное внешнеэкономическое взаимодействие области с другими странами обусловлено было не в последнюю очередь организацией на ее территории Особой экономической зоны (действует до 2045 г.)<sup>1</sup> с механизмом в виде свободной таможенной зоны (СТЗ) [3].

К числу сменяющихся приоритетов для развития региона в разные периоды времени относились обслуживание внешнеэкономических связей страны, импортозамещение, развитие экспорта<sup>2</sup>. На современном этапе на поддержание экономической стабильности в регионе в наибольшей степени влияют две составляющие.

Во-первых, санкционные регламенты, касающиеся кроме прочих ограничений свободы перемещения отдельных товарных потоков. По состоянию на сентябрь 2022 г. странами одобрен седьмой пакет ограничений<sup>3</sup>. Под различные ограничения подпадает около 60 % ввоза области и 40 % вывоза, а также 52 % импорта и 7 % экспорта Калининградской области<sup>4</sup>.

Во-вторых, собственно взаимодействие со странами, которые поддерживают санкционные товарные и иные ограничения. В марте 2022 г. сформирован перечень так называемых недружественных стран, дополненный в июле 2022 г. и по итогам включающий 55 территорий. На «недружественные» страны приходится около 59 % импорта и 57 % экспорта области<sup>5</sup>.

Проблемной зоной, как отмечалось, является и достаточно высокая степень зависимости экономики от внешних потоков (импортных и ввозных). В соответствии с моделью товарных потоков 2004 г., разработанной Г. М. Фе-

---

<sup>1</sup> В соответствии с ФЗ от 10.01.2006 г. № 16-ФЗ Особая экономическая зона в Калининградской области — территория области и примыкающие к территории области внутренние морские воды и территориальное море РФ, в пределах границ которых действует специальный правовой режим осуществления хозяйственной, производственной, инвестиционной и иной деятельности, а также применяется таможенная процедура свободной таможенной зоны (<https://oez.gov39.ru/lgoty-i-preferentsii/>).

<sup>2</sup> Калининградская область была одним из пилотных регионов, в которых организована работа АО «Российский экспортный центр» ([https://www.exportcenter.ru/press\\_center/razvitie-eksporta-v-kaliningradskoy-oblasti/](https://www.exportcenter.ru/press_center/razvitie-eksporta-v-kaliningradskoy-oblasti/)).

<sup>3</sup> Евросоюз утвердил седьмой пакет антироссийских санкций. URL: <https://www.pnp.ru/economics/evrosoyuz-utverdil-sedмой-paket-antirossiyskikh-sankciy.html/> (дата обращения: 03.07.2022).

<sup>4</sup> Собственные расчеты автора по данным ввоза и вывоза области за 2020 г. и экспорта и импорта за 2021 г.

<sup>5</sup> Собственные расчеты автора по данным ФТС.

доровым и Т.Р. Гареевым [2; 4] и в экспериментальном модифицированном варианте построенной автором [1], по данным за 2019 г., определена следующая структура снабжения регионального производства: 64,2% (источники по импорту): 21,5% (источники по ввозу): 14,3% (собственная выработка).

Для сравнения — доля источников по импорту по модели товарных потоков в 2014 г. составляла около 70%. Возможные варианты реструктуризации торговых связей в сложившихся условиях представлены на рисунке.



Рис. Варианты реструктуризации торговых связей Калининградской области

Первый вариант: реструктуризации — это переориентация с «недружественных» стран на остальные, изменение географии с одной категории стран («недружественных») на другую. Возможным механизмом переориентации является поиск замены по товарным кодам среди стран, которые уже поставляют в регион, но в меньшем объеме, чем «недружественные». Это, как правило, повлечет, увеличение среднего расстояния поставки.

Второй вариант реструктуризации — это переориентация поставок с импорта на межрегиональный ввоз и, соответственно, переориентация с экспорта на межрегиональный вывоз. К числу основных ограничений такого рода переориентации относится возможность присутствия импорта в межрегиональном ввозе в область, то есть импорта, таможенная очистка для внутреннего потребления по которому произведена в другом регионе страны, например в Москве, а также существенные различия в структуре поставок как импорта и ввоза, так и экспорта и вывоза. Возможность частичной замены одного направления другим возможна примерно по 55% из всех видов деятельности, объединяющих товарные потоки.

Дополнительные сложности реструктуризации поставок обусловлены существенными различиями в уровне экономической сложности потоков по экспорту и вывозу, импорту и ввозу. Например, сложность импорта из ос-

тальных и «недружественных» стран разная<sup>1</sup>. Сложность экспорта в «недружественные» страны выше, чем сложность экспорта в остальные. Сложность вывоза гораздо выше, чем сложность экспорта.

### Выводы и рекомендации

Реструктуризация географии поставок включает перенаправление объемов с внешнеэкономического на межрегиональное и с категории «недружественных» на остальные страны. Базой для такого рода мероприятий является существующая структура поставок с партнерами при контроле целесообразности поддержки зависимых от импорта и экономически малоэффективных производств.

Дальнейшее исследование может быть реализовано посредством оценки необходимых объемов поддержки предприятий с учетом результативности их деятельности, в сравнении с объемом средств, требующихся на поддержку рынка труда региона.

### Список литературы

1. Волошенко К. Ю., Новикова А. А. Экономико-географический подход к оценке торговых потоков приграничного региона // Региональные исследования. 2020. №4 (70). С. 4—18.
2. Волошенко К. Ю., Кузнецова А. Л. Опыт разработки и применения балансовой модели управления региональным развитием в специфических территориальных условиях // Балтийский регион. 2014. №3. С. 7—26.
3. Гареев Т. Р., Федоров Г. М. Плюсы и минусы режима Особой экономической зоны // Космополис. 2005. №13 (3). С. 82—89.
4. Гареев Т. Р., Елисеева Н. А. Модель товарных потоков эксклавного региона: в поисках ренты «переходного периода» особой экономической зоны // Балтийский регион. 2014. №1 (19). С. 72—90. doi: 10.5922/2074-9848-2014-1-5.
5. Маергойз И. М. К экономико-географическому изучению городов // Вопросы географии. 1956. Сб. 38. С. 5—26.

### Об авторе

*Анна Александровна Новикова*, старший преподаватель, соискатель, Калининградский государственный технический университет, Калининград, Россия.

E-mail: [anna.novikova@klgtu.ru](mailto:anna.novikova@klgtu.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0374-6337>

### The author

*Anna A. Novikova*, Senior Lecturer, Institute of Industrial Economics and Management, Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: [anna.novikova@klgtu.ru](mailto:anna.novikova@klgtu.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0374-6337>

---

<sup>1</sup> Сложность импорта из «недружественных» стран примерно в 8 раз выше, чем из остальных (собственные расчеты автора).

УДК 911.3:339 (470.26)

**Г. М. Федоров**

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)*

### **ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

*Аннотация. Социальные инновации являются одним из факторов социально-экономического развития сельской местности. По уровню и качеству жизни сельская местность области, особенно периферийные муниципалитеты, отстает от городов. Необходима как дифференцированная по территории государственная финансовая поддержка социальных инноваций (пример — реализуемая на периферии области программа «Восток», способствующая созданию новых рабочих мест), так и активизация творческого потенциала самих сельских жителей по улучшению условий их жизни.*

*Annotation. Social innovation is one of the factors of socio-economic development of rural areas. In terms of the level and quality of life, the rural areas of the region, especially the peripheral municipalities, lag behind the cities. What is needed is both differentiated state financial support for social innovations across the territory (for example, the «Vostok» program implemented on the periphery of the region, which contributes to the creation of new jobs), as well as the activation of the creative potential of rural residents themselves directed on improving their living conditions.*

**Ключевые слова:** социальные инновации, сельская местность, Калининградская область

**Keywords:** social innovation, countryside, Kaliningrad region

Активное использование понятия «социальные инновации» началось в 1970-е гг. за рубежом, а в нашей стране совсем недавно (публикации с использованием данного понятия появились только в 2010-е гг., хотя проявления различных социальных инноваций как таковых встречались, конечно, и ранее [3]). В практической деятельности идеи социальных инноваций стали интенсивно внедряться в России с проведения в 2015 г. I Форума социальных инноваций регионов [12]. В сентябре 2021 г. прошел уже IV Форум [13].

В связи с недавним началом использования понятия проблематика социальных инноваций в российской научной среде настолько слабо проработана, что в одних статьях отечественных авторов даже нет ссылок на работы рос-

сийских коллег [6], в других они в единичном количестве указаны в англоязычных изданиях [3]. Лишь изредка встречаются собственные определения авторов. Поэтому в статьях российских авторов чаще всего используются определения понятия «социальные инновации», заимствованные из западных источников [1; 5; 6; 9].

Исходное понимание социальных инноваций основывается на внедрении Мухаммада Юнуса в середине 1970-х гг., когда он создал специальный банк микрокредитования, сопряженного с соблюдением заемщиками некоторых условий. Банк выдавал микрокредиты сельским жителям под сравнительно невысокий (по сравнению с другими банками) процент, однако заемщики должны были выполнять определенные социальные обязательства по улучшению быта и ограничению числа детей в семье. М. Юнус в одной из своих книг утверждает, что по его примеру в мире организованы сотни фирм, работающих в соответствии по принципам социально ориентированного бизнеса [15].

Постепенно содержание социальных инноваций стало гораздо более широким по сравнению с предложенным М. Юнусом. Форум социальных инноваций Организации экономического сотрудничества и развития дает такое определение: «Социальные инновации относятся к разработке и внедрению новых решений, которые подразумевают концептуальные, процессные, продуктовые или организационные изменения, в итоге направленные на улучшение благосостояния и благополучие отдельных лиц и сообществ» [16].

Эта формулировка весьма похожа на определение одного из отечественных источников: «Социальные инновации — это совокупность качественных изменений в сферах формирования, развития и реализации человеческого и социального капитала с целью повышения уровня личного и общественного благосостояния» [7, с. 27].

Такие определения являются настолько общими, что трудно очертить круг явлений, относящихся к социальным инновациям. Более приемлемым представляется следующее, более конкретизированное понимание социальных инноваций, на которое мы и будем опираться в данной статье: «Во-первых, это новшество, т. е. новый или усовершенствованный продукт, технология, услуга, внедренные в производственно-хозяйственной деятельности, потреблении, общественной жизни; во-вторых, это процесс осуществления изменений или внедрения новшеств» [4].

К сожалению, в Российской Федерации сельская местность по внедрению социальных инноваций пока отстает от городской, и научных исследований по их внедрению на селе, судя по небольшому количеству публикаций по данной проблематике, проводится крайне мало. В рекомендациях IV Форума социальных инноваций специальное внимание обращено на реализацию мер социальной политики на муниципальном уровне и социальному развитию села. Участники Форума, в частности, рекомендуют Правительству РФ обратить «особое внимание на доступность и качество медицинской помощи в малых городах и сельских населенных пунктах...» [13, с. 52].

В число рекомендаций органам государственной власти субъектов Российской Федерации включены следующие:

«17) обеспечить своевременное принятие решений о подготовке документации по планировке сельских территорий с учетом объектов социальной инфраструктуры на основе нормативов необходимой обеспеченности социальными объектами;

18) разработать и утвердить государственные программы субъектов Российской Федерации, направленные на достижение целей государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 года № 696» [13, с. 56].

Калининградская область особенностями динамики сельского населения отличается от большинства субъектов РФ. Только в 5 регионах Северо-Запада и Центра из 28 в 2017—2020 гг. имел место рост среднегодовой численности сельского населения (рис. 1). Может возникнуть впечатление, что внедрение социальных инноваций как фактор решения проблем села здесь не слишком актуально. Но это не так: актуальность внедрения социальных инноваций для калининградского села не менее актуальна, чем для других субъектов РФ.



Рис. 1. Соотношение динамики среднегодовой численности сельского населения и занятости в сельском хозяйстве регионов СЗФО и ЦФО, 2017—2020 гг.

Источник: составлено на основе данных [8; 14].

Дело в том, что в результате резкого усиления роли крупных агрохолдингов с высокой производительностью труда быстро сокращается численность занятых в сельском хозяйстве (только в 5 из 28 она увеличилась, см. рис. 1), а высвобождаемые работники чаще всего не могут найти работу на селе. В пригородных зонах они совершают маятниковые трудовые миграции в соседние города. На периферии такая возможность отсутствует и возникает альтернатива: миграции в города или их пригороды либо поиск занятости, альтернативной прежней. Здесь и могут помочь социальные инновации, способствующие созданию новых рабочих мест, как в описанном выше примере деятельности М. Юнуса и как в программе «Восток», реализуемой в Калининградской области (предоставление льготных кредитов на конкурсной основе проектам, предусматривающим создание новых рабочих мест на сельской периферии [2]).

Рисунок 2 отображает динамику среднегодовой численности сельского населения и занятости в сельском хозяйстве Калининградской области за 2000—2020 гг. Численность сельского населения возросла (даже с учетом того, что в 2020 г. 7,2 тыс. человек проживали в трех бывших поселках городского типа, преобразованных в сельские населенные пункты), а число занятых сократилось в 2,3 раза. Из сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства (а в основном из сельского хозяйства) высвободились 24,2 тыс. работников. Отношение численности занятых в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве к численности населения снизилось с 20,2 до 8,7%.

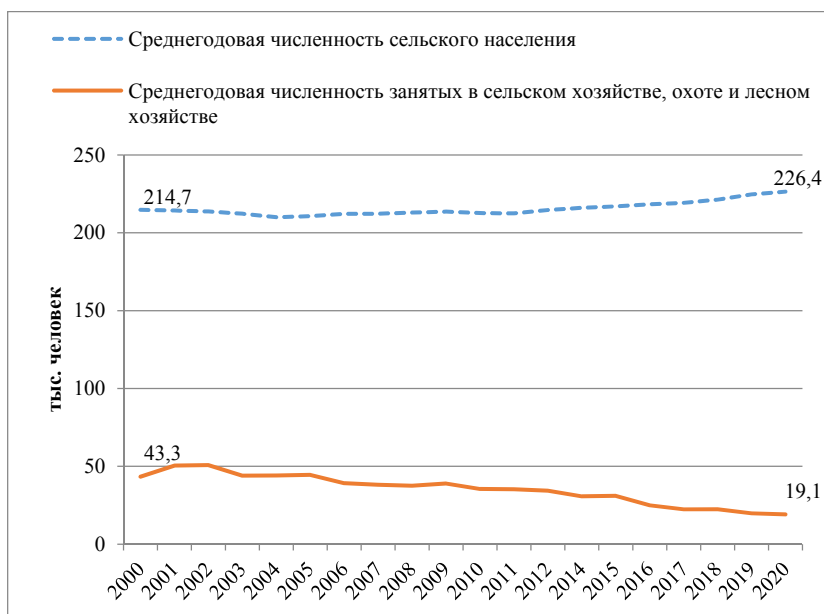


Рис. 2. Динамика среднегодовой численности сельского населения и занятости в сельском хозяйстве Калининградской области, 2000—2020 гг.

Источник: составлено на основе данных [8; 14].

Второй важный довод об актуальности исследований социальных инноваций заключается в необходимости неодинаковых подходов к их стимулированию из-за качественных отличий экономико-демографической ситуации в разрезе муниципалитетов (и даже внутри них).

БФУ им. И. Канта в рамках программы «ERA.Net RUS plus» реализует научный проект РФФИ № 20-55-76003 «Социальные инновации и повышение ценности местности в сельских регионах» (2021—2023). Основные направления исследований [10; 11]:

— выявление актуальных проблем развития и территориальной дифференциации сельского хозяйства, совершенствования сельского расселения и его пространственной организации (включая размещение социальной инфраструктуры, транспортную доступность, обеспеченность мобильной связью и интернетом и др.);

— установление соотношения между изменениями численности занятых в сельском хозяйстве и динамикой численности сельского населения в муниципалитетах и населенных пунктах, определение масштабов и направлений миграций, включая маятниковую мобильность;

— оценка уровня и потенциала внедрения социальных инноваций в сельской местности области с учетом выявленных территориальных различий;

— установление отношения жителей сельских населенных пунктов к социальным инновациям и возможному участию в их реализации;

— анализ состояния и эффективности мер, осуществляемых областными и муниципальными органами власти по стимулированию социальных инноваций на селе и их влиянию на улучшение социально-экономической обстановки на селе.

В ходе исследования помимо официальных статистических данных (включая данные текущей отчетности и сельскохозяйственных переписей) используются материалы, полученные в ходе полевых исследований (визуальных наблюдений, в том числе с использованием дронов) и социологических обследований, проводится анализ крупномасштабных карт и планов землеустройства. Социологические обследования содержат опрос жителей ряда сельских поселков в центре области и на ее периферии, включенное обследование в одном из населенных пунктов, анкетирование административных работников муниципалитетов и руководителей сельскохозяйственных хозяйствующих субъектов. Выводы и предложения, полученные в результате исследований (все они направлены на активизацию деятельности по внедрению социальных инноваций), обсуждаются на рабочих семинарах с участием представителей органов власти, на научных семинарах и конференциях. Общее мнение: необходима как дифференцированная по территории государственная финансовая поддержка социальных инноваций, так и активизация творческого потенциала (пока крайне слабо используемого) самих сельских жителей по улучшению условий их жизнедеятельности. Результаты проведенных социоло-

логических исследований пока показывают одобрительное отношение сельских жителей к социальным инновациям как таковым, в гораздо меньшей мере — к участию в их реализации и крайне редко — к их организации.

Выявленные количественные и качественные различия социально-экономической ситуации в сельской местности пригородной зоны Калининграда и периферийных муниципалитетов позволяют говорить о необходимости неодинаковых подходов к стимулированию социальных инноваций (пример — уже реализуемая в области программа «Восток»). Более разнообразные условия трудоустройства сельских жителей пригородной зоны, в том числе в самом Калининграде и городах приморской зоны, не требуют столь значительных мер по созданию новых рабочих мест на селе. К тому же возможности их создания в пригородах довольно значительны. Иная ситуация складывается на периферии, где миграционный отток связан не только с более высоким уровнем жизни в Калининградской агломерации, но и с отсутствием достаточного количества рабочих мест на востоке области. С учетом этого наряду с принятием мер по созданию рабочих мест нужно иметь в виду неизбежный отток некоторого количества населения (тех, кто не находит мест приложения своего труда) из восточных муниципалитетов на запад, что должно учитываться в документах пространственного планирования.

*Исследование выполнено по программе «ERA.Net RUS plus» при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта №20-55-76003 «Социальные инновации и повышение ценности местности в сельских регионах».*

### Список литературы

1. *Ивановский Б. Г.* Социальные инновации как фактор достижения устойчивого социально-экономического развития // Экономические и социальные проблемы России. 2020. № 1 (41). С. 104—126. doi: 10.31249/espr/2020.01.05.
2. *Комплексная программа (план мероприятий) развития муниципальных образований, расположенных в центральной и восточной частях Калининградской области.* URL: <https://minprom.gov39.ru/deyatelnost/strategicheskoe-planirovanie/kompleksnaya-programma-razvitiya-tsentra-i-vostoka-oblasti/> (дата обращения: 12.09.2022).
3. *Копотева И. В., Никула Й.* Социальные инновации в изменяющейся сельской среде России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 2 (2). С. 74—84.
4. *Пересыпкин А. П., Туранин В. Ю., Белецкая А. А.* Понятийные проблемы инновационных правоотношений // Научные ведомости Белгородского государственного университета: Философия. Социология. Право. 2010. № 14 (85). Вып. 13. С. 279—284.
5. *Попов А., Соловьева Т.* Потенциал развития социальных инноваций в России и странах ЕС // Современная Европа. 2020. № 1. С. 170—181.
6. *Пряжникова О. Н.* Концепция социальных инноваций (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2: Экономика. Реферативный журнал. 2019. № 3. С. 14—20.
7. *Ромащенко Т. Д., Кисова А. Е.* Социальные инновации — содержание субъектные формы и классификация // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Экономика и управление. 2020. Т. 3. С. 25—33. doi: 10.17308/econ.2020.3/3102.

8. *Среднегодовая* численность занятых в экономике с 2017 г. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения: 12.09.2022).
9. Устинова К.А., Леонидова Г.В. Теоретические аспекты исследования социальной инновационной активности населения // Социальное пространство. 2018. №5 (17). doi: 10.15838/sa.2018.5.17.1.
10. Федоров Г.М., Киндер С., Кузнецова Т.Ю. О роли географического положения и изменениях занятости в динамике сельского расселения // Балтийский регион. 2021. Т. 13, №4. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-8.
11. Федоров Г.М., Кузнецова Т.Ю., Михайлова А.А. О внедрении социальных инноваций в сельской местности Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2021. №3. С. 5—21.
12. Форум социальных инноваций в Омске // Совет Федерации. URL: <http://council.gov.ru/events/multimedia/photo/41528/> (дата обращения: 08.09.2022).
13. Четвертый форум социальных инноваций регионов // Вестник Совета Федерации. 2021. №8/197. С. 5—52. URL: <http://council.gov.ru/media/files/1ifZz6oNmnrO1nZUuBSwRDtK8NphppBo.pdf> (дата обращения: 30.09.2022).
14. Численность населения. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/PrPopul2022\\_Site](https://rosstat.gov.ru/storage/PrPopul2022_Site) (дата обращения: 12.09.2022).
15. Юнус М. Мир трех нулей. Как справиться с нищетой, безработицей и загрязнением окружающей среды. М. : Альпина Паблишер, 2019.
16. *Social innovation*. URL: <https://www.oecd.org/regional/leed/social-innovation.htm> (дата обращения: 08.09.2022).

### ***Об авторе***

*Геннадий Михайлович Федоров*, доктор географических наук, профессор, директор Центра геополитических исследований Балтийского региона Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.  
E-mail: [GFedorov@kantiana.ru](mailto:GFedorov@kantiana.ru)

### ***The author***

*Prof Gennady M. Fedorov*, Director of the Center for Geopolitical Research of the Baltic Region, Institute of Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.  
E-mail: [GFedorov@kantiana.ru](mailto:GFedorov@kantiana.ru)

**И. С. Гуменюк, Л. Г. Гуменюк**

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)*

## **ТРАНСПОРТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

*Обеспечение качества жизни в сельских населенных пунктах в настоящее время все больше зависит от характера транспортного сообщения этих пунктов с ближайшими городами и региональными центрами. На примере Калининградской области представлена транспортно-географическая типология сельских населенных пунктов, а также проанализирована динамика изменения численности населения в период 2010—2020 гг. по каждому из типов.*

*Ensuring the quality of life in rural settlements, at present, is increasingly dependent on the nature of the transport connection of these settlements with the nearest cities and regional centers. On the example of the Kaliningrad region, a transport-geographical typology of rural settlements is presented, and the dynamics of population changes in the period 2010—2020 for each type is analyzed.*

**Ключевые слова:** транспортно-географическое положение, транспортная связность, система расселения, сельские населенные пункты, Калининградская городская агломерация

**Keywords:** transport and geographical position, transport connectivity, settlement system, rural settlements, Kaliningrad urban agglomeration, local centers, periphery

За последние 30 лет в Калининградской области, как и в других регионах России, произошла функциональная трансформация сельских территорий, выраженная в отказе от ориентации исключительно на сельскохозяйственную деятельность и связанный с этим образ жизни. Сельские поселения все чаще становятся местом проживания населения, повседневная жизнь которых напрямую не связана с сельским хозяйством. Это объясняется приходом в сельскохозяйственную отрасль крупных агропромышленных холдингов, обладающих иным качественным и количественным запросом на трудовые ресурсы. Вместе с этим разрушение традиционного уклада сельских поселений совпало с ростом транспортной мобильности населения, обеспечив тем самым ориентацию высвободившихся трудовых ресурсов на рядом расположенные города, в том числе административный центр — Калининград [2].

Сельские поселения, находящиеся в зоне активного влияния крупных городов, под воздействием процессов субурбанизации и рурурбанизации транс-

формируются в пригородные населенные пункты, в которых население ведет «распределительный образ жизни» [3]. Сельские поселения, удаленные от городов, в свою очередь, выпадают из активной хозяйственной деятельности, что приводит к процессу локационного социально-экономического сжатия пространства [4; 7]. Для Калининградской области с ее скромными размерами и сравнительно высоким уровнем транспортной освоенности территории также характерны подобные тенденции трансформации сельской системы расселения. Сельские поселения, расположенные в периферийных районах области, и удаленные от городов нуждаются в новом импульсе развития, который может быть обеспечен путем повышения транспортной доступности. Конкурентоспособность и возможность обеспечения роста населения, формирование привлекательной жизненной среды для сельских поселений во многом определяются возможностью качественного обеспечения транспортной доступности между населенным пунктом, в котором проживает человек, и городом, в котором он работает и получает большую часть необходимых услуг. Транспортная доступность, в том числе сельских территорий [1; 6], все чаще изучается с позиции возможности повышения уровня социально-экономического развития.

Если посмотреть распределение населения Калининградской области по проживанию в населенных пунктах разного типа, то, по данным статистики на 1 января 2021 г., 1 018 624 [5] человек населения распределялись следующим образом: 493 256 человек (49% от общей численности) проживают в областном центре — Калининграде, 298 814 (29%) — в 22 городах региона, оставшиеся 226 554 (22%) — жители сельских населенных пунктов. В Калининградской области, по данным статистики на 1 января 2020 г., насчитывается 1068 населенных пунктов, из которых 467 (43,7%) имеют население менее 50 человек. По данным переписи 2010 г., таких поселков было меньше — 444 населенных пункта (41%). Более чем в половине населенных пунктов региона (559) за период с 2010 по 2020 г. население уменьшилось. Поселений численностью более 1000 человек в регионе всего 36 (3,3%), а с численностью более 500 человек — 112 (10,5%). Самыми многолюдными населенными пунктами являются Васильково (4527 человек), Малое Исаково (3266) и Большое Исаково (3262). Все три поселка непосредственно примыкают к границам административного центра — Калининграда, что и объясняет такой результат. С другой стороны, 19 сельских поселений, по данным на 2020 г., официально не имели населения, преимущественно они расположены в периферийных муниципалитетах региона — Краснознаменском, Озерском, Правдинском и Черняховском районах.

С точки зрения транспортно-географического положения все сельские населенные пункты Калининградской области могут быть разделены на четыре группы.

1. Поселения, расположенные на пути федеральных и/или международных автомобильных дорог.

2. Поселения, расположенные на региональных транзитных путях. К данному типу отнесены поселения, расположенные на пути региональных транспортных коридоров (автомобильные дороги, соединяющие города региона между собой), не относящихся к категории федеральных и/или международных автомобильных дорог.

3. Поселения, расположенные вне региональных транспортных путей. К данному типу были отнесены сельские поселения, через которые проходит несколько автомобильных дорог муниципального уровня.

4. Транспортные тупики. Поселения, являющиеся конечными пунктами на автомобильных дорогах (поселения, не являющиеся транзитными).

Для поселений каждого типа были проанализирована динамика изменения численности населения в период с 2010 по 2020 г. (табл.). Выявлено, что для сельских поселений, обладающих самым невыгодным транспортно-географическим положением (транспортные тупики), характерна самая низкая средняя численность населения (в среднем в четыре раза меньше, чем у поселений с наиболее благоприятным транспортно-географическим положением) и самые высокие показатели убыли населения за рассматриваемый период.

**Транспортно-географическая типология сельских населенных пунктов Калининградской области и динамика изменения численности населения в 2010—2020 гг.**

Тип поселения	Число поселений, ед.	Средняя численность, чел.	Прирост населения в период 2010—2020 гг., чел.	Число «растущих» Поселений, ед.	Доля «растущих» поселений в общем числе, %
Поселения, расположенные на федеральных и/или международных автомобильных дорогах	67	347,1	15,6	35	52,2
Поселения, расположенные на региональных транзитных путях	174	394,1	28,5	62	35,6
Поселения, расположенные вне региональных транспортных путей	537	194,9	2,1	205	38,1
Поселения — транспортные тупики	282	76,4	0,5	85	30,1

Проблематика развития транспортной доступности сельских поселений для Калининградской области входит в число приоритетов регионального правительства. Вместе с тем, очевидно, что наименее удовлетворенными существующей транспортной инфраструктурой являются жители периферий-

ных сельских территорий и поселений, попадающих в категорию «транспортный тупик». Низкая транспортная доступность становится причиной миграционного оттока населения из этих районов, что, в свою очередь, создает угрозу для стабильного функционирования этих территорий, в том числе в части обеспечения национальных интересов вдоль государственной границы России.

*Исследование выполнено в рамках научного проекта № 20-55-76003 под эгидой программы «ERA.Net RUS plus» при финансовой поддержке РФФИ.*

### **Список литературы**

1. Гуменюк И. С., Гуменюк Л.Г. Транспортная связность как фактор преодоления периферийности: пример сельских поселений Калининградской области // Балтийский регион. 2021. Т. 13, №4. С. 147—160.
2. Лялина А. В. Межрегиональные и межстрановые «перетоки» трудовых ресурсов в Калининградскую область: факторы и векторы в современном евразийском контексте // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2018. №4. С. 47—64.
3. Моляренко О. А. Распределенный образ жизни и контрурбанизационные процессы как факторы развития сельских и городских поселений // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. №1. С. 43—63.
4. Нефёдова Т. Г., Трейвиш А. И. Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, №2. С. 31—53.
5. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2021 года и в среднем за 2020 год // Росстат. URL: [https://web.archive.org/web/20210319185917/https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/wJkrbrPg/Popul2021\\_Site.xls](https://web.archive.org/web/20210319185917/https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/wJkrbrPg/Popul2021_Site.xls) (дата обращения: 27.08.2022).
6. Рахманов А. М. Вопросы транспортной доступности в развитии сельских территорий: зарубежный опыт // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2019. №5 (50). С. 22—29.
7. Романова Е. А., Виноградова О. Л., Фризина И. В. Эффект сжатия социально-экономического пространства в условиях приграничья (на примере СЗФО) // Балтийский регион. 2015. №3 (25). С. 38—61. doi: 10.5922/2074-9848-2015-3-3.

### **Об авторах**

*Иван Сергеевич Гуменюк*, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-8477-5342

*Лидия Геннадьевна Гуменюк*, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: LOsmolovskaya@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-6186-350X

***The authors***

*Dr Ivan S. Gumenyuk*, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-8477-5342

*Dr Lidia G. Gumenyuk*, Associate Professor, Department of Social and Cultural Service and Tourism, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: LOsmolovskaya@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-6186-350X

**А. И. Даньшин**

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

### **ПЕРИФЕРИЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАК ФАКТОР ПРИМИТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

*Аннотация. Выявлены особенности развития периферийных частей российско-белорусского приграничья, показаны направления примитивизации их сельского хозяйства. В белорусской части приграничья примитивизация формируется в условиях своеобразных институциональных факторов, при этом всплеск развития начинается ранее, чем в России. В России примитивизация — результат значительной депопуляции населения и прихода частных инвесторов, ориентирующихся не на природный потенциал территории, а на территорию как операционных ресурсов.*

*Annotation. The features of the development of the peripheral parts of the Russian-Belarusian border areas are revealed, the directions of primitivization of their agriculture are shown. In the Belarusian part of the border area, primitivization is formed under the conditions of specific institutional factors, and development begins earlier than in Russia. In Russia, primitivization is the result of a significant depopulation of the population and the arrival of private investors who focus not on the natural potential of the territory, but on the territory as an operational resource.*

**Ключевые слова:** примитивизация сельского хозяйства, периферийные территории, факторы развития, приграничные территории, российско-белорусское приграничье

**Keywords:** primitivization of agriculture, peripheral territories, development factors, border areas, Russian-Belarusian border area

Периферийные территории согласно модели «центр — периферия», взаимодействуя с центральной частью (ядром) территориальной системы, должны получать от этого ядра определенные послы для модернизации экономики и инновационных направлений развития [1]. При этом часто периферийность становится фактором, определяющим состояние экономики территории. В сельском хозяйстве как составном элементе народного хозяйства все эти тенденции сохраняются. Как утверждали Г. В. Иоффе и Т. Г. Нефёдова в начале 2000-х гг., во всех областях России можно обнаружить более или менее выраженные тюненские зоны падения интенсивности сельского хозяйства по мере удаления от рыночного центра [2]. При этом все же в конце статьи оговаривалось, что Россия воспроизводит свой квазитюненский ландшафт, но в специфическом виде, развиваясь в другой социально-экономической среде.

Российско-белорусское приграничье, исходя из модели «центр — периферия», должно быть, наверное, определено как территория, находящаяся в сфере влияния основных центров развития (ядер) двух государств — Минска и Москвы, в пределах инфраструктурного коридора, связывающего эти два центра, а соответственно, получающая инновационные посылы и со стороны Минска, и со стороны Москвы. Как показывают новейшие исследования [3], приграничье в этом межстоличном пространстве в настоящее время является суперпериферийной территорией, практически не испытывающей влияния быстро растущих Минска и Москвы, с серьезнейшей депопуляцией населения, особенно в сельской местности. Влияние региональных центров (Смоленск, Могилев, Витебск) как возможных ядер распространения инноваций невелико, в большинстве случаев нововведения приходят извне или же, как в случае с Белоруссией, инновационный потенциал территории резко возрастает только за счет важнейшего аграрного вуза страны в Горках (Могилевская область). Дополнительным стимулом для развития части приграничной территории Белоруссии является ареал более плодородных почв (Могилев — Шклов — Бельнич).

В данном случае периферийность приводит к усилению примитивизации сельского хозяйства, хотя сельское хозяйство белорусских территорий все же имеет более высокий уровень развития [4]. По некоторым позициям, например по объемам сбора зерновых или среднегодовым удоям коровьего молока на душу населения, белорусские районы опережают районы российского сектора в 10—15 раз. Ожидаемых эффектов от приграничного сотрудничества и проявления эффекта экотона вблизи линии контакта двух хозяйственных систем не наблюдается. Поэтому и примитивизация в Белоруссии выглядит менее выраженной и имеет свои специфические позиции.

Примитивизация приграничных российско-белорусских территорий идет по «северному» варианту, когда в структуре посевной площади преобладают кормовые культуры (травопольный севооборот). Но с российской части это севообороты с минимальным участием зерновых и картофеля в малотоварных хозяйствах. Происходит существенное сокращение числа как общественных хозяйств, так и личных подсобных (ЛПХ). В Белоруссии севообороты скорее зерно-травяно-пропашные со значительным участием пшеницы, ячменя, кукурузы на силос.

Примитивизация в животноводстве связана с технологичностью каждой отрасли, что приводит к формированию узкоотраслевых «фабрик» по производству молока, мяса, яйца. Но если в Белоруссии эти узкоотраслевые «фабрики» ориентируются на свою кормовую базу, в том числе и по выпасу скота, то в российском секторе в животноводстве земля почти всегда выступает только в качестве операционного базиса, то есть обеспечивает место производства (территорию) практически без использования окружающих сельскохозяйственных территорий для производства кормов.

Советский период и особенно постсоветское время в существенной степени изменили бывшее ранее единое сельскохозяйственное пространство,

наметив абсолютно разные тренды развития в Белоруссии и России. Если до 1990 г. во всех областях наблюдались примерно одинаковые тенденции изменения посевных площадей — колебания вокруг определенной величины, присущей каждой территории, то в постсоветское время белорусские и российские тренды пошли абсолютно по разным векторам развития. В Белоруссии существенных изменений в посевных площадях не произошло (за исключением Витебской области — самой сложной в сельскохозяйственном отношении из-за влияния факторов разной природы). В Российской Федерации во всех областях резко уменьшились площади, занимаемые под посевы. Причем в Псковской и Смоленской областях осталось только около четверти площадей, засеваемых в советский период (табл.).

**Изменение основных показателей развития сельского хозяйства  
в некоторых областях российско-белорусского приграничья**

Показатель	Год	Псковская область	Смоленская область	Витебская область	Могилевская область
Посевные площади, тыс. га	1970	887,6	1476,8	1138,9	1031,4
	2020	212,8	398,2	894,4	883,4
Посевные площади зерновых культур, тыс. га	1970	312,8	681,6	462,0	449,8
	2020	42,8	140,3	387,3	399,7
Посевные площади картофеля, тыс. га	1970	68,8	126,4	144,9	158,3
	2020	7,4	8,8	27,9	32,7
Поголовье крупного рогатого скота, тыс. голов	1970	551,7	730,5	918,8	787,2
	2020	65,7	128,4	542,6	537,4

Составлено и рассчитано автором на основе: *Сельское хозяйство СССР* : статистический сборник / Госкомстат СССР. М. : Финансы и статистика, 1988 ; *Национальный статистический комитет Республики Беларусь*. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofit-sialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/selskoe-hozyaistvo/selskoe-khozyaystvo/godovyedannye/> (дата обращения: 01.08.2022) ; *Федеральная служба государственной статистики РФ*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 01.08.2022).

Периферийность приграничных районов привела к тому, что и в Белоруссии, и в России новое постсоветское освоение территории началось позднее остальных сельскохозяйственных территорий. Если брать более близкие к Москве районы Смоленской области, то они в ранний период (конец 1990-х гг.) вошли в сферу влияния московских компаний, оставаясь сырьевой периферией по молоку до настоящего времени. В пограничном с Московской областью Гагаринском районе дополнительно появились производства и по мясу («Останкино»), и по кроликам (местные инвесторы). На белорусской территории есть находящийся в особом положении Шкловский район (Могилевская область) — родина А. Г. Лукашенко, который получает инвестиции в сельское

хозяйство в несколько раз больше, чем окружающие его районы, что, конечно же, приводит к более высоким показателям развития, хотя и при невысокой эффективности.

Значительно большие пространства для маневра сельского хозяйства в России привели к тому, что западные нечерноземные периферийные территории ранее бывших молочными Брянской, Смоленской, Псковской областей стали востребованы для альтернативных направлений животноводства только с середины 2010-х гг.: в Псковской области — местным инвестором (Великолукский мясокомбинат, свиноводство), в Брянской и Смоленской — «Мираторгом» (мясное скотоводство). Это в какой-то степени размывает общеобластную примитивизацию сельского хозяйства, но узконаправленность этих «фабрик» мяса просто формирует особый тип примитивизации, который можно назвать промышленной примитивизацией сельского хозяйства.

*Статья подготовлена на основе государственного задания по теме: «Современная динамика и факторы социально-экономического развития регионов и городов России и стран Ближнего Зарубежья»*

#### **Список литературы**

1. *Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela.* MIT Press, 1966.
2. *Иоффе Г. В., Нефёдова Т. Г.* Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. 2001. №2. С. 100—110.
3. *Российско-белорусское приграничье: вызовы межстоличного положения : монография / под ред. А. П. Катровского, Т. И. Яськовой.* Смоленск : Изд-во Смоленского государственного университета, 2022.
4. *Даньшин А. И. Радикович А. В.* Метод экономико-географического профилирования сельского хозяйства для территорий с контрастными показателями развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2022. Т. 67, №1. С. 97—113.

#### **Об авторе**

*Александр Иванович Даньшин*, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: [alivda@yandex.ru](mailto:alivda@yandex.ru)

ORCID: 0000-0001-6645-3510

#### **The author**

*Dr Alexander I. Danshin*, Associate Professor, Department of Economic and Social Geography of Russia, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: [alivda@yandex.ru](mailto:alivda@yandex.ru)

ORCID: 0000-0001-6645-3510

**Е. Г. Кропинова, Н. С. Болтова**

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)*

## **ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОТДЫХА ИНВАЛИДОВ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ**

*Аннотация. Развитие туризма в сельской местности должно формироваться с учетом потребностей людей с ограниченными возможностями здоровья. Такой подход, с одной стороны, позволит реализовать ключевые принципы «доступной среды», с другой — обеспечит равные возможности доступа к туристским ресурсам для всех категорий граждан. Цель работы — изучить основные проблемы развития безбарьерной среды в сельской местности и обозначить возможные направления решения проблемы доступности услуг сельского туризма для людей с ограниченными возможностями здоровья. Проведенный анализ 64 объектов размещения в сельской местности Калининградской области выявил существующие недостатки с точки зрения комфортности пребывания людей с ОВЗ. Обозначены основные направления устранения проблем.*

*Annotation. The development of tourism in rural areas should be formed taking into account the needs of people with disabilities. Such an approach, on the one hand, will make it possible to implement the key principles of the "Accessible Environment", on the other hand, it will provide equal opportunities for access to tourism resources for all categories of citizens. The aim of the work was to study the main problems of the development of a barrier-free environment in rural areas for people with disabilities and identify possible ways to solve the problem of accessibility of rural tourism services for people with disabilities. The analysis of 64 accommodation facilities (guest houses) in rural areas of the Kaliningrad region revealed the existing shortcomings in terms of the comfort of stay of people with disabilities. The main directions of troubleshooting are outlined.*

**Ключевые слова:** сельский туризм, социальное развитие, сельские территории, социальные инновации, доступная среда, инклюзивный туризм, безбарьерная среда

**Keywords:** rural tourism, social development, rural areas, social innovations, accessible environment, inclusive tourism, barrier-free environment

В настоящее время в России сложились благоприятные условия для развития сельского туризма. Это обусловлено сразу несколькими факторами:

- доступностью сельского отдыха в географическом плане (сельская местность имеется вблизи всех урбанизированных территорий);
- наличием разнообразных природно-климатических условий, предопределяющих разнообразие видов деятельности;

- доступностью сельского туризма в финансовом плане (считается наиболее бюджетным видом отдыха);
- возможностями для отдыха для различных категорий населения, что предопределяет его социальную направленность;
- особенностями туристического спроса в период пандемии коронавируса на индивидуальный отдых вблизи мест проживания.

Отдельно следует отметить роль государства в стимулировании развития этого направления туристической деятельности. Так, с 1 января 2022 г. вступил в силу федеральный закон от 02.07.2021 г. № 318-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах туристской деятельности в Российской Федерации” и статью 7 Федерального закона “О развитии сельского хозяйства”», в рамках которого предусмотрена поддержка деятельности, связанной с оказанием услуг по временному размещению, организации досуга, экскурсионных и иных услуг в рамках господдержки развития сельского хозяйства. Однако вопросам туризма людей с ограниченными возможностями уделяется недостаточно внимания. Неслучайно в своем выступлении Лусине Матосян, начальник отдела Управления государственных туристских проектов и безопасности туризма в Ростуризме, отметила, что «в России инклюзивный туризм только начинает развиваться, сталкиваясь с инфраструктурными, законодательными и иными ограничениями. Наша задача — выстроить системную работу, которая позволит создать в стране конкурентоспособный турпродукт для людей с ограниченными возможностями здоровья...»<sup>1</sup>

В национальном проекте «Туризм и индустрия гостеприимства» одна из инициатив обозначена как «Повышение доступности туристских услуг», предполагающая повышение комфортности туристских гостиниц и обеспечение доступности путешествий для населения всех возрастов<sup>2</sup>.

Однако именно вопросы доступности — одна из ключевых проблем сельской местности, начиная с вопросов транспортной доступности (снижение количества или полное отсутствие общественного транспорта во многих сельских населенных пунктах) и заканчивая непригодностью объектов инфраструктуры для людей с ограниченными возможностями здоровья (инвалидов).

По оценкам Всемирной организации здравоохранения, всего в мире насчитывается около 1 млрд человек с различными формами инвалидности, что соответствует примерно 15 % населения мира<sup>3</sup>. В России наблюдается такая же пропорция — по оценкам экспертов, на 2019 г. в нашей стране проживало 12 млн инвалидов<sup>4</sup>. Значит, эта группа людей в случае отсутствия должной инфраструктуры окажется ограниченной в возможности отдыха на селе.

---

<sup>1</sup> Что происходит в туризме для инвалидов // Ассоциация туроператоров. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/49630.html> (дата обращения: 20.05.2022).

<sup>2</sup> Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства». URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/turizm> (дата обращения: 20.05.2022).

<sup>3</sup> Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/en/news-room/fact-sheets/detail/disability-and-health> (дата обращения: 20.05.2022).

<sup>4</sup> Минтруд назвал число инвалидов в России // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/686454> (дата обращения: 20.05.2022).

Авторами в 2022 г. был проведен анализ средств размещения в сельской местности Калининградской области<sup>1</sup> с точки зрения доступности отдыха инвалидов. Было обследовано 64 сельских усадьбы в 22 муниципалитетах области. Изучалось наличие следующих составляющих: обустройство номера (комнаты) для людей с ОВЗ, наличие пандуса, туалета для инвалидов, информационной таблички / меню на языке Брайля. По результатам исследования сделан вывод, что в настоящее время ни в одной из рассмотренных усадеб не создано даже минимальных условий для отдыха инвалидов.

Анализ источников по теме исследования позволил авторам выделить укрупненные группы проблем, ограничивающих отдых инвалидов в сельской местности:

- 1) индивидуальные особенности здоровья [1];
- 2) материальное положение людей с ОВЗ [2];
- 3) транспортная недоступность [3];
- 4) отсутствие или слабое развитие мер по социальной поддержке туризма и отдыха людей с ОВЗ [2; 4];
- 5) отсутствие электронных путеводителей, адаптированных под потребности людей с ОВЗ [5];
- 6) ограниченный выбор туристических услуг и, как следствие, туристических маршрутов, адаптированных для инвалидов (лишь некоторые из объектов туристической инфраструктуры пригодны для использования инвалидами) [6—8];
- 7) социально-психологические барьеры, в том числе потеря мотивации у людей с ОВЗ для путешествий и отдыха [9];
- 8) ограничения по наличию безбарьерной среды в средствах размещения [10];
- 9) отсутствие квалифицированных сотрудников по работе с инвалидами [11; 12].

Вместе с тем ряд общественных организаций ведет активную работу по улучшению сложившейся ситуации. Например, руководитель АНО «Аура» Светлана Нигматуллина стала победителем конкурса «Мастера гостеприимства» с проектом «Путешествие мечты», под ее руководством в национальном парке «Куршская коса» была обустроена адаптивная тропа в Королевском бору для инвалидов-колясочников «Открывая заповедный мир»<sup>2</sup> и создана смотровая площадка для наблюдения за птицами. В целом проект «Путешествия мечты» создан с целью развития всех видов туризма для людей с инвалидностью из разных регионов России и мира. В программе путешествий предусмотрено знакомство с историей и географией региона, в нее

<sup>1</sup> Исследование затронуло только гостевые дома, размещенные за пределами городской черты, крупные гостиничные или спа-комплексы не рассматривались.

<sup>2</sup> Калининградский маршрут для людей с инвалидностью признан лучшим в России. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2019/10/30/kaliningrad-invalidnost-marshrut-ekotropa/> (дата обращения: 20.05.2022).

включены экскурсии, активный отдых и мастер-классы. Проект «Путешествия мечты» предназначен для людей с разными формами инвалидности и сопровождающих их лиц в возрасте от 3 до 85 лет из любой точки мира, которые хотят и любят путешествовать<sup>1</sup>.

В Знаменске семейный бизнес «Фермы Тюниных» предлагает сплавы по реке Лава для людей с ОВЗ<sup>2</sup>.

Таким образом, существуют следующие направления создания комфортного отдыха для туристов с ОВЗ в сельской местности и в целом в сфере туризма.

1. Формирование транспортной доступности: оборудовать ж/д, автовокзалы, остановки пандусами, подъемниками, безопасным специальными устройствами, способными обеспечить безопасность на улице и дороге людям с ОВЗ.

2. Оборудование номеров/комнат в гостиницах и гостевых домах для людей с ОВЗ.

3. Разработка или совершенствование программы по развитию социального туризма.

4. Разработка программы по развитию социального туризма в сельской местности.

5. Разработка единой системы информирования людей с ОВЗ о видах туристических услуг.

6. Расширение спектра туристических услуг для людей с ОВЗ.

7. Усовершенствование дорог, пляжей, улиц, пешеходных зон для доступного нахождения людей с ОВЗ.

8. Развитие социального туризма, поддержка туристской активности населения с невысоким уровнем доходов.

Правительство Калининградской области учитывает существующие проблемы. Неслучайно, положение одного из первых грантовых конкурсов, проводимых Министерством по культуре и туризму Калининградской области под эгидой Федерального агентства по туризму, включает целый ряд направлений государственной поддержки. Например, заявки могут подаваться на обустройство и модернизацию туристских ресурсов в составе национального туристского маршрута, включая их адаптацию к потребностям лиц с ограниченными возможностями здоровья<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> *Путешествие мечты*. URL: [http://anoaura.ru/a\\_dream\\_journey](http://anoaura.ru/a_dream_journey) (дата обращения: 20.05.2022).

<sup>2</sup> *Река и сплавы против пляжа и моря*. URL: <https://korolevskievorota.ru/reka-i-splavy-protiv-plyazha-i-morya/> (дата обращения: 20.05.2022).

<sup>3</sup> *О предоставлении* из областного бюджета грантов в форме субсидий в рамках реализации регионального проекта «Развитие туристической инфраструктуры (Калининградская область) национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства»: постановление Правительства Калининградской области от 2 августа 2022 г. №408. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3900202208040011> (дата обращения: 20.05.2022).

*Исследование выполнено под эгидой программы «ERA.Net RUS plus» при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-55-76003.*

### **Список литературы**

1. *Ежак Е. В., Власова В. В., Ежак А. С.* О развитии социального туризма в регионах в контексте обеспечения качества жизни людей с ОВЗ // Перспективы развития индустрии туризма и гостеприимства: теория и практика : сб. тр. Четвертой междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2021. С. 48—50.
2. *Джавадова С. А.* Перспективы развития инклюзивного туризма в России // E-Scio. 2020. №2 (41). С. 177—183.
3. *Плотникова В. С., Афонина О. Д.* Безбарьерный туризм: критерии и обоснование выбора объектов для инклюзивного тура // Сервис в России и за рубежом. 2022. Т. 16, №2 (99). С. 40—50.
4. *Афонькина Д.* Социальная составляющая туризма для людей с ограниченными возможностями здоровья // Туризм для людей с ограниченными возможностями здоровья: современное состояние и потенциал развития : матер. Всерос. науч. конф. с междунар. участием. СПб. : Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2020. С. 6—8.
5. *Гололенкова А. О.* Принципы создания туристского путеводителя для людей с ограниченными возможностями здоровья // Сервису и туризму — инновационное развитие : матер. XII междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. С. Комиссарова. СПб. : Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2020. С. 98—103.
6. *Чурилина И. Н., Егорова Е. В.* Доступная среда и событийный туризм для людей с особыми потребностями как фактор развития внутреннего туризма региона // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук : сб. тр. участников Третьей междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Санкт-Петербургский академический университет, 2016. С. 401—412.
7. *Шпенглер А. В., Колесова Ю. А., Лучинина М. И.* Проблемы развития безбарьерного туризма в Кировской области // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 5, №12. С. 197—200.
8. *Зиганшин И. И., Иванов Д. В.* Потенциал развития доступного туризма на особо охраняемых природных территориях Республики Татарстан // Российский журнал прикладной экологии. 2016. №2 (6). С. 42—47.
9. *Борисенко И. В., Шкрабак А. В., Щербаков Д. С.* Туризм для людей с ОВЗ // Научная весна — 2020. Экономические науки : сб. науч. тр. Шахты : Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты, 2020. С. 55—62.
10. *Ветитнев А. М., Трухан А. О.* Безбарьерная среда как ключевой фактор развития доступного туризма на современном курорте // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. 2016. №1. С. 13—16.
11. *Колязина Л. В.* Социальный туризм как рекреационная форма реабилитации инвалидов трудоспособного возраста // Реабилитация, абилитация и социализация: междисциплинарный подход. М. : Перо, 2016. С. 476—481.
12. *Дектярева А. В., Горгодзе Т. Е.* Инклюзивный туризм: целевая аудитория и барьеры развития в Российской Федерации // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения : сб. ст. 10-й Междунар. науч.-практ. конф. Курск, 2020. С. 131—140.

***Об авторах***

*Елена Геннадиевна Кропинова*, доктор географических наук, доктор экономики (Франция), профессор ОНК «Институт управления и территориального развития», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: [ekropinova@kantiana.ru](mailto:ekropinova@kantiana.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6971-7275>

*Надежда Сергеевна Болтова*, магистрант Высшей школы гостеприимства по направлению «туризм», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: [nadya.boltova@mail.ru](mailto:nadya.boltova@mail.ru)

***The authors***

*Prof Elena G. Kropinova*, Associate professor, Professor at the Institute of Management and Territorial development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: [ekropinova@kantiana.ru](mailto:ekropinova@kantiana.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6971-7275>

*Nadezhda S. Boltova*, Master student, High School on hospitality, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: [nadya.boltova@mail.ru](mailto:nadya.boltova@mail.ru)

**А. В. Левченко**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

## **СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ: ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ДЛЯ ВСЕХ ИЛИ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ?**

*Аннотация. Социальные инновации к настоящему времени стали заметной частью стратегии развития сельских периферийных территорий. Под социальными инновациями принято понимать внедрение новшеств, обеспечивающих активизацию человеческого потенциала для решения задач дальнейшего устойчивого развития страны, региона, населенного пункта. Они могут выступать в форме процесса, продукта, услуги, платформы, бизнес-модели и реализовываться государством, частным сектором, НКО, социальными предпринимателями. Одним из таких видов выступают «пионеры пространства» (space pioneers) — люди, переезжающие в периферийные, стагнирующие регионы для реализации своих идей, основания стартапов и инициативных проектов, наполняющие эти территории новыми ценностями и видами деятельности. В данной статье на основе результатов социологических опросов и полевых исследований рассматривается роль социальных инноваций и пионеров пространства в сельских поселениях. Сделан анализ и систематизированы факторы, влияющие на потенциал развития сельских периферийных районов благодаря деятельности пионеров пространства.*

*Annotation. Social innovations have now become a significant part of the strategy for the development of rural peripheral territories, which is commonly understood as the introduction of innovations that ensure the activation of human potential to solve the problems of further sustainable development of the country, region, settlement. They can act in the form of a process, product, service, platform, business model and be implemented by the state, the private sector, NGOs, social entrepreneurs. One of these types are “space pioneers”, people who move to peripheral, stagnant regions to implement their ideas, establish start-ups and initiative projects, filling these territories with new values and activities. In this article, based on the results of sociological surveys and field studies, the role of both social innovations in general and space pioneers in particular in rural settlements is considered. An analysis is made and the factors influencing the development potential of rural peripheral areas are systematized, thanks to the activities of space pioneers.*

**Ключевые слова:** сельская местность, Калининградская область, социальные инновации, пионеры пространства

**Keywords:** rural areas, Kaliningrad region, space pioneers, social innovation

## Введение

Произошедшие с начала 1990-х гг. изменения в сельских районах привели к появлению новых периферий, характеризующихся эмиграцией, частичным разрывом связей, низким уровнем экономической стабильности, демографическими и социальными проблемами и низкой социальной сплоченностью. Таким образом, всегда имевшийся контраст между городом и деревней становится все глубже и значительней [1]. При таких условиях особенно важным становится поиск новых потенциальных возможностей стабилизации и развития социально-экономической ситуации в сельских районах [2; 3]. Таким механизмом, например, может выступать социальное предпринимательство в сельской местности.

На сегодняшний день существует лишь несколько отдельных исследований по этой теме, которые не предлагают уже разработанного и апробированного методического аппарата [4]. В последние годы, особенно в странах Западной Европы, бывшие периферийные сельские районы превратились в общество знаний [5]. Тем не менее эти процессы, являющиеся результатом пространственных изменений, в большинстве случаев носят фрагментарный характер, так что в этом контексте джентрификацию можно рассматривать как такое явление в сельской местности, при котором прибытие работников умственного труда ведет к развитию неравенства в структуре собственности между местными жителями и вновь прибывшими [6].

Несмотря на то что процессы джентрификации пионерами пространства (*space pioneers*) уже частично исследованы, например, как социальный процесс [7], а также через социальные инновации в результате социального предпринимательства, тем не менее важные вопросы остаются без ответа. Например, насколько сильным является влияние пионеров пространства на местные сообщества и, с другой стороны, насколько эти люди могут оказывать стабилизирующее влияние на социально-экономическое положение сельских жителей в периферии [8]<sup>1</sup>. Не последнюю роль также играет переход к цифровым технологиям, открывающий новые возможности для работы в сельской местности [9].

Таким образом, неоспорим тот факт, что неотъемлемая часть деятельности пионеров пространства — это внедрение в сельской местности социальных инноваций, которые оказывают положительное влияние на сосуществование людей в коммунах и регионах [11]. Попытки развития с помощью креативной экономики еще не совсем изучены, но представляют определенный интерес для исследователей [12].

---

<sup>1</sup> Подробные исследования, посвященные тому, как пионеры пространства привносят новые порядки или даже устанавливают новые правила, уже описаны в литературе, что позволяет использовать эти наблюдения применительно к сельской местности [13].

В данной статье делается попытка оценить актуальную роль и влияние пионеров пространства и социальных инноваций на село, понять значение последних в сельской местности и ответить на вопрос: это потенциал развития для всех или только для избранных?

На наш взгляд, полученные результаты могут оказаться полезными при обосновании общих положений концепции развития сельского расселения в новых социально-экономических условиях.

### **Методология исследования**

Теоретическую основу составляет концепция возможностей социально-экономической стабилизации на селе. Решающим условием является улучшение социально-экономического положения сельских жителей через социальные инновации [11; 14]. Используются результаты социологического опроса и полевых исследований, рассматривается роль социальных инноваций и пионеров пространства в сельских поселениях.

### **Социальные инновации**

Под социальными инновациями следует понимать внедрение новшеств, обеспечивающих активизацию человеческого потенциала для решения задач дальнейшего устойчивого (сбалансированного и динамичного) развития страны, региона, населенного пункта. Они могут выступать в форме процесса, продукта, услуги, платформы, бизнес-модели и реализовываться государством, частным сектором, НКО, социальными предпринимателями [15]. Как важный фактор повышения привлекательности сельских территорий для проживания населения они стали рассматриваться и за рубежом, и в России сравнительно недавно.

Учитывая актуальные рамочные условия разработки инструментов внедрения социальных инноваций для совершенствования региональной и местной политики: недостаток рабочих мест; стагнирующую инфраструктуру; миграция (в особенности молодежи) и, как результат, депопуляцию, изменение демографической и расселенческой структуры, необходимы следующие шаги:

— политика региональных органов власти, содействующих развитию депрессивных регионов, в том числе путем внедрения социальных инноваций на селе;

— роль процессов цифровизации и ее развитие на селе;

— поддержка и развитие сельского (экологического) туризма;

— готовность населения к внедрению социальных инноваций и их разработке.

Одновременно выявлены следующие противоречивые тенденции:

— социальные инновации появились и развиваются, но процесс этот реализуется медленно;

— на эти цели стало выделяться финансирование, но его размеры невелики;  
— главную роль в улучшении ситуации играют действия органов власти, участие НКО по привлечению населения к внедрению социальных инноваций незначительно (что отмечается исследователями российских регионов).

Проведенная оценка состояния социальных инноваций показала, что некоторые позитивные изменения (в том числе учитывающие территориальные различия) происходят, но масштабы их явно недостаточны, а сельские жители недостаточно информированы об имеющихся возможностях создания новых рабочих мест и/или улучшения качества жизни, слабо подготовлены к активному участию в реализации социальных инноваций.

### **«Пионеры пространства»**

Особую роль, на ваш взгляд, должны и/или выполняют пионеры пространства, то есть люди (часто молодые), переезжающие в периферийные, стагнирующие регионы (сельские территории, малые города) для реализации своих идей, основания стартапов и инициативных проектов и т. п. Это акторы, которые пытаются наполнить новыми ценностями и видами деятельности стагнирующие сельские территории. К трудностям освоения территорий относятся множество небольших сетевых связей, слабая взаимосвязь между собой отдаленных регионов. Кроме того, данная инициативная группа населения, их стартапы и организационные формы практически не учитываются как в пространственном планировании, так и в документах развития территории.

Деятельность можно дифференцировать на различные сферы: экономику, культуру и социальную сферу, образование (включая политику), туризм. Они различны как по количеству, так и по объемам представительства. Мотивацией, согласно опросу, выступают желание попробовать свои силы в чем-то новом, личные факторы, желание уехать из (большого) города поближе к природе и прочие факторы. Причем выбор конкретного места приложения деятельности происходит чаще всего случайно, значительную роль играет природа, редко имеется бэкграунд в виде семейной истории, местоположения, стоимость недвижимости и т. п.

Интересен тот факт, что во многих сельских поселениях общественные объединения создаются именно приезжими, а не местными старожилами, которые, обладая знаниями о своей собственной истории, не пропагандируют ее, делегируя культурные и исторические полномочия приезжим — пионерам пространства, пропагандирующим тем немногим молодым жителям, которые остаются в этой местности, ее историю, природный и культурный потенциал.

С другой стороны, фиксируется трудность во взаимопонимании с местным населением. Причинами этого выступают замкнутость деревенских общин, предубеждение против чужих, а также отсутствие интереса к работе приезжих. Например, некоторые пионеры пространства считают себя полностью изолированными от деревенской общины и в первую очередь из-за раз-

личий в уровне образования с местным населением. Кроме того, многие отмечали зависть жителей деревни к успешной деятельности приезжих. Зависть и неприятие не только проявляются в отсутствии признания и спроса на новаторские действия. В некоторых случаях отношения доходят до открытой враждебности, порчи имущества и т. п.<sup>1</sup> Кроме того, в некоторых случаях зависть усиливается, возможно, из-за высокого уровня безработицы и низкого уровня доходов, что отчасти также оправдывает низкий спрос на новаторские предложения.

В то же время имеются многочисленные случаи, когда вновь прибывшие были интегрированы в деревенскую жизнь с самого начала и участвовали в ней. Новые жители, первоначально столкнувшись с неприятием и отторжением, смогли со временем ослабить скептицизм и предрассудки местных жителей и составить неотъемлемую часть сельского сообщества<sup>2</sup>.

Закономерен вопрос, насколько эффективен вообще механизм социальной инновации в сельской местности? Оказывает ли он синергетический эффект на окружающую среду (население) либо это в большей степени лишь потенциал развития для инициаторов? Примеры, когда местные жители получают возможность дополнительного заработка, известны, хотя и немногочисленны. Продажа сувениров, продукции с собственного приусадебного участка (молоко и молочные изделия, овощи, ягоды и фрукты) создает стабильный доход. Это формирует перспективу сохранения сельского образа жизни, не говоря уже о повышении уровня доходов.

На этом фоне именно туристско-рекреационное направление деятельности пионеров пространства должно приносить и приносит значительный вклад в стабилизацию ситуации в периферийных зонах. Социальные инновации в сельском туризме означают также обустройство средств размещения и показа, развитие инфраструктуры и реализацию иных мер по привлечению туристов. Кроме того, осуществляется обслуживание маршрутов выходного дня (прокатные пункты и др.).

**Заключение.** Социальные инновации в сельской местности — это потенциал развития для всех жителей периферийных сельских регионов. Можно констатировать, что импульсы, исходящие от пионеров пространства, различны по силе и воздействию, хоть и имеют периодический характер и могут быть связаны только с соответствующим местом, в котором работает пионер. Однако с сожалением приходится констатировать, что на региональном уровне импульсы очень слабы и имеют воздействие только в сумме. Другими

---

<sup>1</sup> Как сказал сотрудник организации, арендующей замок Рагнит, в разговоре об отношении местных жителей к проводимому благоустройству прилегающей территории: «Ведут себя как “злые пруссы”». Несмотря на то что Неман является центром городского округа и в нем насчитывается 10 765 жителей, согласно Т. Нефёдовой, его можно отнести к малым городам с сельским характером [16].

<sup>2</sup> Таким примером может служить поселок Краснолесье, где сторонними энтузиастами были основаны эколого-исторический музей, гостевой дом, производство крафтового шоколада, открыто кафе и т. д.

словами, синергетический эффект на окружающую среду (население), распространяясь на сельское сообщество, может охватывать небольшую территорию со схожими природными и социально-экономическими условиями, но в единичных проявлениях не способен пока влиять на всю периферийную зону региона. Надо учитывать, что многие пионеры пространства более эгоцентричны, и их основное внимание уделяется собственному экономическому и финансовому благополучию и саморазвитию.

В заключение можно сказать, что пионеры пространства вносят значительный вклад в модернизацию периферийных районов Калининградской области посредством своей деятельности, прежде всего в социально-культурном и туристическом планах. Данное явление уже существует и оказывает влияние на периферийные территории, и тот факт, что уже сложилась определенная структура и сфера деятельности участников, неоспорим.

*Работа выполнена в рамках гранта РФФИ №20-5576003 «Социальные инновации и повышение ценности местности в сельских регионах».*

#### Список литературы

1. Левченков А. В., Давыденко А. В. Сельская местность как периферийная зона: приговор или потенциал // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2021. №4. С. 5—15.
2. Левченков А. В. Сельская местность в пространственном планировании Восточной Германии: современные концепции и вызовы // Прибалтийские исследования в России : матер. Междунар. науч. конф. / под ред. А. П. Клемешева, Н. М. Межевича, Г. М. Федорова. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. С. 52—57.
3. Klüter H., Levchenkov A. Rural Areas of Eastern Germany: modern challenges // Baltic Region. 2021. №1 (11). P. 97—108.
4. Steiner A., Teassdale S. Unlocking the Potential of Rural Social Enterprise // Journal of Rural Studies. 2019. Jg. 70. S. 144—154.
5. Kujatn H. J., Dehne P., Stein A. Wandel des ländlichen Raumes in der Wissensgesellschaft // Raumforschung und Raumordnung. 2019. Jg. 77, H. 5. S. 475—491. doi: <https://doi.org/10.2478/rara-2019-0042>.
6. Phillips M. Rural Gentrification and the Process of Class Colonisation // Journal of Rural Studies. 1993. Jg. 9, H. 2. S. 123—140.
7. Klüter H. Garten der Metropolen — ein neues Leitbild für die ländlichen Räume Nordostdeutschlands // Dünkel F., Herbst M., Schlegel T. (Hrsg.). Think Rural! Dynamiken des Wandels in peripheren ländlichen Räumen und ihre Implikationen für die Daseinsvorsorge. Wiesbaden : SpringerVS, 2014. S. 281—294.
8. Stein A., Wiegand T. S., Dehne P. et al. Wissensgesellschaft als Herausforderung für ländlich-periphere Regionen. Beispiele aus Nordostdeutschland. Forschungsberichte der ARL. Hannover, 2016. Bd. 6.
9. Mamonova N., Sutherland L.-A. Rural gentrification in Russia: Renegotiating identity, alternative food production and social tensions in the countryside // Journal of Rural Studies. 2015. Jg. 42. S. 154—165.
10. Berlin-Institut für Bevölkerung; Entwicklung und Neuland e. V. (Hrsg.). Urbane Dörfer. Wie digitales Arbeiten Städter aufs Land bringen kann. Berlin, 2019.

11. *Howaldt J.* Soziale Innovation im Fokus nachhaltiger Entwicklung — Die Bedeutung von Kooperationen und Netzwerken für den Erfolg sozialer Innovationen // Ch. Neugebauer, S. Pawel, H. Biritz (Hrsg.). Netzwerke und soziale Innovationen. Lösungsansätze für gesellschaftliche Herausforderungen? Wiesbaden, 2019. S. 11—30.

12. *Fleming R. C.* Creative Economic Development, Sustainability and Exclusion in Rural Areas // *The Geographical Review*. 2009. Jg. 99, H. 1. S. 61—80.

13. *Kinder S.* / H.T. Porada (Hrsg.). Das Havelland um Rathenow und Premnitz. Eine landeskundliche Bestandsaufnahme (Landschaften in Deutschland, Bd. 74.). Köln ; Weimar ; Wien ; Böhlau, 2017. doi: 10.1515/hzhz-2018-1101.

14. *Noak A., Schmidt T.* Innovation und Kommunikation. Raumpionier-Ideen in Stadtquartieren mit ausgeprägten Problemlagen // G.B. Christmann (Hrsg.). Zur kommunikativen Konstruktion von Räumen. Theoretische Konzepte und empirische Analysen. Wiesbaden, 2016. S. 155—178.

15. *Соловьёва Т. С., Попов А. В.* Социальные инновации в сфере занятости: региональный опыт // *Ars Administrandi. Искусство управления*. 2015. №2. С. 65—84.

16. *Нефёдова Т. Г.* Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // *Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов*. 2018. №7. С. 1—12.

#### ***Об авторе***

*Андрей Викторович Левченко*, кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра геополитических исследований Балтийского региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: levchenkov5@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0418-945>

#### ***The author***

*Dr Andrey V. Levchenkov*, Associate Professor, Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: levchenkov5@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0418-945>

**А. А. Михайлова**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

**ПОЛЕССКИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ОКРУГ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ  
КАК МЕСТО ДЛЯ ЖИЗНИ**

*Аннотация. Сокращение численности сельского населения оказывает негативное влияние на сохранение традиционной модели деревни, в основе которой — занятость в сельском хозяйстве. Современная сельская местность все активнее перенимает городской образ жизни, транслируемый через виртуальные коммуникационные каналы (основной — интернет) и распространяемый новыми селянами — выходцами из города, которые все активнее начинают вновь осваивать сельское пространство и менять его «под себя». Потребность в сохранении местного сельского сообщества привела к развитию подхода социальных инноваций, направленного на решение повседневных проблем жителей сельских поселений через внедрение новых социальных практик, развитие сферы обслуживания и социального предпринимательства. Предполагается, что улучшение качества жизни на селе повысит его конкурентоспособность в борьбе за человеческие ресурсы и затормозит процесс обезлюдения. В данном исследовании на примере Полесского муниципального округа Калининградской области дана оценка привлекательности российского села как места для жизни современного человека. Фактологический материал для анализа собран в рамках экспедиции в сельские населенные пункты муниципалитета в летние месяцы 2022 г. Сделан вывод о необходимости модернизации сельских общественных пространств с целью расширения их функционального и качественного использования местными жителями.*

*Annotation. Rural depopulation has a negative impact on the preservation of the traditional model of the village, which is based on employment in agriculture. The modern rural area is increasingly adopting the urban way of life, broadcast through virtual communication channels (the main one is the Internet) and disseminated by new villagers who are newcomers from the city, who are increasingly active in re-capturing rural space and adopting it up to their standards. The need to preserve the local rural community has led to the development of a social innovation approach aimed at solving the everyday problems of rural residents through the introduction of new social practices, the development of the service sector and social entrepreneurship. It is assumed that improving the quality of life in rural areas will increase their competitiveness in the struggle for human resources and slow down the process of depopulation. This study assesses the attractiveness of the Russian village as a place for modern man's life on the example of the Polesskiy municipal district of Kaliningrad region. The research data is collected during the expedition to the rural settlements of the municipality in the summer months of 2022. The findings suggest the necessity of modernization of rural public spaces in order to expand their functional and qualitative use by the local residents.*

**Ключевые слова:** сельская местность, социальные инновации, социальная инфраструктура, сфера услуг, качество жизни

**Keywords:** countryside, social innovations, social infrastructure, service sector, quality of life

**Введение и постановка вопроса.** Сельская местность всегда рассматривалась через призму самобытности, особого ритма и уклада жизни, который строился вокруг занятости в сельском хозяйстве. С активизацией процесса деаграризации прежние подходы к организации жизни селян теряют свою актуальность. Местные жители трудоспособного возраста все активнее уезжают в город в поисках работы и более высокого уровня жизни [1], что негативно сказывается на сельском сообществе и ведет к его деградации. Разрушаются общинные связи, забываются традиционные для этих мест сельскохозяйственные, культурные, духовные, экологические и иные практики. Происходит измельчание сельской поселенческой сети и истончение сельского сообщества, что сопровождается свертыванием системы социального обслуживания и перехода к его упрощенным форматам [2]. Особенно остро это проблема стоит для малых сел [3].

В то же время сельское пространство все активнее начинает осваиваться горожанами, которые, нередко будучи привлечены живописными сельскими ландшафтами, стремятся обеспечить себе городской, то есть более комфортный, образ жизни, а следовательно, и более требовательны к местной инфраструктуре и сфере обслуживания. Последняя имеет неравномерное распределение относительно расселения сельского населения, что обуславливает контрастность в доступности культурно-бытового обслуживания не только между селом и городом, но и отдельными сельскими территориями [4]. Широкое освещение в научной литературе получил эффект сезонных миграций дачников, которые в летние месяцы и выходные покидают крупные города и устремляются в сельскую местность, создавая дополнительную антропогенную нагрузку в условиях управленческой «оптимизации» сельского пространства [5].

Столкновение сельской и городской моделей жизни неминуемо приводит к их взаимному проникновению (даже при отсутствии тесных контактов), формируя новый образ деревни. Значительную роль в этом процессе играют социальные инновации, которые позволяют по-новому решать застарелые сельские проблемы [6]. Ключевая из них — возрождение сельского сообщества и сохранение ценности сельских территорий.

В данной статье мы предприняли попытку оценить привлекательность российского села как места для жизни современного урбанизированного человека.

**Методика исследования.** Статья продолжает серию исследований в рамках проекта «Социальные инновации и повышение ценности местности в сельских регионах», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований. Проект направлен на поиск инновационных путей развития сельских территорий, а пилотным объектом выступает Калининградская об-

ласть Российской Федерации. В данном исследовании сделан фокус на Полесском муниципальном округе, который, обладая значительными ресурсами в сельской местности, обнаруживает на себе агломерационное влияние Калининграда.

Всего в муниципалитете по состоянию на 2021 г. зарегистрировано 18,1 тыс. человек. Он находится на 10-м месте по площади территории и на 15-м по численности населения среди других муниципалитетов региона. Свыше 60% населения проживают в сельской местности, концентрируясь преимущественно в наиболее крупных, расположенных на транспортных путях поселках — Залесье, Саранском, Славянском, Сосновке, Тургенево, Заливино, Зеленом. Есть и совсем небольшие деревни хуторского типа с количеством зарегистрированных жителей не более 50 человек. Всего в Полесском муниципальном округе 66 сельских населенных пунктов с общей численностью населения 11,2 тыс. человек. Рисунок 1 демонстрирует распределение населения по типам поселков.

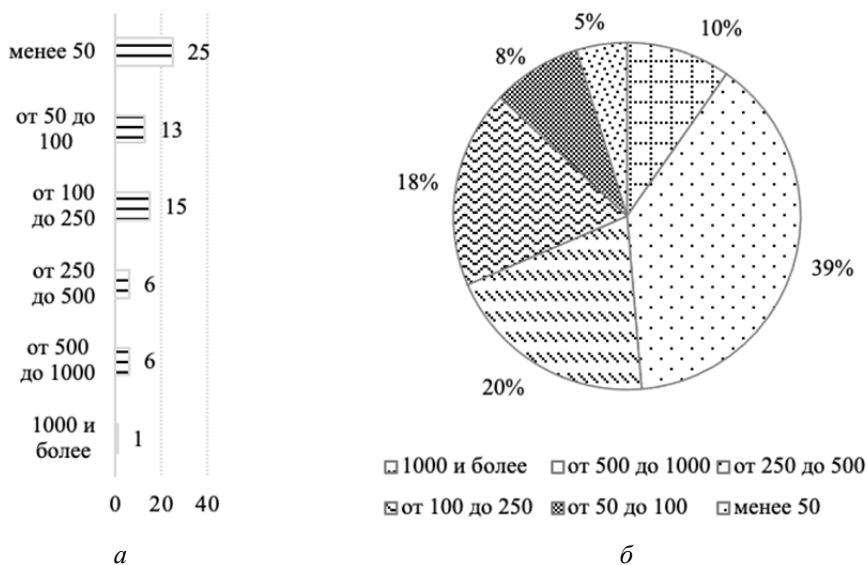


Рис. 1. Распределение сельского населения Полесского муниципального округа по типам поселков, 2021 г.:

*а* — количество поселков по размеру относительно численности жителей, чел.;  
*б* — доля сельского населения, проживающего в поселках каждого типа, %

Источник: составлено автором на основе данных [7].

Таблица представляет место Полесского муниципального округа в Калининградской области по некоторым показателям социально-экономического и инфраструктурного развития, отражающим привлекательность его для населения.

## Некоторые показатели развития Полесского муниципального округа, 2020 г.

Показатель	Значение	Место в регионе из 22 муниципалитетов
Доля дорог с твердым покрытием в общей протяженности автодорог общего пользования, %	28,6	22
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, м <sup>2</sup>	24,1	15
Площадь земельных участков, предоставленных для строительства, га на 10 тыс. человек населения	2,8	6
Площадь торгового зала объектов розничной торговли (магазинов), м <sup>2</sup> на 1 жителя	0,49	11
Доля негазифицированных населенных пунктов, %	97	18
Доля населенных пунктов, не имеющих водопроводов, %	64	21
Доля населенных пунктов, не имеющих канализаций, %	95	19
Удельный вес убыточных организаций в общем числе организаций, %	32	15

*Источник:* составлено автором на основе данных [8].

Обращает на себя внимание, что округ существенно отстает по развитию сферы коммунального и социального обслуживания от других муниципалитетов, при этом занимает хорошие позиции по площади земельных участков, предоставленных для строительства. Дополнительный приток населения, особенно в сельскую местность, может усугубить накопившиеся социальные проблемы в Полесском округе, многократно увеличив запрос на повышение качества жизни.

Оценка социальной привлекательности сельской местности Полесского муниципального округа произведена методом наблюдения в ходе экспедиционных поездок в муниципалитет в июле — августе 2022 г. В данный период собран значительный фотографический материал, отражающий бытовую жизнь сельского населения муниципалитета в крупных и малых поселках. Анализ фотографий позволяет получить представление о типах застройки поселков, разнообразии сельских ландшафтов, наличии объектов сферы услуг и особенностях их функционирования и др.

**Результаты исследования.** Полесский муниципальный округ отличается разнообразием природных ландшафтов (обширные сельскохозяйственные поля, луга, густые лесные массивы, реки и каналы, прибрежные территории Куршского залива и др.), в которые вписаны небольшие сельские поселения до 100 жителей (57,6% всех сел округа), а также средние (до 500 чел.) и крупные (свыше 500 чел.) поселки, доля которых — 31,8 и 10,6% соответственно. Это создает благоприятные условия для развития разных видов деятельности (сельского хозяйства, туризма, рыболовства, др.) и выступает стимулирующим фактором мобильности внутри муниципалитета (рис. 2).



Рис. 2. Примеры сельских ландшафтов Полесского муниципального округа (фото автора)

Размещение домов сельских жителей в значительной мере обусловлено оставшимися объектами старой застройки немецкого периода. Строящиеся дома встречаются в крупных поселках вдоль трассы А190 «Калининград — Полесск» (Славянское) и в более мелких, ориентированных на привлечение туристов (Матросово). Для поселков с численностью свыше 500 чел. характерно наличие двухэтажных многоквартирных домов, рядом с которыми местными жителями иногда устанавливаются арочные теплицы (например, Славянское, Тургенево, Головкино, Заливино и др.). В малых поселках до 100 чел. распространенным жильем выступают одноэтажные кирпичные, реже деревянные дома, нередко разделенные на две семьи. Их отличительной чертой является двухцветная крыша, свидетельствующая о разных периодах ремонта владельцами каждой из половин дома. Также такие дома могут встречаться и в более крупных поселках.

В большинстве сельских населенных пунктов территории участков не имеют высокого глухого забора, за исключением, например, поселков, вытянутых вдоль узкого Полесского канала (Красное, Беломорское) или выходящих к Куршскому заливу (Малая Матросовка). Многие сельские жители муниципалитета разбивают перед домом клумбы и/или высаживают садовые деревья или декоративные растения. В поселках, где дома непосредственно

выходят к воде (например, в Матросово в противовес Июльскому), оборудованы спуски на воду для лодок. У большинства домов первой линии пришвартованы и сами лодки (моторные или весельные).

На рисунке 3 представлены примеры домов в поселках Полесского муниципального округа в зависимости от численности населения.



1000 и более чел.



500 – <1000 чел.



250 – <500 чел.



100 – <250 чел.



50 – <100 чел.



Менее 50 чел.

Рис. 3. Типичные дома в поселках разного типа по численности жителей, 2022 г. (фото автора)

В 2022 г. в сельской местности Полесского муниципального округа выявлено 48 функционирующих магазинов (продукты питания, одежда), в первую очередь в наиболее крупных поселках. Лишь один продуктовый магазин обнаружен в селе с менее чем 100 жителями — в Малой Матросовке. Однако он

рассчитан преимущественно на туристов и обслуживает сразу несколько поселков. Важность данного магазина подчеркивается наличием на дороге специального указателя.

Многие сельские магазины имеют смешанный ассортимент из продовольственных и непродовольственных товаров, востребованных местными жителями. Также в них могут оказываться услуги мобильной связи или действовать формат магазина-кафе (со столиками на улице). Как правило, объекты розничной торговли располагаются в центре поселка, рядом с дорогой, остановкой общественного транспорта (рис. 4). Интересен универсам в пос. Залесье, вокруг которого под открытым небом организована выставка старинной сельхозтехники (часть экспозиции подворья «Козий двор»).



1000 и более чел.  
50 – <100 чел.



500 – <1000 чел.  
Менее 50 чел.



250 – <500 чел.



100 – <250 чел.



50 – <100 чел.



Менее 50 чел.

Рис. 4. Типичные объекты розничной торговли в поселках разного типа по численности жителей, 2022 г. (фото автора)

Местные жители муниципалитета осуществляют продажу излишков продуктов личного подсобного хозяйства. В первую очередь это молоко и молочные продукты, мед, яйца, овощи. Для этого рядом с домом устанавливаются информационные таблички или баннеры, привлекающие внимание потенциальных покупателей, а также у дороги выставляется сам товар. В сезон торговля ведется с машин у дороги или в специально отведенных местах (ярмарках).

Важную роль для обеспечения качественной среды проживания играют обустроенные общественные пространства и места отдыха. Рисунок 5 позволяет получить представление о разнообразии и состоянии таких мест на территории поселков муниципалитета.



Детская площадка, пос. Заливино



Скульптура «Рыбаки», пос. Матросово



Оборудованный выход к воде, пос. Июльское



Беседки, пос. Залесье

Рис. 5. Примеры общественных пространств и мест отдыха в поселках Полесского муниципального района, 2022 г. (фото автора)

В период экспедиции в сельской местности Полесского округа обследованы 17 детских площадок и мест отдыха, а также 14 культурных и исторических объектов. В некоторых, но не во всех крупных поселках функционируют дома культуры — в Залесье, Саранском, Тургенево, Славянском, Новой Деревне и Зеленом, на базе которых проводятся поселковые и межпоселковые

мероприятия. Существенный вклад в развитие современных общественных пространств вносит инструмент территориального общественного самоуправления (ТОС). На территории муниципалитета действуют четыре ТОС: три в поселках («Чистый берег», «Семейный клуб “Ромашка”», «Хуторок») и один в Полесске («Клуб "Серебряные знатоки"»). Деятельность ТОС направлена на благоустройство сельских территорий и развитие креативных пространств. Также определенный импульс развитию сельского пространства дают местные музеи — Старая немецкая школа Вальдвинкель (пос. Ильчево), историко-культурный центр «Старый маяк» и арт-пространство «Дом рыбака» (пос. Заливино), музей Средневековья (пос. Сосновка), Музей сельскохозяйственной техники на конной тяге и старинной домашней утвари («Козий двор», пос. Зелёново), краеведческий музей «Гертлаукен» (пос. Новая Деревня). Некоторые из них — результат реализации программ приграничного сотрудничества России и ЕС.

### **Основные выводы**

Динамика развития Полесского муниципального округа в значительной мере определяется развитием его сельских поселений. Муниципалитет обладает существенными внутренними ресурсами, сосредоточенными в сельской местности, среди них важное место занимает разнообразие природных ландшафтов. Округ обладает высоким туристическим и рекреационным потенциалом, который пока используется не в полной мере. Сложившаяся система расселения, с одной стороны, характеризуется высокой концентрацией (70% жителей сосредоточено в 13 из 66 сел), а с другой — мелкоселенностью (в более чем половине сел зарегистрировано менее 100 человек). В связи с этим необходим гибкий подход к организации социального обслуживания сельского населения, в основу которого должна лечь не оптимизация, а диверсификация объектов социальных услуг с учетом потребностей местного населения, транспортной связанности и размеров поселков. Наиболее обеднены в отношении сферы бытового обслуживания малые поселки, но и крупные не обеспечены социальной инфраструктурой в полной мере. Ощущается нехватка современных общественных пространств. В муниципалитете реализуются отдельные социально значимые инициативы, и этот опыт должен быть распространен на соседние территории. Одним из прежних инструментов развития сельской местности Полесского муниципального округа выступали программы приграничного сотрудничества между РФ и ЕС, однако в условиях текущей геополитической напряженности необходим поиск новых управленческих решений с разработкой комплексной программы по ревитализации и сохранению ценности сельских территорий муниципалитета.

*Исследование выполнено под эгидой программы «ERA.Net RUS plus» при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-55-76003.*

### Список литературы

1. *Гридасова Е. А.* Социально-экономическая трансформация сельского социума // *Colloquium-journal*. 2020. № 12 (64). С. 78—81. doi:10.24411/2520-6990-2020-11805.
2. *Яковлева С. И.* Системный подход к территориальной организации сферы обслуживания в сельской местности // *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2020. № 15 (2). С. 944—948.
3. *Кузнецова Н. Ф.* Малые села России: сущность, особенности, проблемы и пути их решения // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2019. Т. 8, № 4 (29). С. 231—234.
4. *Огарков С. А., Огарков А. П.* Совершенствование воспроизводства основных фондов социального назначения в сельской местности // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2019. Т. 215, № 1. С. 287—309.
5. *Нефёдова Т. Г.* Сельская местность на удаленных подступах к Москве // *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. 2019. № 4 (538). С. 50—70.
6. *Федоров Г. М., Кузнецова Т. Ю., Михайлова А. А.* О внедрении социальных инноваций в сельской местности Калининградской области // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*. 2021. № 3. С. 5—21.
7. *Численность населения городских и сельских населенных пунктов Калининградской области по состоянию на 1 января 2021 года*. Калининград, 2021.
8. *Инфраструктура, экономика и социальная сфера муниципальных образований Калининградской области в 2020 году*. Статистический бюллетень / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области (Калининградстат). Калининград, 2021.

### Об авторе

*Анна Алексеевна Михайлова*, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник гранта РФФИ, старший научный сотрудник Центра геополитических исследований Балтийского региона, Институт региональных и геополитических исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6807-6074

### The author

*Dr Anna A. Mikhaylova*, Senior Research Fellow, Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6807-6074

**А. Б. Швец**

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Институт «Таврическая академия»  
(Симферополь, Россия)

## НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОСЕДЛОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КРЫМУ

*Аннотация. Определены особенности трансформации понятия «оседлость» в условиях Крымского сельского региона. В процессе социологического опроса выявлены основные характеристики сельского населения, связывающего свою жизнь с местом современного обитания. Дано определение понятию «подвижная оседлость» в условиях автомобилизации сельского населения Крымского полуострова. Охарактеризованы маркеры подвижной оседлости сельского населения в Крыму. Определен вариант картографического исследования оседлости.*

*Annotation. The features of the transformation of the concept of "settlement" in the conditions of the Crimean rural region are determined. In the process of a sociological survey, the main characteristics of the rural population connecting their lives with the place of their modern habitation were revealed. The definition of the concept of "mobile settled way of life" in the conditions of motorization of the rural population of the Crimean peninsula is given. The markers of the mobile settlement of the rural population in the Crimea are characterized. A variant of the cartographic study of the settled way of life is determined.*

**Ключевые слова:** общественная география, сельская местность, оседлость, население, Крым

**Keywords:** social geography, countryside, settlement, population, Crimea

Сельские территории Крыма — малоизученный объект в отечественной общественной географии. Это связано с получившей широкое распространение рекреационной тематикой изучения Крымского полуострова. А между тем сельские территории занимают приблизительно три четверти площади этого региона.

Сельские территории в Крыму выполняют роль «глубинных районов», в большинстве случаев не имеющих прямого выхода к побережью Чёрного и Азовского морей и выполняющих в системе расселения населения преимущественно аграрную, а не рекреационную функцию. Лишь отдельные участки Черноморского побережья на западе Крыма и прибрежные районы Азовского моря на севере Керченского полуострова имеют не только аграрную, но и рекреационную специализацию сельских поселений. Но и эти территории по образу жизни населения ближе не к местностям курортного типа, а к районам, где главной статьёй доходов населения является аграрная занятость.

В своих работах сельские территории Крыма мы именуем геоконцептом «Иной Крым», понимая под ним пространство, менее представленное в информационном поле, чем геоконцепт «Крым курортный».

Целью нашей работы стало рассмотрение территориальных особенностей оседлости сельского населения Крыма для уточнения современных характеристик образа жизни этой категории жителей Крымского полуострова.

Сельский образ жизни широко исследован в работах географов, экономистов и социологов А. И. Алексеева и С. Г. Сафронова [1; 2], Н. В. Зубаревич [3], Т. И. Заславской [4], Т. Г. Нефёдовой [5; 6] и др. Как правило, оседлость сельского населения в работах упомянутых авторов рассматривается как синоним образа жизни людей в постоянных поселениях, обусловленного аграрным характером труда и составляющего антитезу кочевой и бродячей формам жизнеустройства.

Поддерживая в целом приведенное выше содержание понятия «оседлость», дополним его аспектом новизны, выявленной в процессе авторских полевых исследований в Крыму. Эта новизна связана с отмеченными интервьюерами опроса маркерами мобильности сельского населения Крыма, проявленными в наличии практически в каждом домохозяйстве различных транспортных средств. Известно, что развитие сельской местности в значительной мере зависит от реальных транспортных возможностей ее связи с городом. В условиях коммерциализации социальной среды транспортные связи крымских сел с городами в отдельных случаях резко ухудшились, с чем, очевидно, и связано появление разнообразия в транспортных средствах селян. Как говорится, автомобиль перестал быть роскошью, а превратился в средство мобильной оседлости.

Статистика подтверждает мысль о том, что мобильная оседлость (как возможность перемещаться в пространстве по собственной инициативе) сельского населения Крыма связана с его ускоренной автомобилизацией и улучшением обеспеченности региона дорогами с твердым покрытием. К примеру, в 2018 г. уровень автомобилизации населения Республики Крым вырос по сравнению с 2012 г. на 118%, составив 166 легковых автомобилей на 1000 чел. при аналогичном среднероссийском показателе 305 легковых автомобилей [7]. В результате реализации государственной программы «Развитие дорожного хозяйства Республики Крым» на 2019—2022 гг. запланировано построить более 355 километров новых автомобильных дорог, среди которых дороги межмуниципального значения составят 75% [8]. Заметим, что в 2021 г., по информации Минтранса Республики Крым, показатель доли автомобильных дорог регионального и межмуниципального значения, находящихся в нормативном состоянии, составлял в Республике Крым, где сосредоточен основной массив путей сообщения по сельским территориям, 34,3% [9], а в городе федерального значения Севастополе — около 40% [10].

Сельские территории Крыма, отнесенные нами к «Иному Крыму», концентрируют более ста населенных пунктов, в которых проживает более 60%

сельского населения Крымского полуострова. В июне 2021 г. автор в составе исследовательской группы факультета географии, геоэкологии и туризма Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского участвовала в организации опроса общественного мнения жителей 30 сельских поселений в 14 муниципальных районах Республики Крым и в сельских населенных пунктах, входящих в пределы города федерального значения Севастополь. Все поселения были выбраны в качестве ключевых для интерпретации проблем, состояния и перспектив развития рекреационных территорий Крыма [12].

В опросе общественного мнения использовалась стратифицированная выборка, в которой существенными критериями респондентов сельского населения в возрасте от 18 лет и старше стали половозрастные и этнические характеристики. В качестве процедуры сбора социологических данных в исследовании применялся один из основных опросных методов — прямое индивидуализированное интервьюирование с использованием стандартизированной анкеты. Общее число опрошенных — 315 чел. Статистическая ошибка выборки в среднем составила 4,5 %.

Главной проблемой крымских сел в 2021 г. была безработица и нехватка рабочих мест. Эту проблему отметили 45,5 % жителей центральных (степных) районов Крыма, а также Присивашья и Керченского полуострова (61,7 %, что существенно выше среднекрымского показателя) [11]. Проблема отдаленности крымских сел от муниципальных центров и отсутствия в них учреждений здравоохранения, культуры и мест отдыха также вошла в пятерку основных проблем у респондентов в возрасте старше 60 лет. Проблему плохого качества дорог в сельской местности отметили 30 % жителей Присивашья и Керченского полуострова. Отметим, что степень проявленности основных проблем сельских территорий, близко расположенных к урбанизированным и главным рекреационным зонам Крыма в пределах предгорной и горной частей полуострова, значительно ниже, чем у жителей степных регионов.

Присивашье и Керченский полуостров характеризуются самой высокой в Крыму степенью оседлости населения, о чем свидетельствует наибольшая среди других районов Крыма доля респондентов, проживающих в сельской местности с рождения (53,3 %). В этих же районах нами отмечен низкий удельный вес респондентов, чьи дети и внуки проживают в сельской местности. Степной Крым характеризуется уровнем оседлости сельского населения ниже среднекрымского показателя и пониженным уровнем закрепленности младших поколений.

Пространственная мобильность сельских жителей проявлена в ежедневных поездках за пределы своих населенных пунктов. Такие поездки совершают от 20 до 30 % жителей сел с разной транспортной доступностью административного центра. Цель этих перемещений — работа или лечение (40 %). Почти 28 % опрошенных выезжают за пределы своих населенных пунктов

для оформления документов, а более четверти — для посещения друзей или родственников. Наибольший показатель маятниковой миграции отмечен в селах зоны дальней транспортной доступности (более 60 мин). Такие поездки, где важно наличие собственного транспортного средства, совершают 47% сельских жителей. Наиболее мобильными являются жители Предгорного и Горного Крыма: 73% респондентов каждый день выезжают за пределы своего населенного пункта.

Таким образом, проявленность мобильной оседлости как маркера изменения сельского образа жизни и регулятора в решении бытовых, социальных и экономических проблем сельских территорий Крыма, может сигнализировать местным властям о направлении стратегии развития этого типа географического пространства.

### Список литературы

1. Алексеев А. И., Сафронов С. Г. Изменения сельского расселения в России в конце XX — начале XXI в. // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. 2015. № 2. С. 66—76.
2. Алексеев А. И., Сафронов С. Г. Типология сельских населенных пунктов Европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. 2017. № 6. С. 55—61.
3. Заславская Т. И. Страницы творческой биографии. Реформаторское течение в отечественной аграрно-экономической мысли (1950—1990-е гг.). М., 1999. С. 37—82.
4. Зубаревич Н. В. Развитие сельских территорий России, социальные и гендерные проблемы // Международный сельскохозяйственный журнал. 2017. № 2. С. 12—14.
5. Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т. Г. Нефёдовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М. : Новый хронограф, 2016.
6. Нефёдова Т. Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М. : Новое издательство, 2003.
7. Как изменился Крым в составе России. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3909406> (дата обращения: 22.07.2022).
8. Об утверждении Государственной программы Республики Крым «Развитие дорожного хозяйства Республики Крым» : постановление Совета министров Республики Крым от 26 декабря 2018 г. № 680. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550321057> (дата обращения: 22.07.2022).
9. Официально: только треть автомобильных дорог Крыма — в нормативном состоянии. URL: <https://crimeapress.info/ofitsialno-tolko-tret-avtomobilnyh-dorog-kryma-v-normativnom-sostoyanii/> (дата обращения: 22.07.2022).
10. Ларионова Т. Проектам — реализацию // Транспорт России. 07.07.2022 г. URL: <https://transportrussia.ru/razdely/transportnaya-infrastruktura/8976-proektam-realizat-siyu.html> (дата обращения: 22.07.2022).
11. Швец А. Б., Киселёва Н. В., Воронин И. Н. и др. Сельские территории Крыма: границы и содержание образа // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2021. Т. 7 (17), вып. 3. С. 128—153.

12. *Volkhin D. A., Shvets A. B., Yakovenko I. M.* Cartographic interpretation of the study of rural lifestyle in Crimea // *InterCarto. InterGIS. GI support of sustainable development of territories: Proceedings of the International conference. Moscow, 2022. Vol. 28, part 2. P. 188—202.*

***Об авторе***

*Александра Борисовна Швец*, кандидат географических наук, доцент кафедры физической и социально-экономической географии, ландшафтоведения и геоморфологии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Институт «Таврическая академия», Россия.

E-mail: [fusion10@mail.ru](mailto:fusion10@mail.ru)

ORCID: 0000-0002-2511-4587

***The author***

*Dr Alexandra B. Shvets*, Associate Professor, Department of Physical and Socio-Economic Geography, Landscape Science and Geomorphology, Institute «Tauride Academy», V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

E-mail: [fusion10@mail.ru](mailto:fusion10@mail.ru)

ORCID: 0000-0002-2511-4587

УДК 339.9.012.23

**Д. Г. Ажинов, Т. Е. Лапшова**

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)*

### **СОСТОЯНИЕ ПАТЕНТНОЙ АКТИВНОСТИ В СТРАНАХ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ВОСТРЕБОВАННОСТИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ**

*Аннотация. Рассмотрена патентная активность в 10 странах Балтийского региона в пересчете на 1000 жителей и на 1000 исследователей. Проанализирована структура распределения патентных заявок, поданных в домашние и зарубежные офисы. Отмечены определенные закономерности разделения стран на группы по анализируемым показателям.*

*Annotation. Patent activity in 10 countries of the Baltic region is considered in terms of 1000 inhabitants and 1000 researchers. The structure of distribution of patent applications submitted to domestic and foreign offices is analyzed. Certain patterns of the division of countries into groups according to the analyzed indicators are observed.*

**Ключевые слова:** научно-технологическая подсистема, Балтийский регион, патентная активность, исследователи, пространственная фиксация

**Keywords:** scientific and technological subsystem, Baltic region, patent activity, R&D personnel, spatial fix

Важным аспектом анализа уровня научно-технологического развития и конкурентоспособности научной деятельности является оценка востребованности научно-технологической подсистемы (НТП). Эту оценку можно изложить с помощью изучения тенденций в сфере патентования, исследование которых будет представлено посредством рассмотрения количества патентных заявок в рассматриваемых странах. Данный подход возможен, поскольку патент является документом, который дает владельцам исключительное право на изобретение, промышленный образец, полезную модель или селекционное достижение [1]. Мы можем рассматривать патент для заявленных целей, так как его наличие свидетельствует о 4—6-м уровне «готовности» технологий («technology readiness level»), а следовательно, он обладает потенциалом к выходу на рынок [2]. Применение анализа патентной активности к оценке уровня развития встречается в ряде научно-исследовательских работ [3—5].

Для оценки степени востребованности НТП проанализируем общее количество патентных заявок (Total count by applicant's origin). Данный показатель представляет собой заявки, поданные заявителями рассматриваемых государств как в домашние, так и в зарубежные патентные организации. Для подачи заявок заявителями в их домашнем офисе используется термин «резидент» (resident). Домашний офис может быть национальным и/или региональным. Таким образом, показатели резидентов по происхождению могут соответствовать сумме заявок, поданных в национальное и региональное бюро. Чтобы обозначить заявки, поданные в иностранные ведомства, мы пользуемся термином «зарубежные» (abroad) [6]. Информационную базу исследования составили статистические данные Статистической службы Европейского союза (Eurostat), Организации экономического сотрудничества (OECD), Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстат) и Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO) за 2010—2019 (2020) гг.

Список стран по количеству поданных патентных заявок на протяжении рассматриваемого периода (с 2010 по 2020 г.) возглавляет Германия, доля которой составляет более 60% от числа всех подач заявителями из стран Балтийского региона. С большим отрывом от лидера второе и третье место занимают Российская Федерация и Швеция соответственно. В остальных изучаемых странах суммарно подано около 15% от числа всех заявок в странах Балтийского региона (табл. 1).

Таблица 1

**Количество поданных патентных заявок**

Страна	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Германия	173 826	175 795	183 666	184 615	179 643	175 559	177 327	176 406
Россия	32 847	31 467	34 861	34 079	28 518	33 811	31 857	27 806
Швеция	22 545	22 040	21 780	22 658	23 885	24 416	23 505	23 428
Дания	11 249	11 824	11 033	12 250	12 570	12 245	11 760	12 891
Финляндия	13 074	11 710	13 023	12 717	14 079	13 217	12 580	12 626
Польша	4063	4903	6056	6031	6174	7012	6145	6128
Норвегия	5614	5567	6055	5786	5891	5733	5934	5955
Литва	174	142	198	220	254	275	219	214
Эстония	305	275	297	273	279	237	275	285
Латвия	459	325	365	482	193	288	256	168

При рассмотрении патентных заявок в расчете на 1000 человек страны Балтийского региона разделяются две группы: «Страны с традиционной рыночной экономикой», в которых подается более 1 патентной заявки на 1000 жителей страны, и «Постсоциалистические страны», значение показателя у которых варьируется от 0,12 до 0,22 патентных заявок на 1000 человек по данным за 2020 г. (табл. 2).

Таблица 2

## Количество патентных заявок на 1000 жителей

Страна	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>С традиционной рыночной экономикой</i>								
Швеция	2,40	2,46	2,49	2,37	2,33	2,49	2,70	2,53
Дания	2,03	2,23	2,16	2,05	2,24	2,31	2,27	2,33
Финляндия	2,44	2,58	2,41	2,29	2,29	2,10	2,08	2,18
Германия	2,13	2,22	2,15	2,15	2,13	2,17	2,15	2,02
Норвегия	1,15	1,15	1,10	1,13	1,13	1,23	1,17	1,11
<i>Постсоциалистические</i>								
Эстония	0,23	0,21	0,18	0,21	0,22	0,20	0,21	0,22
Россия	0,23	0,20	0,23	0,22	0,19	0,21	0,20	0,21
Польша	0,11	0,16	0,18	0,16	0,16	0,18	0,16	0,17
Латвия	0,22	0,10	0,15	0,13	0,09	0,09	0,09	0,12
Литва	0,06	0,09	0,09	0,08	0,08	0,08	0,09	0,12

Источник: составлено и рассчитано на основе данных WIPO [7] и OECD [8].

В расчете на 1000 исследователей структура данного показателя имеет ту же ситуацию, что и в расчете на 1000 жителей (табл. 3).

Таблица 3

## Количество патентных заявок на 1000 исследователей

Страна	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2019
<i>С традиционной рыночной экономикой</i>							
Германия	344,47	316,46	299,57	293,31	283,10	279,10	267,25
Швеция	294,36	226,85	224,49	217,84	218,87	232,06	249,80
Дания	205,23	214,01	202,42	193,48	214,55	221,68	214,17
Финляндия	228,71	253,61	237,17	234,04	233,21	208,82	197,05
Норвегия	125,39	117,76	109,87	108,68	102,79	109,23	101,17
<i>Постсоциалистические</i>							
Россия	89,04	76,27	89,11	86,01	77,28	88,24	85,33
Эстония	40,72	36,14	33,00	40,18	40,17	37,08	35,95
Польша	40,25	53,51	59,18	46,36	32,61	35,04	31,73
Латвия	70,43	24,31	36,80	34,59	22,39	23,52	22,92
Литва	12,38	13,11	15,90	12,34	11,40	11,98	13,13

Источник: составлено и рассчитано на основе данных WIPO [6] и Eurostat [9].

Если рассматривать структуру распределения патентных заявок, поданных в домашние и зарубежные офисы (рис.), то можно заметить, что в «странах с традиционной рыночной экономикой» большинство заявок подано в зарубежные ведомства, а в «постсоциалистических странах» они сосредоточены в домашнем офисе (исключением стала Эстония, в которой доля заявок в зарубежные ведомства составила более 70%). Список стран, у которых количество патентных заявок подано в домашнее ведомство, возглавила Российская Федерация. Доля заявок, поданных в отечественную патентную организацию, в РФ в 2020 г. была 80%.

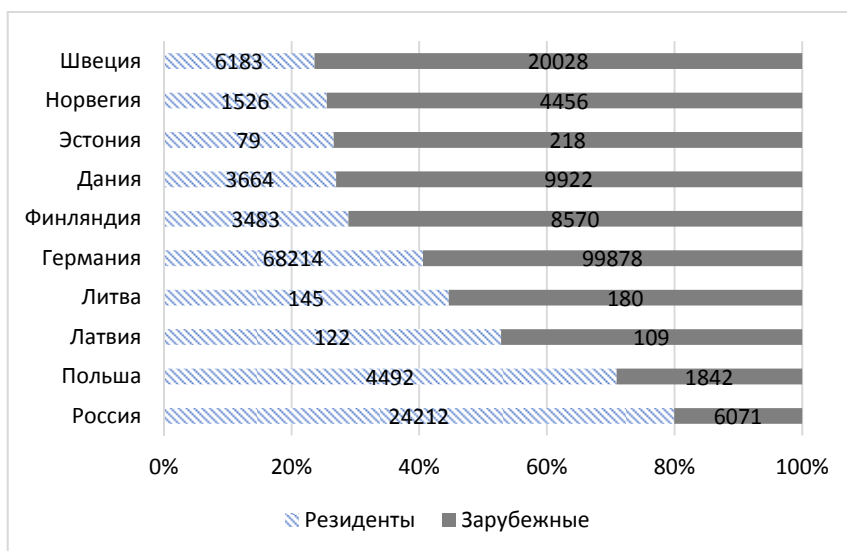


Рис. Структура количества патентных заявок, поданных в домашние и зарубежные ведомства, за 2020 г. [6]

Несмотря на то что существенное количество патентных заявок подано заявителями из Российской Федерации (большее — только в Германии), данный результат скорее обусловлен большим количеством исследователей в стране, нежели активностью патентной деятельности отдельно взятого ученого [3]. Так, почти каждый десятый исследователь из РФ подает заявку в патентные организации мира, в то же время в большинстве стран с традиционной рыночной экономикой патентные заявки в среднем подает каждый четвертый исследователь. Более того, патентные заявки от заявителей из России сосредоточены в основном на отечественном рынке патентования — подавляющее большинство заявок подано в Роспатент.

Таким образом, анализ патентной активности позволяет нам разделить все страны региона на две группы, которые можно описать как «страны с традиционной рыночной экономикой» (количество подаваемых патентных заявок

на 1000 исследователей больше 100) и «постсоциалистические страны» (количество подаваемых патентных заявок на 1000 исследователей меньше 90). Можно утверждать, что такое разделение стран представляется собой «пространственную фиксацию» (spatial fix), которая складывалась несколько десятилетий.

Наше исследование также может свидетельствовать о не востребова­ности отечественных разработок за рубежом и отсутствии заинтересованности в зарубежных рынках у российских ученых. Таким образом, НТП Российской Федерации по многим параметрам изолирована от экономически развитых центров.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке БФУ им. И. Канта в рамках научного проекта № 122040500026-0.*

### Список литературы

1. *Россия и страны мира*. 2020 // Федеральная служба государственной статистики. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13241> (дата обращения: 22.07.2022).
2. *Сартори А. В.* Повышение результативности исследований: планирование по уровням готовности в бережливом НИОКР // *Экономика науки*. 2022. Vol. 8, № 1. P. 4–21.
3. *Земцов С. П., Бабурин В. Л.* Как оценить эффективность региональных инновационных систем в России? // *Инновации*. 2017. № 1 (219). P. 71—77.
4. *Starodubov V. I., Kurakova N. G.* Identifying the subject in the strategy for scientific and technological development of the Russian federation // *Her. Russ. Acad. Sci.* 2016. Vol. 86, № 6. P. 441—447.
5. *Collinson S., Narula R., Rugman A.M. et al.* International business. 8<sup>th</sup> ed. Hoboken : Pearson, 2020.
6. *About the WIPO IP Statistics Data Center* // World intellectual property organization. URL: <https://www.wipo.int/ipstats/en/help/> (дата обращения: 28.04.2022).
7. *WIPO IP Statistics DATA Center* // World intellectual property organization. URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/> (дата обращения: 28.04.2022).
8. *Demography — Population — OECD Data*. 2022. URL: <https://data.oecd.org/pop/population.htm> (дата обращения: 28.04.2022).
9. *R&D personnel by sector of performance, professional position and sex* // Statistics. Eurostat. 2022. URL: [https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/RD\\_P\\_PERSOCC/default/table?lang=en](https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/RD_P_PERSOCC/default/table?lang=en) (дата обращения: 28.04.2022).

### Об авторах

*Данил Геннадьевич Ажинов*, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: [dazhinov@gmail.com](mailto:dazhinov@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1968-8840>

*Лапинова Татьяна Евгеньевна*, ведущий специалист Центра научных проектов и программ, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: [tar625le@gmail.com](mailto:tar625le@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3209-8308>

***The authors***

*Danil G. Azhinov*, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: [dazhinov@gmail.com](mailto:dazhinov@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1968-8840>

*Tatiana E. Lapshova*, PhD student, Senior specialist Center of scientific projects and programs, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: [tar625le@gmail.com](mailto:tar625le@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3209-8308>

**А. С. Бурнасов**

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)*

## **ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ГАЗОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА В 2022 ГОДУ НА ПРИМЕРЕ ФРГ**

*Аннотация. Рассматривается текущее положение энергетической инфраструктуры ФРГ в рамках поставок природного газа, новые шаги для увеличения энергобезопасности страны. На примере данной ситуации описаны меры, которые применяют или могут применять соседи по Балтийскому региону, и делаются выводы по возможностям дальнейшего развития энергетической инфраструктуры.*

*Annotation. The current state of the German energy infrastructure in the framework of natural gas supplies, new measures to increase the country's energy security are considered. Based on the example of this situation, measures are described that are used or can be used by neighbors in the Baltic region and conclusions are drawn on the possibilities for further development of the energy infrastructure.*

**Ключевые слова:** энергетика, Балтийский регион, инфраструктура, международное сотрудничество, транспорт

**Keywords:** energy, Baltic region, infrastructure, international cooperation, transport

Страны Европы долгое время были в достаточно высокой степени зависимы от поставок природного газа из РФ, и последние события в высшей степени можно назвать переломным моментом в развитии энергетической безопасности этих стран.

В текущих реалиях энергетическая безопасность особенно остро стоит на повестке дня во многих государствах Балтийского региона (БР), признанных недружественными РФ. После санкций и сокращений поставок природного газа из России в эти страны БР наиболее уязвимые в энергетической сфере стали искать альтернативные пути снабжения природным газом. ФРГ выбрала сжиженный природный газ (СПГ) как альтернативу поставкам из трубопровода. Таким же путем пошло множество других страны БР. Однако промышленность этих стран уже начала ощущать последствия надвигающегося энергокризиса.

Выбор энергетических компаний ФРГ сначала пал на Катар. Катар — крупный поставщик СПГ — к 2021 г. поставил на европейский рынок, включая ФРГ, 23 миллиарда кубометров газа. Эти поставки составляют 5% от общего потребления в Европе. Основными потребителями являются Италия, Великобритания, Бельгия, Испания и Польша. Катар намерен настаивать на двадцатилетних контрактах по поставкам СПГ в Евросоюз, несмотря на то

что европейские страны считают условия предложения «слишком жесткими». Так, страны ЕС во главе с Германией сопротивляются давлению Катара из-за опасений, что им придется продолжать импортировать СПГ даже тогда, когда весь БР провозгласит курс на сокращение выбросов. Если Катар не пересмотрит требования, то под способность Европы диверсифицировать поставки газа и снизить зависимость от поставок из России будет под угрозой. И на данный момент Катар решил не делать выгодного предложения ФРГ [1].

ФРГ вела переговоры также с Норвегией и Канадой по поставкам СПГ. Однако Канада, считая, что ФРГ ненадежный партнер, который на фоне экологической политики может в любой момент пересмотреть условия контракта, не стала идти на уступки и тратить средства на расширение экспортной инфраструктуры в Сент-Джоне. Ранее ФРГ подписала контракт с США о поставках СПГ на 20 лет, но у этого договора имеются очень гибкие условия с возможностью сокращения или даже отмены поставок. Катару же нужен твердый контракт, на который страны БР пока пойти не готовы. Даже если договоренность будет достигнута, то запуск 1 из 3 линий должен начаться лишь в 2024 г., а до этого времени Германия должна решать вопрос поставок СПГ другими способами, в том числе, скорее всего, через США [2].

На фоне снижения поставок природного газа из РФ до 20% от плановой мощности ЕС идет на уменьшение потребления газа на 15% с 1 августа 2022 г. по конец марта 2023 г. Правда, как обычно, некоторые из стран не одобряют данную политику, в особенности те, которые практически полностью зависят от поставок из РФ. Также это коррелирует с тем, что власти Германии к 1 ноября достигли целевого уровня в 95% по наполнению газовых хранилищ. Однако, судя по всему, сказывается не только снижение поставок СПГ по «Северному потоку», но и то, что на фоне этого цены на газ вновь стали расти, превышая 2200 долл. за 1 тыс. кубометров [3].

Также ФРГ активно строит терминалы СПГ (рис.).

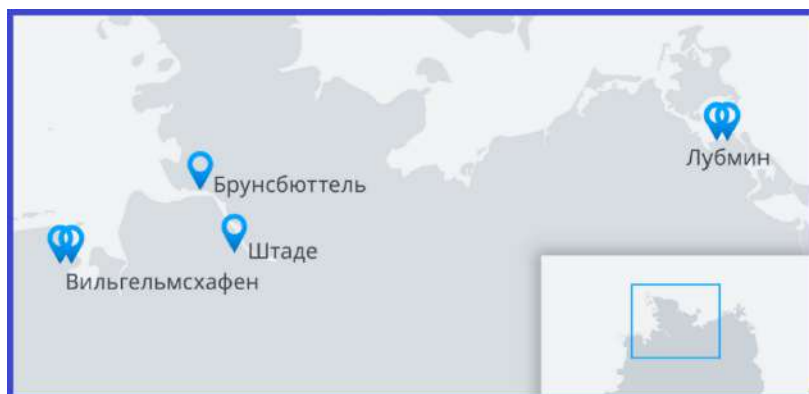


Рис. Расположение новых терминалов СПГ в ФРГ

*Источник:* Гурков А. СПГ-терминалы в Германии // DW. 2022. URL: <https://www.dw.com/ru/spgterminals-v-germanii-teper-ih-budet-uze-sest/a-63005855/> (дата обращения: 04.10.2022) [3].

Первые по плану должны быть введены в эксплуатацию в Лубмине в конце 2022 г. Таким образом, на фоне удешевления поставок по морю в виде СПГ по сравнению с трубопроводом на больших расстояниях ФРГ хочет начать полноценно заменять российский газ на СПГ из других стран, преимущественно США. В целом роль США в поставках природного газа в Европу неуклонно растет: в первой половине 2022 г. ЕС и Великобритания импортировали из США на 63 % больше СПГ, чем в прошлом году за аналогичный период [4].

В ФРГ в данный момент активно строят новые терминалы СПГ: четыре зафрахтованы и два арендованы. Первый терминал в Вильгельмсхафене заработал в тестовом режиме в декабре 2022 г. и в штатном режиме — с 1 марта 2023 г. В 25 км от него также находится крупнейшее хранилище газа. Второй терминал находится в Брюнсбюттеле (Шлезвиг-Гольштейн). Он заработал в январе 2023 г. Еще два терминала будут располагаться в Лубмине, один из которых арендуют, еще один — в Штаде. Они будут запущены к концу 2023 г. Каждый терминал ориентировочно может принимать еще до 5 млрд кубометров газа в год. В итоге к концу 2023 г. в ФРГ должны появиться шесть новых терминалов суммарной мощностью около 25—30 млрд кубометров в год. Учитывая, что в докризисные времена ФРГ потребляла 88 млрд кубометров в год (на 2019 г.), то поставки через терминалы СПГ могут достичь трети от необходимого Германии объема. На февраль 2022 г. в ЕС и Великобритании было 22 СПГ-терминала и еще столько же на стадии строительства. Планы по форсированию строительства новых терминалов, несмотря на энергокризис, есть и у других стран БР [3—5].

Вопрос активации атомных электростанций в ФРГ, на который могут ставить некоторые политики, видится неэффективной мерой, так как на все оставшиеся станции приходится не более 5 % энергетического баланса страны, к тому же их запуск сопряжен со значительным риском: необходимостью заново закупать стресс, обновлять станции. Работы в режиме экономии приведут к тому, что на необходимый период Германия получит больше расходов, чем преимуществ [6].

Рассмотрев возникающую ситуацию в ФРГ, можно оценить развитие событий и в других странах. Германия как главный потребитель энергии в БР может служить примером и показывать, как не нужно действовать. В частности, ввиду большого зеленого лобби в стране и протестов в связи со строительством нового терминала ФРГ сложнее договариваться о долгосрочных контрактах со странами — поставщиками СПГ (Катар и Канада). Требуя твердый контракт, эти страны хотят обеспечить надежность сделки, тогда как Германия все больше приближается к тому, чтобы максимально уменьшать зависимость от вредящих экологической обстановке источников энергии. У таких стран, как Польша, к примеру, данная проблема не стоит на государственном уровне, что позволяет стране заключать долгосрочные контракты. Но даже если учитывать, что многие страны БР смогут отложить вопрос перехода на зеленую энергию и еще какое-то время использовать СПГ, пробле-

ма его нехватки на рынке остается наиболее острой, дополняясь недостатком свободных судов для транспортировки и терминалов для обработки. Все эти факторы в итоге влияют в первую очередь на промышленность (табл.) [1; 2].

### Прогнозируемое падение производства отраслей стран БР

Наиболее затронутые кризисом индустрии	Доля газа и энергетики от ВДС, %	Возможное сокращение выпуска, %	Возможное сокращение выпуска (негативный сценарий), %
Металлургия	23	30	60
ЦБК	14	25	50
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	11	25	50
Горнодобывающая промышленность	7	20	45
Производство продуктов питания	5	15	30
Химическая промышленность	5	20	45
Производство резины и пластика	4	10	25
Текстильная промышленность	4	10	25
Другое	—	5	15

*Источник:* Eurostat, OECD, IMF Global Economic Outlook 2022 [7].

Промышленность стран БР весьма сильно ощутила последствия энергокризиса. Наиболее чувствительными отраслями промышленности являются металлургия и целлюлозно-бумажная, в которых доля газа и энергии в валовой добавленной стоимости составляет около 23 и 14% соответственно. Из-за энергокризиса производство металлургических, целлюлозно-бумажных, минеральных, горнодобывающих и химических предприятий может упасть на 25—60% к уровню 2021 г. Это может привести к падению уровня ВВП на 6—11,5%, а уровень безработицы может сильно вырасти. В такой кризисный период страны вынуждены проводить политику ручного управления экономикой. Выделяя средства на компенсации, страны еще сильнее снижают уровень ВВП. Промышленная инфраструктура также получает урон в связи с неиспользованием заложенных мощностей и экономией предприятий для того, чтобы оплачивать все дорожающую энергию. Данные показатели являются оценочными и в будущем могут поменяться в связи с различными мерами, которые будут применять страны [7].

### Выводы

Энергетический кризис и его последствия наносят ощутимый урон экономическому благосостоянию стран БР. Влияние на промышленность сказывается падением производства, что негативно воздействует на ВВП. Пример

ФРГ как страны, в которой внутренние процессы могут мешать развитию энергобезопасности, во многих аспектах может отражать суть текущей проблемы в БР. Несмотря на активные попытки диверсифицировать поставки СПГ, ФРГ перешла из-под влияния РФ в энергетической сфере под влияние США, по сути, оставшись без желаемого, а именно — диверсификации поставок, чтобы не быть зависимой от одного определенного поставщика. Рост роли США как главного энергетического партнера позволит не только политически, но и экономически ослабить самостоятельность странам БР.

Однако если учесть твердое желание стран БР перейти на более экологичные источники энергии, после окончания кризиса следует ожидать ослабления влияния США. Латвия и особенно Эстония в данный момент даже на фоне кризиса продолжают движение к обеспечению себя полностью возобновляемой энергией, хотя Литва и Латвия при этом параллельно стремятся частично взять на себя роль энергетического хаба для газа из США и Норвегии.

Возникшие проблемы в ФРГ показывают, что энергетика сегодня основная и наиболее уязвимая отрасль стран, чья энергобезопасность обеспечивается собственными силами менее чем на половину. Стремительное строительство новых терминалов СПГ по всей Европе говорит о том, что страны, экспортирующие газ, смогут или наращивать добычу, или продавать газ по возросшим ценам без наращивания, сделав его более «элитарным» видом топлива. Первый вариант позволит создать новые маршруты для небольших игроков на рынке, второй увеличит стремление стран к поиску новых и использованию давно работающих альтернативных эффективных способов получения энергии.

### Список литературы

1. *Russia's war helps Qatar boost its influence over global energy flows*. URL: <https://www.ft.com/content/eb611a7b-45dd-4eea-ba62-f9fdac68d1d2> (дата обращения: 15.09.2022).
2. *Die Zeit*: Канцлер ФРГ потерпел фиаско с канадским СПГ. URL: <https://tekno.blog.ru/2022/08/23/118717> (дата обращения: 01.10.2022).
3. *Гурков А.* СПГ-терминалы в Германии // DW. 2022. URL: <https://www.dw.com/ru/spgterminaly-v-germanii-teper-ih-budet-uze-sest/a-63005855/> (дата обращения: 04.10.2022).
4. *Котов А. В.* Развитие инфраструктуры СПГ в Германии: гонка со временем // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 3. С. 83—94.
5. *В ФРГ начал строиться трубопровод от терминала СПГ в Вильгельмсхафене до газохранилища*. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/08/04/18264614.shtml?updated> (дата обращения: 28.09.2022).
6. *How reliant is Germany — and the rest of Europe — on Russian gas?* URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/jul/21/how-reliant-is-germany-and-europe-russian-gas-nord-stream> (дата обращения: 28.09.2022).
7. *Эксперты оценили последствия энергетической войны Европы с Россией в 1,6 трлн евро*. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/10/05/943914-eksperti-otse-nili-posledstviya-energeticheskoi-voini> (дата обращения: 28.09.2022).

***Об авторе***

*Александр Сергеевич Бурнасов*, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.  
E-mail: novatref@gmail.com

***The author***

*Alexandr S. Burnasov*, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.  
E-mail: novatref@gmail.com

**М. А. Гасанов**

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)*

### **ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АССОЦИАЦИИ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

*Аннотация. Предпринята попытка проанализировать наиболее острые проблемы, которые замедляют становление АСЕАН как единого институционального пространства. В то же время определены факторы, которые могут стать движущей силой формирования в Юго-Восточной Азии одного из ведущих мировых центров развития.*

*Abstract. The article attempts to analyze the most acute problems that slow down the formation of ASEAN as a single institutional space. At the same time, the article identifies factors that can become the driving force behind the formation of one of the world's leading development centers in Southeast Asia.*

**Ключевые слова:** АСЕАН, интеграционный процесс, проблемы и перспективы развития

**Keywords:** ASEAN, integration process, problems and development prospects

Актуальность данной темы для российской науки обусловлена высоким интересом к интеграционным процессам в Юго-Восточной Азии, которые могут быть институционально полезными для ЕАЭС. Помимо этого новая доктрина российской внешней политики подразумевает геополитическую и геоэкономическую переориентацию России на Азию, особенно в условиях усиления конфронтации между Россией и Западом на фоне украинского кризиса.

Созданная в 1967 г. в результате подписания Бангкокской декларации АСЕАН на сегодняшний день состоит из десяти стран: Таиланда, Индонезии, Малайзии, Сингапура, Филиппин, Вьетнама, Камбоджи, Лаоса и Мьянмы. Своими основными целями АСЕАН провозгласила социально-экономическую, политическую и культурную интеграцию и достижение мира в Юго-Восточной Азии [1]. Как и на момент создания, сегодня АСЕАН стремится сохранить нейтралитет для равноправного сотрудничества со всеми странами и наднациональными организациями. Несмотря на большой потенциал интеграционного процесса, АСЕАН сталкивается с рядом проблем, которые не позволяют в полной мере использовать существующие возможности стран региона. В частности, это огромная экономическая диспропорция между ин-

дустриально развитыми странами, условно обозначенными АСЕАН-6 (Таиланд, Индонезия, Малайзия, Сингапур и Филиппины), и слаборазвитыми АСЕАН-4 (Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Мьянма) [2]. Учитывая, что Вьетнам очень быстрыми темпами переходит из категории слаборазвитых в развитые, наиболее индустриально слабыми государствами остаются Камбоджа, Лаос и Мьянма (АСЕАН-3, табл. 1). Общий объем ВВП группы АСЕАН-6 + Вьетнам на 2021 г. достигает 3237,01 трлн долл. США (табл. 2), что составляет свыше 96 % от совокупного производства ВВП всех десяти стран, входящих в состав АСЕАН. Так, совокупный ВВП АСЕАН в 2021 г. был 3361,64 трлн долл. США.

Таблица 1

## Показатели ВВП АСЕАН-3 на 2021 г., млрд долл. США

Страна	Показатель
Лаос	18.83
Мьянма	76
Камбоджа	29,8
<i>Всего</i>	124,63

*Источник:* составлено на основе данных: *Биржевой портал № 1*. URL: <https://take-profit.org/> (дата обращения: 02.05.2022).

Таблица 2

## Показатели ВВП АСЕАН-6 + Вьетнам на 2021 г., млрд долл. США

Страна	Показатель
Таиланд	510
Индонезия	1,186
Малайзия	373
Филиппины	394
Сингапур	397
Бруней	14
Вьетнам	363
<i>Всего</i>	3237,01 трлн долл.

*Источник:* составлено на основе данных: *Биржевой портал № 1*. URL: <https://take-profit.org/> (дата обращения: 02.05.2022).

Уровень дохода на душу населения в самой развитой стране — Сингапуре — в 60 раз больше, чем в одной из самых менее развитых — в Мьянме [3]. В этих условиях социально-экономическое выравнивание всех членов организации в ближайшем будущем станет проблематичным. Как результат, процесс интеграции стран Юго-Восточной Азии в единую свободную экономическую зону

замедляется. Связано это с тем, что страны АСЕАН-3 опасаются быть подавленными более развитыми соседями по АСЕАН. Л. В. Гладченко отмечает: «Из двусторонних соглашений о создании зоны свободной торговли, которые были подписаны или обсуждаются членами группы АСЕАН-6, ни одно не предусматривает участие стран группы АСЕАН-4» [4, с. 125]. В этих условиях экономическая интеграция протекает более медленными темпами, и, как следствие, внутри АСЕАН формируется центр с более развитыми странами, объединенными группой АСЕАН-6 + Вьетнам, и периферия в лице Лаоса, Камбоджи и Мьянмы.

Не менее острыми для интеграционных процессов в Юго-Восточной Азии являются нерешенные территориальные споры как между странами АСЕАН, так и с соседями по региону. Самыми показательными были пограничные конфликты с участием вооруженных сил Камбоджи и Таиланда в 2008—2009 гг. и 2011 г. У Таиланда также есть территориальные споры с Лаосом из-за островов в бассейне реки Миконг. Филиппины претендуют на штат Сабах на севере о. Борнео, который входит в состав Малайзии. Существуют конфликты, связанные с богатыми природными ресурсами на континентальном шельфе, между Малайзией, Индонезией и Филиппинами, а также между Китаем и Вьетнамом, Брунеем и Малайзией, у которых тоже есть нерешенные вопросы на суше. Но самым опасным для региона является спор вокруг островов в Южном-Китайском море. На Парасельские острова претендуют Китай, Вьетнам и Тайвань, на рифы Скарборо — Филиппины и Китай, на архипелаг Спратли — сразу шесть стран: Вьетнам, Китай, Тайвань, Малайзия, Бруней и Филиппины. Опасность вокруг островов Спратли обусловлена стратегическим положением архипелага для международной торговли и баланса сил в регионе. В этих условиях во внутренние территориальные споры в Южно-Китайском море активно вмешивается США. Основная цель Вашингтона — создание антикитайской коалиции из стран АСЕАН.

Довольно большую угрозу для безопасности стран АСЕАН представляет рост числа террористических организаций, среди которых «Джемаа Исламия», считающаяся самой крупной в Юго-Восточной Азии. Деятельность «Джемаа Исламия» распространяется на Сингапур, Малайзию, Индонезию, Филиппины, Таиланд. В частности, теракт на острове Бали в 2002 г. был осуществлен этой организацией. На Филиппинах действует террористическая организация «Абу Саайяф». Большую угрозу для туристической отрасли Таиланда, а также в целом для безопасности страны представляют многочисленные террористические организации, действующие в пограничных с Малайзией районах. В этих условиях объединение всех стран АСЕАН в диалог с партнерами представляет собой единственный эффективный метод в борьбе с транснациональной преступностью и терроризмом.

Несмотря на существующие проблемы, у АСЕАН есть возможность стать одной из самых успешных интеграционных организаций на просторах Азиатско-Тихоокеанского региона. Общая численность населения стран, входящих

в АСЕАН, составляет свыше 670 млн человек [5], что делает эту организацию одним из крупнейших потребительских рынков мира. Как результат — заинтересованность международного сообщества в сотрудничестве с АСЕАН в сфере экономики, безопасности, политики, экологии. Особенно результативными являются форматы АСЕАН + 3 (Китай, Япония и Республика Южная Корея) и АСЕАН + 6 (Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия), саммиты «Россия — АСЕАН» и, конечно же, Восточноазиатский саммит. Юго-Восточная Азия на сегодняшний день один из наиболее динамично развивающихся регионов мира. Темпы роста ВВП самых развитых стран, входящих в АСЕАН, традиционно демонстрируют высокие показатели. Так, валовой внутренний продукт (ВВП) пяти ведущих стран ассоциации (Индонезия, Малайзия, Таиланд, Сингапур и Филиппины) увеличится в 2022 г. примерно на 5 % по сравнению с показателем предыдущего года.

По докладу Управления ООН по наркотикам и преступности, доходы от деятельности транснациональной преступности только в странах Юго-Восточной Азии достигает 100 млрд долл. в год [6]. Перспективами дальнейшей интеграции в Юго-Восточной Азии может стать выработка единых стандартов для борьбы с транснациональной преступностью и терроризмом.

Уникальность интеграционного процесса на просторах Юго-Восточной Азии заключается в типе регионализации, для которого характерно отсутствие стержневого государства, объединяющего все страны АСЕАН. В организации АСЕАН сотрудничество осуществляется на основе равноправия, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела соседей по АСЕАН. В свою очередь, интеграция в единую организацию встречает большие вызовы, успешные ответы на которые во многом зависят от решений правящих режимов в десяти государствах, входящих в Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии.

### *Список литературы*

1. *About ASEAN*. URL: <https://asean.org/about-asean> (дата обращения: 05.10.2020).
2. *Мынкин Д. А.* Страны АСЕАН: конкурентоспособность и перспективы экономического развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61, №2. С. 65—73.
3. *ASEAN Community in Figures (ACIF) / ASEAN Secretariat*. Jakarta, 2014. P. 17. URL: [www.asean.org](http://www.asean.org) (дата обращения: 05.05.2022).
4. *Гладченко Л. В.* Проект «Сообщество АСЕАН»: проблемы региональной интеграции на современном этапе // *Проблемы национальной стратегии*. 2016. №4. С. 121—137.
5. *Экономические союзы*. URL: [https://www.economicdata.ru/union.php?menu=economic-unions&un\\_id=9&un\\_ticker=ASEAN&union\\_show=demography&ticker=ASEAN-TotalPopulation](https://www.economicdata.ru/union.php?menu=economic-unions&un_id=9&un_ticker=ASEAN&union_show=demography&ticker=ASEAN-TotalPopulation) (дата обращения: 15.11.2018).
6. *Транснациональная организованная преступность с годовым оборотом минимум \$ 100 млрд создает проблемы для интеграции в Азии*. URL: <https://www.unodc.org/unodc/index.html> (дата обращения: 14.11.2018).

***Об авторе***

*Мраз Авдалович Гасанов*, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: blodararm@mail.ru

***The author***

*Mraz A. Gasanov*, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: blodararm@mail.ru

**А. А. Сабурин**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

## **ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

*Аннотация. Сельские территории Калининградской области подвергаются влиянию поляризационных процессов, что является характерной чертой для всех регионов России. Но при этом в силу небольшого размера региона они имеют свои особенности. В частности, обладают более высоким уровнем транспортной связанности и более развитой инфраструктурой по сравнению со среднестатистической сельской территорией России. В данной статье исследуются демографические процессы, происходящие в сельской местности. Автор типологизирует муниципальные образования области по удельному весу сельского населения.*

*Annotation. Rural territories of the Kaliningrad region are influenced by polarization processes, which is a characteristic feature for all regions of Russia. But at the same time, due to the small size of the region, they have their own characteristics. In particular, they have a higher level of transport connectivity and more developed infrastructure compared to the average rural area of Russia. This article examines the demographic processes taking place in rural areas. The author typologizes the municipalities of the region according to the share of the rural population.*

**Ключевые слова:** сельское население, развитие села, Калининградская область, расселенческие процессы, поляризация

**Keywords:** rural population, rural development, Kaliningrad region, settlement processes, polarization

### **Введение**

В большинстве научных работ под сельской территорией понимается сложная социально-экономическая организация небольшой по размерам территории в пространстве, включающая в себя множество сфер развития, в которой население занимается преимущественно сельскохозяйственными видами экономической деятельности (растениеводством и животноводством) [1—3]. Ученые изучают особенности территориальной дифференциации населения в сельской местности с точки зрения как социально-экономического аспекта развития территорий, так и геодемографической ситуации [2—7]. При этом исследователями выявлен тот факт, что чем ближе сельское поселение находится к крупному городу, тем выше уровень его социально-экономического развития, в то время как в отдаленных от городов поселениях наблюда-

ется обратная ситуация. Соответственно, сельские поселения, находящиеся в периферийных районах, относятся к типу территорий с низким уровнем развития, а сельские поселения, расположенные вблизи крупных, областных городов, — к территориям с более высоким уровнем развития [5; 6]. Такое положение дел характерно и для Калининградской области.

Цель данного исследования — изучить процессы расселения сельского населения, происходящие на территории Калининградской области.

### Пространственная дифференциация сельского населения

По данным на 2021 г., на территории Калининградской области проживает 1018 тыс. чел., из которых лишь 22,2% — сельское население. При этом для отдельных районов области характерно преобладание сельского населения. Как видно из таблицы (выделено полужирным шрифтом), на территории десяти муниципальных образований области удельный вес сельского населения составляет более 50%.

### Демографические показатели Калининградской области

Муниципальное образование	Все население, чел.	Городское население, чел.	Сельское население, чел.	Удельный вес от общей численности населения, %	
				Городское население	Сельское население
ГО «Город Калининград»	493 256	493 256	0	100,0	0,0
Советский ГО	38 514	38 514	0	100,0	0,0
Багратионовский МО	32 813	6 401	26 412	19,5	<b>80,5</b>
Балтийский ГО	37 406	35 867	1 539	95,9	4,1
Гвардейский МО	29 169	13 353	15 816	45,8	<b>54,2</b>
Гурьевский МО	71 241	19 670	51 571	27,6	<b>72,4</b>
Гусевский ГО	37 172	28 177	8 995	75,8	24,2
Зеленоградский МО	39 561	17 296	22 265	43,7	<b>56,3</b>
Краснознаменский МО	11 498	3 049	8 449	26,5	<b>73,5</b>
Ладушкинский ГО	3 905	3 820	85	97,8	2,2
Мамоновский ГО	8 292	8 104	188	97,7	2,3
Неманский МО	18 230	10 765	7 465	59,1	40,9
Нестеровский МО	14 669	3 937	10 732	26,8	<b>73,2</b>
Озерский МО	13 128	3 816	9 312	29,1	<b>70,9</b>
Пионерский ГО	12 573	12 573	0	100,0	0,0
Полесский МО	18 079	6 921	11 158	38,3	<b>61,7</b>
Правдинский МО	18 471	4 045	14 426	21,9	<b>78,1</b>
Светлогорский ГО	20 784	16 099	4 685	77,5	22,5
Светловский ГО	28 423	21 441	6 982	75,4	24,6
Славский МО	18 745	3 964	14 781	21,1	<b>78,9</b>
Черняховский МО	46 143	35 375	10 768	76,7	23,3
Янтарный ГО	6 552	5 627	925	85,9	14,1
<i>Всего</i>	1 018 624	792 070	226 554	77,8	22,2

Источник: составлено на основе данных: [8].

В ходе исследования были выделены пять типов муниципальных образований по удельному весу сельского населения в общей численности. К территориям первого типа, с сельским населением более 70%, относятся преимущественно приграничные периферийные районы области (Багратионовский, Правдинский, Озерский, Нестеровский, Краснознаменский, Славский и Гурьевский муниципальные округа). Ко второму типу территорий, с удельным весом сельского населения более 50%, относятся территории Светлогорского городского округа, Полесского и Гвардейского муниципальных округов (рис. 1).

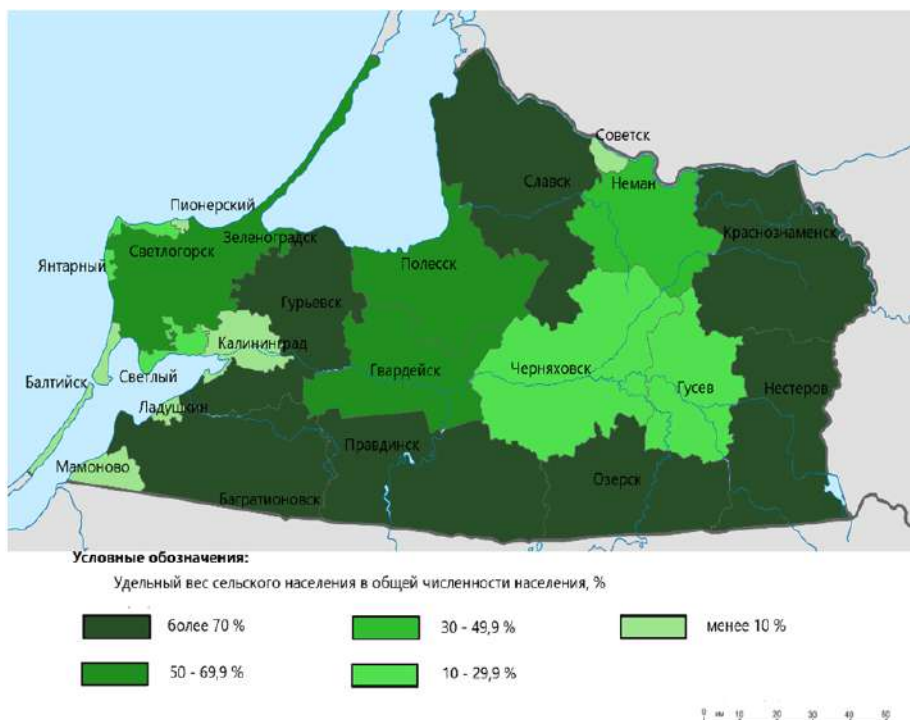


Рис. 1. Типы муниципальных образований Калининградской области по соотношению сельского населения к общей численности населения, %

*Источник:* составлено на основе данных [8].

Таким образом, сельское население преобладает в юго-восточных и северных районах Калининградской области, в то время как в западном районе — городское население. Кроме того, территории, расположенные на юге и юго-востоке области, имеют довольно высокие показатели экономического развития в области сельского хозяйства.

В ходе исследования были проанализированы показатели объема производства продукции сельского хозяйства за пять лет (2015—2020). Довольно высокие темпы роста имеют только несколько муниципальных образований

(Пионерский (+107%), Гвардейский, Неманский, Полесский, Светловский, Нестеровский и Озерский) и Калининград (+104%) [9] (рис. 2). При этом территория Пионерского и Светловского городских округов имеет низкий показатель по удельному весу предприятий сельского хозяйства от общего числа (0,2 и 0,5% соответственно), что позволяет не считать эти территории высокоразвитыми с точки зрения сельского хозяйства.

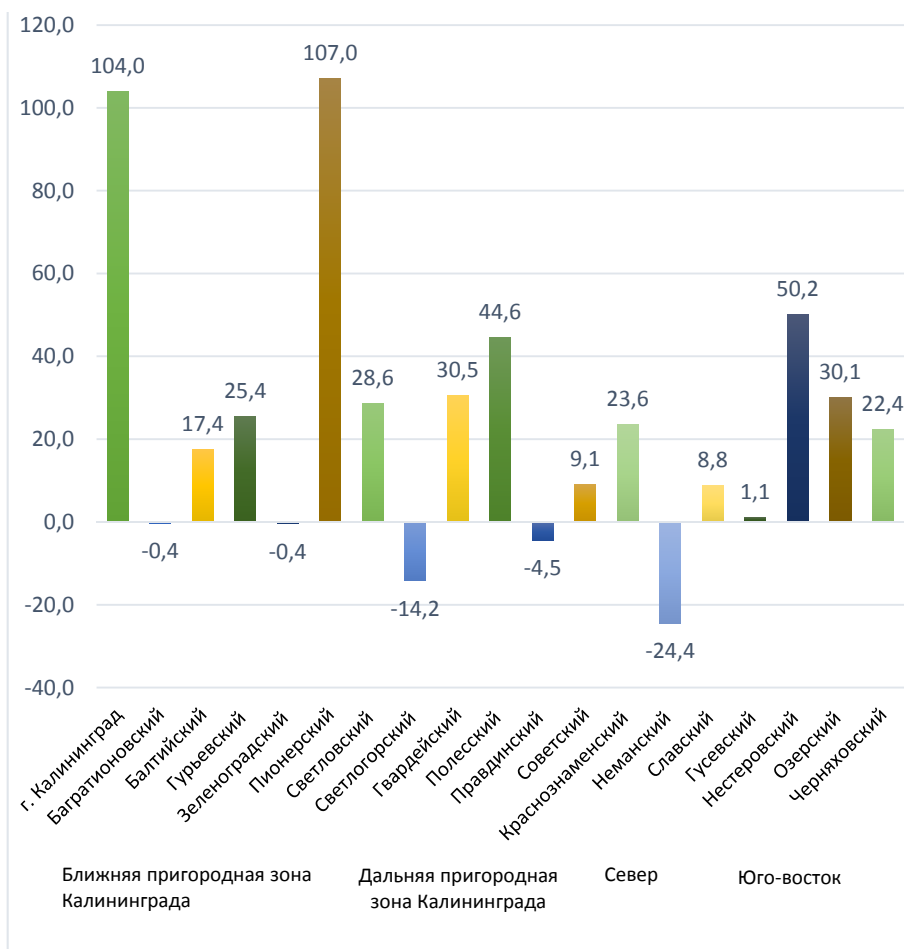


Рис. 2. Темпы роста объема производства продукции сельского хозяйства на территории Калининградской области, 2020 г. по отношению к 2015 г., %

Источник: составлено на основе данных [9].

Что касается отрицательных показателей, то только пять муниципальных образований демонстрируют отрицательные темпы роста сельского хозяйства. К ним относятся Багратионовский, Зеленоградский, Светлогорский, Правдинский и Неманский городские округа.

### Динамика численности сельского населения в период с 1991 по 2021 год

В 1991 г. сельское население Калининградской области составляло 187 тыс. чел. [10] (21% от общей численности населения области), по данным за 2021 г., — 226 тыс. чел. (22,3%). Сельское население области за рассмотренный период увеличилось, но по большей части это произошло благодаря росту населения Гурьевского муниципального округа (51 тыс. чел. сельского населения) (рис. 3). При этом ввиду расположения Гурьевского округа в непосредственной близости от областного центра жители, проживающие на территории сельских поселений, в большинстве своем не заняты в сельском хозяйстве. На территории ближней пригородной зоны (Багратионовский и Гурьевский МО) развита маятниковая трудовая миграция в Калининград и районные центры.



Рис. 3. Динамика численности населения Калининградской области, 1991—2021 гг., чел.

*Источник:* составлено на основе данных: [10].

В целом если рассматривать временной отрезок с 1991 по 2021 г., соотношение сельского и городского населения области практически не изменилось (21 к 79% и 22,3 к 77,7% соответственно). Для территории области характерен отток сельского населения с периферийных территорий (северная и юго-восточная части) и увеличение сельского населения в ближней пригородной зоне (западная часть) [5].

Таким образом, на территории области наблюдаются два диаметрально противоположных процесса в динамике расселения сельского населения. В пригородной зоне Калининграда (западная часть области) отмечается увеличение темпов прироста сельского населения, в периферийной части области (север, юго-восток) — их снижение. Такая ситуация связана прежде всего с уровнем социального благополучия населения. Сельские территории, расположенные в западной части области, имеют хорошую транспортную инфраструктуру. Для них характерны высокие темпы развития предприятий сельского хозяйства и промышленности. Северные и юго-восточные территории области, особенно приграничные, показывают снижение уровня транспортной доступности ввиду отсутствия транспортной инфраструктуры в отдельных районах.

### Заключение

На территории Калининградской области продолжают процессы поляризации населения. При сохранении практически одинакового удельного веса сельского населения в общей численности населения области наблюдается смещение сельского населения в западную часть области (например, Гурьевский МО), в то же время на приграничных периферийных территориях области происходит сокращение численности сельского населения. Поэтому для Калининградской области первостепенной задачей в области пространственного и стратегического планирования является создание благоприятной жизненной среды в сельской местности путем создания инфраструктуры и развития сельского хозяйства и промышленности на этих территориях.

### Список литературы

1. *Нефедова Т.Г.* Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. №7. С. 1—12.
2. *Мкртчян Н.В.* Миграции в сельской местности России: территориальные различия // Население и экономика. 2019. №1 (3). С. 39—52.
3. *Трейвиш А.И.* Сельско-городской континуум: региональное измерение // Проблемы регионального развития России. Вопросы географии. Вып. 141. М.: Кодекс, 2016. С. 51—72.
4. *Федоров Г.М.* Об усилении территориальной дифференциации сельского населения и аграрного сектора экономики Российской Федерации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2021. №2. С. 5—22.
5. *Федоров Г.М., Киндер С., Кузнецова Т.Ю.* О роли географического положения и изменениях занятости в динамике сельского расселения // Балтийский регион. 2021. №4. С. 129—146.
6. *Гуменюк И.С., Гуменюк Л.Г.* Транспортная связность как фактор преодоления периферийности: пример сельских поселений Калининградской области // Балтийский регион. 2021. №4. С. 147—160.

7. Романова Е. А., Виноградова О. Л. Сельские районы Калининградской области (оценка социального благополучия) // Балтийский регион. 2014. № 1. С. 91—102.

8. Численность МО по полу и возрасту на 01.01.2021 г. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистике по Калининградской области. URL: <https://kaliningrad.gks.ru/population> (дата обращения: 01.07.2022).

9. Объем производства продукции сельского хозяйства (в фактически действовавших ценах) в 2020 году // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистике по Калининградской области. URL: [https://kaliningrad.gks.ru/main\\_indicators](https://kaliningrad.gks.ru/main_indicators) (дата обращения: 01.07.2022).

10. *Общая* численность населения Калининградской области за 1991—2021 год // Численность населения. URL: <https://xn---8sbncanfseqabeh4bfdo0g7e4c.xn--p1ai/%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 01.07.2022).

### ***Об авторе***

*Алена Александровна Сабурина*, аспирантка, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: [saburina95@mail.ru](mailto:saburina95@mail.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7720-9775>

### ***The author***

*Alena A. Saburina*, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: [saburina95@mail.ru](mailto:saburina95@mail.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7720-9775>

**Ю. Ю. Тибекина, Н. А. Боровик**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

## **ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА БИОИНДИКАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ОЗОНОВОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ ВОЗДУШНОГО БАССЕЙНА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

*Аннотация. Рассматривается метод биоиндикации для изучения атмосферного загрязнения озоном в Калининградской области. В качестве биоиндикатора выступает растение белый клевер. В качестве времени полевых наблюдений выбран вегетационный период для растительности. В Калининградском регионе выбраны семь ключевых участков для полевых исследований. По результатам наблюдений рассчитан коэффициент для каждого полевого участка и проведено ранжирование территории региона по классам опасности влияния озона на живые организмы.*

*Annotation. A bioindication method for studying atmospheric ozone pollution in the Kaliningrad region is considered. The white clover plant acts as a bioindicator. The growing season for vegetation was chosen as the time of field observations. Seven key sites for field research have been selected in the Kaliningrad region. Based on the results of observations, the coefficient for each field plot was calculated and the territory of the region was ranked according to the hazard classes of the ozone effect on living organisms.*

**Ключевые слова:** озон, загрязнение, атмосфера, растительность, биоиндикация

**Keywords:** ozone, pollution, atmosphere, vegetation, bioindication

За последние несколько десятилетий стала наблюдаться тенденция накопления в атмосфере озона. В середине XX в. было доказано отрицательное влияние повышенных уровней приземного озона в атмосфере на живые организмы [1; 2]. В 1987 г. была создана Международная совместная программа по растительности, или ICP-vegetation, в которой приняли участие 35 стран Европы, для изучения загрязнения тяжелыми металлами и газами различных сред окружающей среды [3; 4].

В рамках Международной совместной программы в различных странах Европы ежегодно проводится мониторинг для изучения загрязнения различных сред тяжелыми металлами и газами, в том числе озоном, при помощи биоиндикационного метода [5]. В основе метода биоиндикации лежит положение в том, что определенные факторы среды создают условия для существования того или иного живого организма. Виды, которые позволяют выявить специфические особенности среды, называют биоиндикаторами. Метод

биоиндикации помогает дать оценку изменениям состояния среды и дать прогноз направлению этих изменений. При изучении степени загрязнения окружающей среды оценивается реакция живых организмов на загрязняющие вещества и изменения в окружающей среде [6].

В процессе реализации метода биоиндикации были выбраны ключевые участки для осуществления наблюдения за состоянием биоиндикатора; обособлены критерии оценки степени повреждения растительности на ключевых участках; оценено влияние озонового загрязнения воздушной среды Калининградской области и ранжирование территории по степени воздействия озона.

При проведении биологического мониторинга влияния озона на растительность надо правильно подбирать растение-биоиндикатор, особо чувствительное к озону. Такими культурными растениями являются люцерна, петуния, клевер; из домашних культур это виноград, горох, табак, редис, фасоль, картофель, томаты и др.

На территории Калининградской области широко распространен дикорастущий клевер ползучий, или белый, также хорошо произрастают сельскохозяйственные культурные растения семейства бобовых: горох посевной и фасоль обыкновенная, выступившие в качестве биоиндикаторов.

Для исследования воздействия озона на растительность Калининградской области и выявления особенностей загрязнения территории были выбраны семь ключевых участков (полигонов), расположенных в черте городов и поселков с разным уровнем антропогенной нагрузки и разными физико-географическими характеристиками: Калининград, г. Советск, г. Черняховск, г. Нестеров, пос. Железнодорожный Правдинского района, г. Светлогорск и пос. Заозерье Гурьевского района. Для полевых исследований сельскохозяйственных культурных растений — гороха посевного и фасоли обыкновенной — было выбрано семь полигонов; для белого клевера — три полевых участка в Калининграде, Советске и Черняховске, а также два дополнительных участка в Светлогорске в лесной и полевой местностях.

При наблюдении за биоиндикатором полевые исследования проводились только в летний сезон — в периоды, когда растительность активно проявляет рост, развитие (вегетативный), цветение и плодоношение (генеративный). В течение одного летнего сезона за этими участками были произведены наблюдения, фиксировались изменения на них и визуально сравнивались друг с другом в даты наблюдений, также делались качественные и количественные подсчеты.

По методу биоиндикации у белого клевера визуально фиксировались повреждения листовых пластин в результате влияния на него озона. Проводилась оценка цвета листовых пластин, степени поврежденности листьев и их краев, наличия тусклых пятен на клевере. По методу оценки и расчета проективного покрытия давалась общая характеристика трех участков размером

1 м<sup>2</sup> и делался расчет проективного покрытия неповрежденных растений относительно поврежденных, то есть пожелтевших, засохших и отмерших. В процентах выражалась доля поврежденных растений от всего общего участка, принятого за 100 %.

По методу биоиндикации у фасоли обыкновенной и гороха посевного, так же как и у клевера, фиксировались повреждения листовых пластин, цветение, рассчитывалось, сколько было пустоцветов и сколько собрано плодов (семян и стручков). По разным участкам наблюдения составлены соотношения, рассчитан один общий коэффициент для ранжирования территории Калининградского региона. На выращенных кустах гороха посевного и фасоли обыкновенной было рассчитано количество цветов, определено, сколько стручков выросло из этих цветов и сколько в каждом стручке было зрелых семян. Дополнительно высчитывалась сырая и сухая масса стручков, сравнивалась по наблюдаемым полигонам. Все эти данные были введены в сводную таблицу и сравнивались по ключевым участкам по каждому критерию.

Было предложено выделить шесть классов по степени влияния озона на белый клевер, или клевер ползучий, в полевых исследованиях. Для характеристики степени поражения озоном изучаемой территории приняты следующие критерии:

- 1-й класс — 0 % пораженных растений;
- 2-й класс — до 10 % пораженных растений;
- 3-й класс — до 15 % пораженных растений;
- 4-й класс — до 25 % пораженных растений;
- 5-й класс — до 50 % пораженных растений;
- 6-й класс — свыше 50 % пораженных растений.

Поражение растений на ключевых участках в период полевых наблюдений выражалось в пожелтении листьев, появлении черных и коричневых пятен на них, а также в высыхании и листьев, и самих растений.

В результате визуальных наблюдений в течение летнего периода у биоиндикаторов были обнаружены и зафиксированы следующие нарушения в росте и развитии растений:

- 1) наличие черных и коричневых точек на листовых пластинках;
- 2) общее пожелтение;
- 3) ослабленные черенки;
- 4) высыхание с краев листовых пластин;
- 5) отмирание бутонов.

По степени влияния озона на биоиндикатор белый, или ползучий, клевер, обследованные три участка можно распределить таким образом: Калининград — 4-й класс, Советск и Черняховск — 3-й класс, территория к юго-востоку от Светлогорска — 2-й (луговой участок) и 1-й класс (лесной участок).

В заключение необходимо отметить, что Калининградская область относится к территориям с повышенным содержанием озона в атмосферном воздухе. Сочетание высоких концентраций озона и благоприятных для его накопления условий обуславливают высокий риск поражения растительности (естественной и сельскохозяйственной).

### Список литературы

1. Бобылев С. Н., Новоселов А. Л., Гирусов Э. В. Экология озона. М. : Академия, 2018.
2. Макунин Д. А. Озоновая атака // Экология и жизнь. 2012. № 8. С. 92—93.
3. Ladd I., Skelly J., Pippin M. Ozone-Induced Foliar injury. Hampton, 2011.
4. Feng Z., Paoletti E., Bynerowicz A., Harmens H. Ozone and plants // Environmental Pollution. 2015. Vol. 202. P. 215—216.
5. Mills G., Harmens H., Wagg S. Ozone impacts on vegetation in a nitrogen enriched and changing climate // Environmental Pollution, 2016. Vol. 208. P. 898—908.
6. Мелехова О. П., Егорова Е. И., Евсеева Т. И. Биологический контроль окружающей среды: биоиндикация и биотестирование. М. : Академия, 2013.

### Об авторах

*Юлиана Юрьевна Тибекина*, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.  
E-mail: jusik932@mail.ru

*Наталья Александровна Боровик*, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.  
E-mail: orhidea\_95@mail.ru

### The authors

*Juliana J. Tibekina*, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.  
E-mail: jusik932@mail.ru

*Natalia A. Borovik*, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.  
E-mail: orhidea\_95@mail.ru

**Д. В. Хвале́й**

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)*

**РОЛЬ ЦИФРОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ  
В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ:  
НА ПРИМЕРЕ ПОЛЕССКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

*Аннотация. Цифровые социальные инновации могут выступать драйверами пространственного развития сельской местности. В частности, цифровой трансформации подвергается процесс сбыта излишков товара личными подсобными хозяйствами. Исследование проведено при использовании данных цифровых сервисов за октябрь 2022 г. и охватывает 66 поселков Полесского муниципального округа Калининградской области. Выявлены центры распространения цифровых инновационных практик и возможный вектор диффузии.*

*Annotation. Digital social innovations can act as drivers of spatial development of rural areas. In particular, the process of selling surplus goods by personal subsidiary farms is undergoing digital transformation. The study was conducted using data from digital services for October 2022 and covers 66 villages of the Polesk municipality of Kaliningrad region. The centers of distribution of digital innovative practices and a possible vector of diffusion are identified.*

**Ключевые слова:** мобильный интернет, интернет-покрытие, личное подсобное хозяйство, диффузия цифровых инноваций, инновационная практика

**Keywords:** mobile internet, internet coverage, personal subsidiary farm, diffusion of digital innovations, innovative practice

Связь пространственного развития сельских территорий с особенностями процесса цифровизации активно изучается в мировой науке [1]. Установлено, что цифровое неравенство во многом продиктовано географическими особенностями развития местности [2]. Однако справедливо и обратное: внедрение цифровых инноваций также активно способствует пространственной трансформации села. Воздействуя напрямую на сельское сообщество, цифровые социальные инновации способны купировать проблемы развития села и повышать его жизнеспособность [3]. Одним из актуальных примеров цифровых социальных инноваций в сельской местности является внедрение новых практик перераспределения излишков продукции, произведенной личными

подсобными хозяйствами. Если ранее сбыт продукции был сопряжен с определенными финансовыми рисками [4], то сейчас после продажи части излишков соседям с рук многие жители села используют социальные сети и специализированные цифровые платформы для последующей реализации товаров [5]. Принимая во внимание заметную роль социальных факторов в данной практике [6], особое внимание уделим нахождению местных центров ее распространения и направленности диффузионных потоков, вектор которых будет смещен относительно экономически развитых поселков.

Цель данной статьи — изучить влияние цифровых социальных инноваций на пространственное развитие сельских территорий. Задача — выявить центры распространения и основное направление диффузии инновационной практики в рамках муниципалитета.

В качестве объекта исследования была выбрана сельская местность Полесского муниципального округа Калининградской области. Население округа составляет 18,1 тыс. человек, 61,7% из которых проживают в сельской местности. Западная часть муниципалитета зачастую включается исследователями в состав Калининградской городской агломерации [7], основная ось развития муниципалитета лежит вдоль автомобильных и железной дорог Калининград — Советск, что обуславливает более высокий уровень цифровизации этих территорий. В состав округа входят 66 сельских населенных пунктов, численность населения которых колеблется от 3 до 1084 человек.

Для определения влияния цифровых социальных инноваций на пространственную стратификацию сельской местности следует учитывать наличие интернета как лимитирующего фактора для развития любых цифровых, в том числе социальных, инноваций. На первом этапе потребовалось решить задачу по определению уровня развития интернет-технологий в поселках Полесского округа. По ряду причин фиксированный доступ в интернет не пользуется популярностью в сельской местности, поэтому более показательным является мобильное интернет-покрытие [8]. В сельской местности оно чаще всего представляет сложное сочетание технологий от нескольких операторов, а поэтому нуждается в территориальном измерении.

На рисунке 1 показана типология сельской местности Полесского округа по стандартам мобильного интернета. Поскольку внедрение прогрессивных интернет-технологий наиболее выгодно для интернет-операторов в первую очередь в крупных сельских населенных пунктах, в них имеется больший потенциал для восприятия цифровых социальных инноваций. Наилучшее интернет-покрытие демонстрируют поселки Славянское, Дальнее, Сосновка, Головкино, а также окружающие их небольшие поселки. Кроме того, высокий уровень интернет-покрытия наблюдается в пригородной зоне Полесска, куда входят поселки Подсобный, Зеленое, Тюленино, Беломорское, Бригадное. Несмотря на наличие на территории округа «мертвых зон», все сельское население в той или иной мере обеспечено интернетом (табл.).

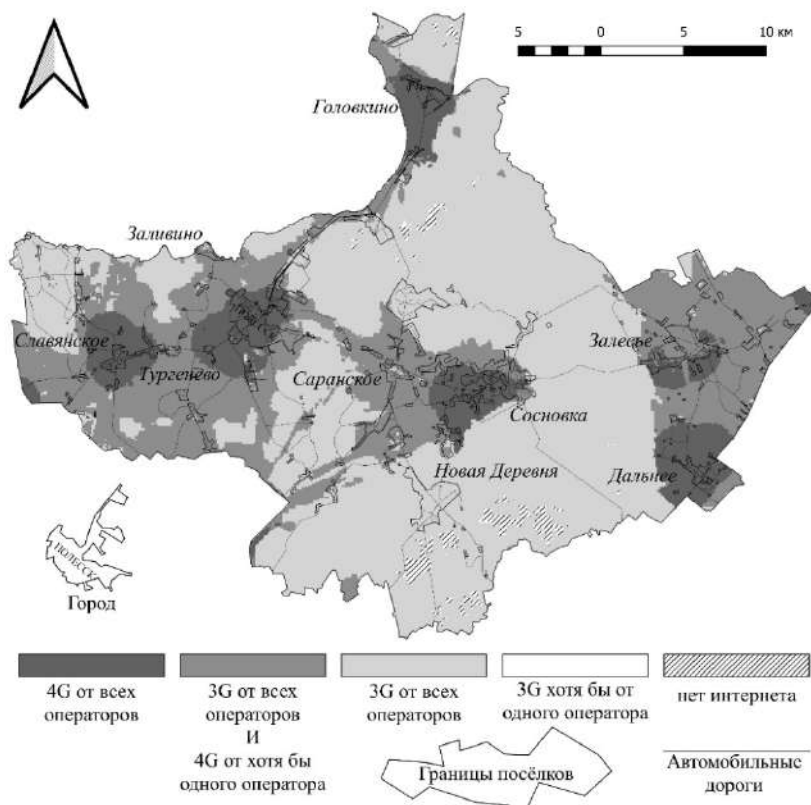


Рис. 1. Покрытие мобильным интернетом территории  
Полесского муниципального округа

Источник: составлено на основе [9].

### Мобильное интернет-покрытие сельской местности Полесского муниципального округа

Интернет-покрытие	Сельское население		Количество сельских населенных пунктов, ед.	Доля сельских территорий, покрытых интернетом, %
	Чел.	%		
Нет интернета	0	0,0	0	1,3
3G хотя бы от одного оператора	0	0,0	0	0,0
3G от всех операторов	107	1,0	3	58,6
3G от всех операторов и 4G хотя бы от одного	7405	66,4	45	29,2
4G от всех операторов	3646	32,7	18	10,9

Источник: рассчитано автором по данным [9; 10].

Значительное распространение на территории муниципалитета получило 3G-покрытие, обеспеченное всеми операторами. Однако большая часть сельского населения (66,4%) не только имеет выбор в применении интернет-технологий от конкретного оператора, но и в будущем может претендовать на использование более прогрессивных стандартов связи. Кроме того, 32,7% сельского населения округа имеют «городской» уровень развития интернета — 4G от всех операторов. В целом мобильные интернет-технологии в сельской местности Полесского округа в достаточной мере доступны для полноценного восприятия цифровых социальных инноваций сельскими жителями.

Для выявления центров распространения инновационных практик сбыта продукции личных подсобных хозяйств был проведен анализ объявлений в социальной сети «ВКонтакте» [11] и сервисе объявлений «Авито» [12]. Тем или иным образом распространяют избыточную продукцию фермеры, проживающие в 19 населенных пунктах Полесского муниципалитета. 7 поселков (Тургенево, Славянское, Залесье, Новая Деревня, Нахимово, Саранское, Ушаковка) выступают наиболее активными центрами использования данной инновационной практики: местные жители предлагают целый спектр сельскохозяйственной продукции. Наибольшей популярностью пользуется сбыт картофеля: например, насчитывается около десяти различных предложений о его продаже в Славянском. Немалую роль в популярности картофеля играет расположенный в поселке филиал Института картофелеводства имени В.Р. Вильямса. Многочисленны предложения по продаже сельскохозяйственных животных: крупного рогатого скота (8 поселков), птицы (7 поселков), кроликов, коз. Среди растительной продукции предлагают к продаже ремонтантную малину и клубнику, яблоки, зерно и сено на корм скоту.

Наиболее благоприятной средой для восприятия цифровых инноваций являются поселки с хорошим интернет-покрытием. На рисунке 2 показано возможное направление диффузии инновационной практики продажи излишков личного подсобного хозяйства через интернет и социальные сети.

На первом этапе цифровая инновационная практика распространится в ближайшие населенные пункты, жители которых имеют или будут иметь в ближайшее время доступ к стабильному мобильному интернету. Социальный эффект от использования цифровой инновационной практики может проявиться в краткосрочной перспективе и поэтому требует дальнейшего тщательного исследования.

В работе рассмотрен лишь один из аспектов влияния цифровых социальных инноваций на пространственное развитие сельской местности. Выявлено, что местными центрами распространения инновационных практик могут выступать крупные поселки с развитой культурой использования цифровых сервисов. Основное направление диффузии цифровой инновации — близлежащие поселки с хорошим интернет-покрытием, однако процесс требует дальнейшего изучения.

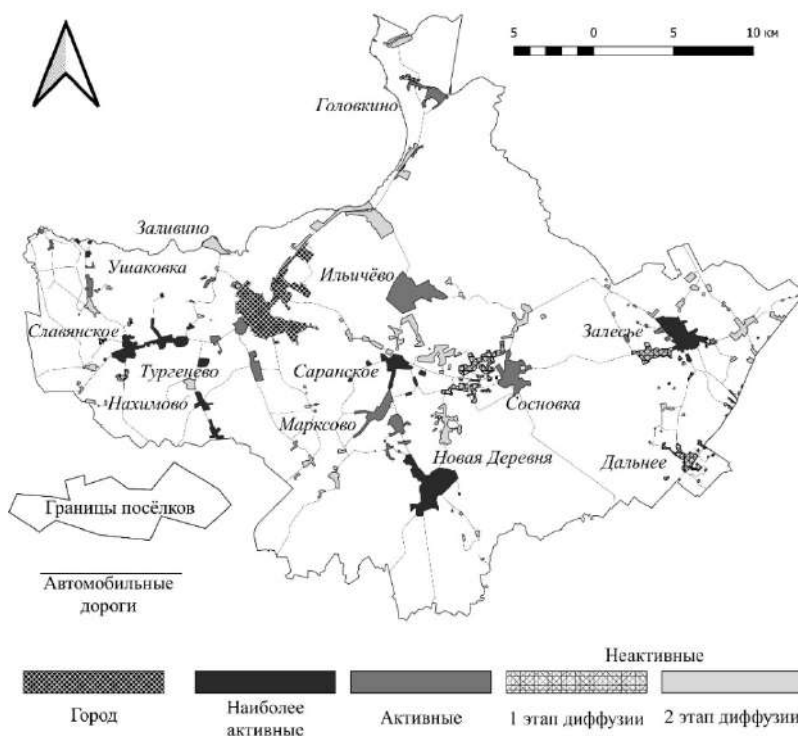


Рис. 2. Диффузия цифровых социальных инноваций в сельской местности Полесского муниципального округа

Источник: составлено по данным [11; 12].

Исследование выполнено под эгидой программы «ERA.Net RUS plus» при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-55-76003.

#### Список литературы

1. Rotz S., Gravely E., Mosby I. et al. Automated pastures and the digital divide: How agricultural technologies are shaping labour and rural communities // *Journal of Rural Studies*. 2019. №68. С. 112—122. doi: 10.1016/j. jrurstud.2019.01.023.
2. Sept A. Thinking Together Digitalization and Social Innovation in Rural Areas: An Exploration of Rural Digitalization Projects in Germany // *European Countryside*. 2020. Vol. 12, №2. P. 193—208.
3. Федоров Г. М., Кузнецова Т. Ю., Михайлова А. А. О внедрении социальных инноваций в сельской местности Калининградской области // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*. 2021. №3. С. 5—21.
4. Галиев Р.Р. Проблемы сбыта продукции хозяйств населения и варианты их решения // *Актуальные проблемы современных технологий производства, хранения и*

переработки сельскохозяйственной продукции : матер. Всерос. (национальной) науч.-практ. конф., посвященной 30-летию подготовки специалистов-технологов. Курск, 2022. С. 294—298.

5. *Галиев Р. Р.* Проблемы и инновационные технологии сбыта продукции хозяйств населения // Актуальные проблемы аграрной науки: прикладные и исследовательские аспекты : сб. науч. тр. II Всерос. (национальной) науч.-практ. конф. Нальчик, 2022. С. 241—243.

6. *Самусенко Д. Н., Лачининский С. С., Михайлова А. А., Сорокин И. С.* Сравнительная оценка инновационной восприимчивости городских и сельских поселений: на примере Ленинградской области // Балтийский регион — регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений : матер. IV междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2020. С. 107—116.

7. *Гуменюк И. С., Гуменюк Л. Г.* Транспортная связность как фактор преодоления периферийности: пример сельских поселений Калининградской области // Балтийский регион. 2021. Т. 13, №4. С. 147—160. doi: 10.5922/2079-8555-2021-4-9.

8. *Личман А. А.* Базовые условия для цифровой трансформации в сельской местности // Никоновские чтения. 2019. №24. С. 357—359.

9. *Мелдана.* Мобильное интернет-покрытие по данным операторов сотовой связи. URL: <https://kaliningrad.meldana.com/services/sotovaya-svyaz-i-internet/karta-pokrytiya-gsm-3g-lte-4g/> (дата обращения: 16.10.2022).

10. *Калининградстат.* Численность населения городских и сельских населенных пунктов Калининградской области на 1 января 2021 года, 2021. Калининград, 2021.

11. *Авито.* Онлайн-агрегатор объявлений. URL: <https://www.avito.ru/> (дата обращения: 16.10.2022).

12. *Типичный Полесск* // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/tipichniipolessk> (дата обращения: 16.10.2022).

### ***Об авторе***

*Дмитрий Витальевич Хвалей*, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.  
E-mail: [DKHvalei1@kantiana.ru](mailto:DKHvalei1@kantiana.ru)  
ORCID: 0000-0001-9701-9442

### ***The author***

*Dmitry V. Hvalej*, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.  
E-mail: [DKHvalei1@kantiana.ru](mailto:DKHvalei1@kantiana.ru)  
ORCID: 0000-0001-9701-9442

*Научное издание*

ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧЬЯ  
НОВЫЕ ТРАЕКТОРИИ  
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Материалы VI международной научно-практической конференции

Калининград  
20—21 октября 2022 года

Том 6

Редактор *Е. Т. Иванова*  
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 09.03.2023 г.  
Дата выхода в свет 20.03.2023 г.  
Формат 70×100 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Усл. печ. л. 20,2  
Тираж 300 экз. (1-й завод 30 экз.). Заказ 29

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта  
236041, г. Калининград, ул. Невского, 14